

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ СТРАН АЗИИ И ЕВРОПЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА**

АБДУГАНИ МАМАДАЗИМОВ

**ОТКРЫТИЙ МИР ТАДЖИКОВ
КНИГА I.
СТРАТЕГИЯ САМАНИДОВ**

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
30-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ТАДЖИКИСТАНА*

ДУШАНБЕ-2021

УДК Тадж:9(575.3)+39+008+398(575.3)
ББК 63.3 (2 тадж) + 63.5 (2 тадж) + 26.89 (2 тадж) +92 Я 2
М-22

Рецензенты: доцент ТНУ Фаррух Салимов
доцент ХГУ Абдухаким Шарипов

Монография утверждена к печати Ученым Советом
Института изучения проблем стран Азии и Европы НАНТ
(заседание № 5 от 1 июня 2021 г.)

Монография публикуется при финансовой поддержке
«Института Открытое Общество-Фонд Содействия» Таджикистана

Мамадазимов Абдугани

Открытый мир таджиков. Книга I. Стратегия Саманидов. -
Душанбе, «Илм», 2021, - 368 с.

В монографии исследуется процесс разработки и распространения стратегии Саманидов «Открытый мир таджиков», роль и место в этом процессе знаменитых сыновей таджикского народа (от Бармакидов до Гуридов), структура данной стратегии и специфика взаимодействия ее составных частей между собой. В ней рассматривается также процесс распространения данной стратегии по всему миру со стороны государств-преемников Саманидской державы до Нового времени. Монография предназначена для всех, кто интересуется древней историей и богатой культурой таджикского народа и его предков.

ISBN 978-99985-969-1-7

©Абдугани Мамадазимов, 2021
© “Илм”, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Подготовка почвы для разработки стратегии.....	12
1.1. Абу Муслим - воин веры и патриот Хорасана.....	16
1.2. Бармакиды в Багдаде.....	26
1.3. Сопrotивление Согда.....	37
1.4. Академия халифа Мамуна в Мерве.....	54
1.5. Тахириды: от опоры халифата к независимости.....	58
1.6. Деятельность эмиров Саманидской державы по разработке стратегии..	65
1.7. Этногенез таджикского народа в лоно Саманидской державы....	85
Глава II. Структура стратегии Саманидов	95
2.1. Статус таджикского языка как официального языка государства..	101
2.2. Укрепление светской власти эмира (султана) в исламском мире..	114
2.3. Закрепление статуса великого визиря и «дивана визиров» как оптимальный тип государственного управления.....	124
2.4. Возвышение ханафитского толка суннитского ислама в мусульманском Востоке.....	140
2.5. Упрочение политики “таджикско-тюркский синтез”.....	156
2.6. Усовершенствование практики меценатства над «людьми пера».	168
2.7. Патронаж Саманидов над Великим шелковым путем.....	195
Глава III. Распространение стратегии Саманидов по миру..	212
3.1. Саманидская традиция от Гурганджа до Гургана.....	212
3.2. Газневиды и Караханиды – первые правопреемники Саманидов..	218
3.3. Сельджуки - прилежные ученики Саманидов.....	241
3.4. Гуриды - «младшие партнеры» Саманидов по распространению стратегии «Открытый мир таджиков».....	269
3.5. Конийский и Бенгальский султанаты как два полюса ареала «Открытого мира таджиков».....	288
3.6. Кочевые чингизиды под влиянием саманидской стратегии.....	301
3.7. Тимур и тимуриды как просвещенные продолжатели стратегии Саманидов.....	332
Заключение.....	345
Литература.....	351

ВВЕДЕНИЕ

Один из древнейших народов не только Востока, но и мира, таджикский народ и его славные предки внесли достойный вклад в мировую цивилизацию. Данное обстоятельство актуализирует вопрос постоянного и неустанного возвращения к этой тематике, чтобы найти новый аспект (или элемент) данного вклада или заново рассмотреть тот или иной мало изученный аспект многовековой истории и культуры таджикского народа под углом зрения нового подхода или новой методологии.

Стремительное продвижение вперед науки и техники в конце XX и начала XXI веков начинает поднимать завесы неизвестности от некоторых белых «пятен» истории, которые не позволили в прошлом комплексного подхода или тщательного их изучения. Необходимость всестороннего и глубокого исследования колоссального историко-культурного багажа таджикского народа и его славных предков обусловлена также во многом, благодаря достижению его политического суверенитета. Государственный суверенитет таджикского народа, приобретение которого после тысячелетнего перерыва, среди прочего, актуализирует вопрос возвращения к тем истокам, когда были сформированы важнейшие фундаментальные основы таджикской этнонациональной государственности, вобравшей в себе все достижения своих предков в политике, дипломатии, экономике и, конечно, в духовной сфере.

Появление пяти центрально азиатских республик не только кардинально изменило геополитический и геоэкономический облик Центральной Азии, но и всей обширной Евразии.

В мощном фундаменте современной северной Евразии (со времён античности) находится бесспорный твердый пласт наших предков (арьев) - саков (скифов-сарматов), согдийцев, бактрийцев и других, которые в конце II тысячеле-

тия до н. э., отрываясь от своего индоевропейского ядра, двинулись на юго-восток.

«Географическая поэма» Авесты создает впервые в древнем мире картину формирования «оазисного районирования» народов Центральной Азии и близлежащих регионов Евразии, которая с несколькими изменениями дошла до нас.

А «Шахнаме» описывает не только легендарное противостояние Ирана и Турана (античной Центральной Азии), но и сложения протогосударств региона, образ жизни людей, сферы жизнедеятельности домохозяйств как кочевого, так и оседлого населения.

Геродот в своих «Историях» сообщает всему древнему миру не только о западном Иране, начавшего мощное движение на Средиземноморье, но и о его восточных областях, имевших к этому времени разносторонние связи с Индией и Китаем.

А восточные походы Александра Македонского и начала функционирования Великого шелкового пути (конец II в. до н. э.) вывели окончательно Туран-Вароруд-Трансоксиану (центрально азиатское междуречье) из «тени» мировой истории.

На наш взгляд, одной из главных факторов нахождения на периферию мировой истории Вароруда (Трансоксианы) была не ее географическое местонахождение (Центральная Азия-Хартланд Евразии), а «проклятие письменности», т.е. зороастрийская традиция о «ахримановой (злой) сущности» письма и соответственно устная передача информации.

Общеизвестно, что история письменности неразрывно связана с историей народов, цивилизаций. Именно степень развития письменности определяла, какие из народов стала древними цивилизациями, а какие ушли в небытие, утонув в океане всемирной истории, не сумев сохранить и передать последующим потомкам свое культурный генофонд, а, также, не воздвигнув своего бессмертного духовного храма.

Изобретение письменности выступает одним из самых важнейших, фундаментальных открытий на долгом пути человеческой эволюции. По всемирно исторической значимости этот шаг можно сравнить с умением добывать огонь или изобретением колеса. Однако наши славные предки (арии), претендующие на изобретения колеса, в этом важнейшей сфере жизнедеятельности человека (роль письма) выбрали пассивный путь - устная передача информации. Маздеистская и ее реформаторская ветвь - зороастрийская традиция подходила к письменности как к «злomu (ахримановому) творению» и сохранение, умножение и трансляции всего колоссального багажа этой самобытной цивилизации доверила устной передаче последующим поколениям. Несомненно, устная передача информации имела свои (религиозно-ритуальные) преимущества, однако описание, как общественной жизни, так и государственных дел зороастрийского мира в устной передаче, создала для последующих поколений много трудностей.

Данное «проклятие письменности» зороастризма было снято с появлением новой религии - ислама, благожелательно относящегося ко всем «книжным народам» мира, включая предков таджикского народа (носителям священной «Авесты»), а его распространения по Хорасану и Вароруду, кардинально изменило их духовный облик.

Предки таджикского народа и окружающих их различные тюркские племена до ислама осваивали различные религии, появлявшиеся в Туране и Хорасане или распространяющие по маршрутам шелкового пути. Они в каждом случае с интересом ознакомились с ними или досконально изучали их. Здесь в отличие от Сасанидского Ирана, где господствующая зороастрийская религия препятствовала другим религиям, доминировал религиозный плюрализм.

Предки таджиков, как и другие народы Центральной Азии, были открыты окружающему их миру и встречали все

новое без видимого страха, так как международная торговля и религиозный плюрализм сделали их приверженцами свободы и открытого обмена новыми идеями и ценностями. Они были динамичны и считали любые изменения как само собой разумеющееся и нормальной практикой выбора оптимального верования, сочетая привлекательные аспекты различных религий в неожиданный и оригинальный синкретизм.

В попытках адаптировать различные религии или новые идеи, попадающие в их поле зрения, предки таджикского народа стали мастерами кодификации, анализа, редактирования и комментирования священных книг каждой новой веры, которая появлялась в Вароруде, Хорасане или маршрутах шелкового пути (зороастризм, буддизм, несторианский толк христианства, манихейство, иудаизм, тенгрианство и др.).

Зороастризм возник в собственной среде, догмы которого разработали сами интеллектуалы, вышедшие из среды этого народа. Они занимались также греческими текстами по религии, философии после похода Александра Македонского в так называемой эллинистической эпохе, создавая бактрогреческие тексты. Что касается буддизма, то согдийские купцы-буддисты были основными трансляторами (передатчиками) их священных текстов из Индии в Китай, параллельно занимаясь их редакцией и переводом их основных трудов.

Таким образом, религиозная и философская жизнь предков таджикского народа была так насыщена и находилась на такой высоте, что они без особого труда и активно включились в процесс внедрения и распространения новой религии-ислама не только в Центральной Азии, но и в глобальном исламском мире (включая и Ближний Восток). Сам процесс собирания слов и поступков (хадисов) Великого пророка ислама со стороны лучших сыновей таджикского народа свидетельствует о богатой традиции этого народа в деле кодификации и систематизации религиозно-философских идей и их адаптации к реальной жизни некогда зороастрийского обще-

ства. Поэтому они не только внесли существенный вклад в становлении и укреплении ислама и мусульманской культуры в обширных просторах, но и разработали собственный путь развития в лоно этой религии в виде практического ханафитского толка суннитского (правоверного) ислама, сохраняющийся по сей день.

Необходимо особо подчеркнуть о двух важных особенностях в содержании данной монографии:

Во-первых, в отличие от многих исследований, посвященных истории и культуры таджикского народа, стоявших в (марксистском) формационном подходе, когда вес цикл человеческой истории описывается путем несомненного чередования и антагонистической борьбы типов производственных отношений (первобытного-рабовладельческого-феодального-капиталистического-коммунистического строя), данная монография зиждется в цивилизационном подходе (зороастризм-ислам-секуляризм) для описания многовековой истории таджикского народа.

Общеизвестно, что даже основоположник марксизма Карл Маркс осознавал о непригодности своего подхода к истории Востока, для описания общественно-политических и социально-экономических процессов в этой части Земли он использовал размытой концепции «азиатский способ производства»¹. Позднее для восточных обществ российский исследователь Л.С. Васильев разработал концепцию «власть-собственность», которая более точно характеризовал сущность восточного государства и трансформаций в восточных обществах². Поэтому на наш взгляд, для полноценного исследования истории таджикского народа более подходит не

¹Цит. по Алаев Л.Б. Азиатский способ производства. // Большая российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2004-2017. https://bigenc.ru/world_history/text/1803582 дата обращения 20.07.2020.

² Васильев Л.С. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.- М.: «Наука», -392 с.

формационный, а цивилизационный подход, контуры которого пронизывали все стороны жизнедеятельности таджикского народа и его древних предков. Черно-белое описание истории таджикского народа, присущее марксизм-ленинизму, когда общество состоит только из класса эксплуататоров и эксплуатируемых и вечной борьбы между ними, не способно полностью раскрыть всю разносторонность богатой повседневной жизни таджикского народа и его предков.

Запрет рабства и работорговли только в Новое время (60-х годов XIX столетия) в Бухарском эмирате по требованию российских властей, выступающих его сюзереном, также никак не сочетается с закономерностями смены формационного цикла исторического развития человечества. А отсутствие практики рабства (в широком смысле слова) в кочевых обществах с традиционным экстенсивным ведением хозяйства (животноводства) до недавних времен, постоянно оказывающих давление в Вароруд, также подтверждает нашу мысль об альтернативном пути развития восточных обществ.

Вторая особенность нашего цивилизационного подхода состоит в том, что в условиях восточного патернализма, в лоно которого поочередно образовались и распались все двадцать семь централизованных государственных образований таджикского народа и его славных предков, особое место занимает доминирующее положение высшей государственной власти, политика которой во многом определяла основные сферы жизнедеятельности людей. В этих условиях все религии, включая и христианство (несторианство) свое текущее положение и перспективу определяло от их способности налаживания и поддержания взаимоотношений с верховной властью государственного образования.

Для более точного описания ареала распространения предков таджикского народа мы использовали традиционно таджикские термины, испокон веков обитавших в них, а не заимствованные из словаря чужеземных народов. Оно явля-

ется более справедливым, так как эти термины более полно несут смысловую нагрузку. Эти следующие географические термины:

Туран - обширный регион Евразии, достигающей на востоке до пустынь Монголии, на западе до Аральского моря, а на севере охватывает степей Казахстана, в северо-востоке до Алтайских гор, а на юге с гор Куньлунь через Памир, р. Амударья и Копетдаг выходит на восточный берег Каспия.

Необходимо подчеркнуть, что западнее от Аральского моря (Турана) в древности была расположена Сарматия (европейски Скифия), земля одного из трех сыновей Фаридуна (Сальма, брата Тура и Эраджа), большинства североиранских (алано-осетинских) племен которой позднее эмигрировали на запад (другой берег Волги), а часть перемещались туранскими (восточноиранскими) племенами. Поэтому позднее Туран на северо-западе вышел в бассейн рек Волги и Урала.

Этот мега регион, в свою очередь, делится на следующие составные части:

Вароруд - (тадж. «междуречье Амударья и Сырдарья»), сердцевиной Турана, расположенная в бассейне двух великих рек Центральной Азии. На востоке находится высокогорное плато Памир, на западе Хорезмский оазис;

Великая степь (Великие казахские степи), на востоке опирается на Джунгарские ворота и долина Или, а на западе выход на Каспий и бассейн р. Волги и Яик. На севере до сибирских лесов и на юге доходит до Хафтруда и р. Сырдарья. До XX в. более популярным был иной термин «Дешти Кипчак» (Носири Хисрав);

Таримский бассейн, выступающий как восточная часть Турана, на востоке (Турфан) граничит с монгольскими степями, на севере проходит Алтай-Тянь-шаньские горные хребты, а на юге Куньлунь-Каракорумские горные хребты, а на западе опирается на Памир;

Хафтруд (Семиречье)- территория северного Кыргызстана и юго-востока Казахстана, колонизированный и обустроенный согдийскими переселенцами.

Хорасан («(область), откуда приходит солнце»), второй крупный регион, традиционно населенными таджиками и их предками. На востоке охватывает (афганский) Бадахшан, а на юго-востоке упирается на Гиндукуш, на северо-западе выходит на Каспийское море. Региону на юго-западе тяготеет самостоятельная историко-культурная область таджиков Систан, а на юго-востоке тяготеет обширный регион Кабул с окрестностями. Хорасан охватывает такие историко-культурные области как Мерв, Герат, Нишапур, Балх и Бадахшан.

На наш взгляд, учет этих двух особенностей данной монографии (цивилизационного подхода к истории и использование традиционных таджикских терминов) более полно отражает тех мыслей, которых мы хотим довести до скрупулезного читателя.

ГЛАВА I. ПОДГОТОВКА ПОЧВЫ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ.

К середине VII века, когда по всему миру стал стремительно распространиться новая религия-ислам, традиционные регионы таджиков (Туран, Вароруд и Хорасан), находились в различных стадиях своего развития. Западная часть Хорасана до Мерва находилась в составе Сасанидской державы, переживающей тяжелые времена. Восточная часть Хорасана, после распада эфталитской власти, находилась в политической разобщенности. А Вароруд, где доминировала Согдиана и десятки мелких владений на востоке, также переживали децентрализации власти. В Таримском бассейне и Хафттруде, после создания Тюркского каганата и его трансформации, этнический состав населения стал постепенно изменяться в пользу различных тюркоязычных народов и племен. При этом в многочисленных согдийских колониях, разбросанных по всему восточному маршруту Великого шелкового пути (от Амударьи до юго-восточных окраин Таримского бассейна), экономическая жизнь находилась в умелых руках согдийских купцов. Согдийский правитель стремился координировать торгово-экономическую и социальную жизнь этих колоний, расположенных от центра до 3-4 тыс. км. в отдаленности.

Разнообразие титулов местных правителей - согдийский ихшид, хатлоншах (или лев хатлона)¹, тирмизшах (царь Термеза), афшин Усурушаны², тутук Ферганы³, тудун Чача⁴, бал-

¹ Гафуров Б.Г. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. К.І. – Душанбе, «Ирфон», 1998, с.304.

² Гафуров Б.Г. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. К.І. – Душанбе, «Ирфон», 1998, с.446.

³ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение. Перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, с. 75.

⁴ Гафуров Б.Г. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. К.І. – Душанбе, «Ирфон», 1998, с.419; Согдийские документы с горы Муг. Вып.

ххудат, бухархудат¹, варданхудат, саманхудат и многие другие мелкие удельные князья свидетельствует о глубоком политическом кризисе и жесткой децентрализации высшей власти в историко-культурных регионах предков таджиков. На северо-востоке двуединый регион Вароруд и Хорасан находился в состоянии партнерство/противоборство с наследниками Тюркского каганата, а на юго-западе периодически Сасаниды угрожали их независимости.

Вскоре Арабский халифат в первоначальных столицах в Медине, Куфе и Дамаске, ликвидировав мощную Сасанидскую державу, стал новой угрозой для Хорасана и Вароруда. Две главные мотивирующие факторы: рьяное участие в священном джихаде в качестве гази и улучшение свое материальное положение способствовали перетеканию огромного количества арабских племен (в основном, из Ирака) к восточной окраине государства Сасанидов. Последний шахиншах Сасанидов Яздигурд III, более полутора десятилетия оказав сопротивления арабскому нашествию, с первого сражения с арабами при Кадисии (636 г.), к 651 году отступил к самой восточной своей провинции-городу Мерв. Здесь он повторил судьбу последнего ахеменидского шахиншаха Дария III тысячелетней давности (330 г. до н.э.), когда его марзпан (пограничный наместник) приказал убить своего государя мельнику². В обоих сюжетах обнаруживается влияния зороастрийского вероучения о «хварне/фарре», когда правящий шахиншах терпящей ряд (более трех раз) поражений, теряет данную божественную благодать (от Ахуры-Мазды) и претендент за престол (в первом случае Александр Македонский,

П. Юридические документы и письма. Чтение. Перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, с.75.

¹ Гафуров Б.Г. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна. К.И. – Душанбе, «Ирфон», 1998, с.435.

²Гафуров Б.Г. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна. К.И. – Душанбе, «Ирфон», 1998, с.407-409.

а во втором случае арабский халиф Али) получает его. В арабо-исламском учении «хварна/харизма» превращается в учение о «баракат».

Устранение последнего сасанидского шахиншаха не привело к угасанию вышеуказанных мотивационных факторов арабов (джихад и нажива), а, наоборот, за эти первые два десятилетия бедуинские племена, традиционно живущие набегами, получивших еще благословение за эти грабежи божественное благословение от халифов, за 1/5 часть добычи, получили еще больше импульс. Тем более за эти годы, некогда кочующие и жившие в палатках в пустынях, арабские и бедуинские племена, повседневно сталкивающиеся с изысканным образом жизни оседлых иранцев и экспроприирующих эти богатства, на берегу Амударьи непосредственно выходили к восточному маршруту Великого шелкового пути, сулящие, как и богатый Иран, несметных богатств.

Одновременно с чрезмерным расширением новой державы- арабо-исламского халифата остро встал вопрос об организации его административно-бюрократической структуры. Священные для мусульман города-Мекка и Медина не имели ни опыт, ни традиции государственной власти, ограниченные традициями степного трайбализма. А столица государства Омейядов-древний город Дамаск имел только опыт странового управления, не достаточный для управления обширного халифата, распространяющий на трех континентах (Азии, Африки и Европы). По сообщению специалистов, после падения Сасанидов в арабском халифате среднеперсидский язык играл роль канцелярии, который до реформ известного наместника халифата на востоке ал-Хаджадж б. Юсуф (726 г.) широко использовался в канцеляриях в бывших владениях Сасанидов, включенных в состав новой империи¹.

¹Хуршудян Э.Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана.-Алматы: изд-во «Институт Азиатских исследований», 2015, с. 229

Естественно, борьба за власть и наживы привела к тренингам среди арабских племен, а также многочисленные боестолкновения, приведших к уменьшению численности арабов, что открыло путь к включению за борьбу новых неофитов- хорасанских мусульман-мавали. Хорасанские мавали, среди которых ярко выделился Абу Муслим, принимая новую религию, оставались верными родному языку. Поэтому в его армии арабы научились говорить на таджикском языке наряду с хорасанцами.

Этим новым неофитам удалось не только сменить правящую династию, но и превращения этого этнодинастийного государства в мировую наднациональную империю, перед которой теперь остро встал вопрос создания нового политического центра. И эта проблема, как предыдущая (язык канцелярии), была решена также при активном участии иранских народов, в первую очередь, хорасанцами и варорудцами.

В политический олимп халифата выходят мудрые Бармакиды, которые своими долго идущими реформами, открывают широкие просторы для последующих таджикских этнодинастийных государственных образований- Тахиридов, Саффаридов, и, особенно, Саманидов. Этим последним удалось выступить не только преемником идей и ценностей предыдущих поколений, но и разработчиком собственной стратегии.

1.1. Абу Муслим - воин веры и патриот Хорасана.

Жесткая борьба арабов в двух уровнях: борьба южных и северных арабских племен в востоке халифата (в Хорасане) и между Омейядами и Аббасидами за высшую власть в сердце халифата, стала постепенно вовлекать других народов, принявших ислам, в свою орбиту. Учитывая того исторического факта, что реальная столица халифата Омейядов, пришедших на смену четырем «праведным халифам», была перенесена в Дамаск, то их идейные противники (Аббасиды) стали искать опору вдаль от столицы в далеких восточных провинциях. Сюда был отправлен Абу Муслим Хурасани, мавали (раб), рожденный в Мерве¹. Вскоре в середине VIII века он превратился в фактического главы анти омейядского движения Аббасидов в Хорасане. Важно здесь отметить, что он при этом не только сохранил уважения родному языку и обычаям и обрядам своего народа, но и приучил арабов этим традициям. Вот как описывает немецкий исследователь о положении дел в Хорасане того времени: «в Хорасане было около 50 тысяч арабских воинов, а так как обязательная военная служба касалась практически половину мужского населения, то всего арабов, по всей вероятности, насчитывалось не более 200 тысяч душ. Арабы привыкли быть хорасанцами, в общей провинции они ощущали себя едиными с местными жителями. Они носили штаны на иранский манер, пили вино, отмечали праздники Навруз и Мехреган (Мехргон- М.А.), а знать их вели себя подобно марзпанам (глава пограничных областей при Сасанидах- М.А.). Общая торговля и деловая активность влекли собой взаимопонимания с иранцами. Даже на рынках в Куфе и Басре (города Ирака- М.А.) можно было, по меньшей мере, так же часто услышать персидскую речь, как и

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 138.

арабскую. Казалось исключением, что Абу Сайда (наместник арабов - М.А.) говорил только по- арабски и потому был неподходящим миссионером для согдийцев, знавших только персидский (точнее таджикский- М.А.). В армии Абу Муслима даже арабы говорили в основном на персидском языке»¹. Как вытекает из этого отрывка в самом западном регионе расселения таджиков, Хорасане распространители новой религии не стали вытеснять язык местного населения и заметить его священным языком «Корана», а, наоборот, сами стали переходить на их поэтический язык. Именно армия Абу Муслима, где, как повествовал исследователь, «говорили в основном на персидском», выступила главной движущей силой превращения ислама из сугубо арабской религии в наднациональной (мировой) религии через смены Омейядской династии, носителей узко арабских ценностей, Аббасидской династией, лояльным всем народам, принявших ислам. Ключевая роль Абу Муслима и возглавляемой им хорасанцев не только в том, что они наряду с берберами в Магрибе превратили арабскую религию в мировую религию, а в том, что принимая арабский язык как язык религии, они всячески берегли свой родной таджикский язык, широко используя его также в управлении армией халифата.

За два года (747-749 гг.), объединив вокруг себя всех недовольных (как арабов-йеменцев, так и таджиков-хорасанцев) Омейядской власти в Хорасане он выгнал их наместника Насра и фактически провел военный переворот в пользу Аббасидов. Его арабские полководцы нанесли поражения омейядской армии даже в такой отдаленной области как Хуттал². Таким образом, Абу Муслим выступил не только в роли первого неарабского полководца, заставив одну из арабских

¹ Вельхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама./ Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.- М.: Центрполиграф, 2018, с. 308.

²Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т.1.- М.: Восточная литература, 1963,с. 252.

конкурирующей военной партии подчинению своей воли, но и с применением военной силы сместил законного наместника халифа (Хорасана) с должности. Это был не главный подвиг Абу Муслима, а первый шаг в череде его еще более славных подвигов.

Устранение законного наместника халифата Насра, с которым многие города подписали соглашение о мирном сосуществовании, потерял свое действия, так как у Абу Муслима еще не была легитимная власть, а только преданное войско, состоящее преимущественно из хорасанцев и местных арабских племен. В вакууме центральной власти в Вароруде, вскоре произошли бунты местного населения. Если Кутейба ибн Муслим выступил распространителем новой религии в этом регионе, то Абу Муслим выступил в роли борца против ереси и отклонения от истинной веры, жестко пересекая все виды неповиновения и бунтов. Именно при Абу Муслиме все еще сохраняющий религиозный плюрализм Вароруд стал ускоренно переходить в один из центров исламских ценностей и устоев в нем. Примечательно отметить, что в процессе умиротворения Вароруда армией Абу Муслима деятельное участие приняло часть населения Бухары¹.

Аббасидские имамы, воодушевленные военными успехами Абу Муслима в Хорасане и Вароруде призвали его «сердце» халифата (в Ирак). Осуществив глубокий западный марш-бросок через Иран, Абу Муслим вступил в решающий бой с войском Омейядов на берегу реки Большой Заб (Ираке) в начале 749 года. Победив врага и преследуя его остатки, он стремительно пошел на Дамаск, где сверг последнего из омейядских халифов². Вот как описывает смены правящей

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т.1.- М.: Восточная литература, 1963,с. 253.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 139.

династии немецкий ученый: «Но и то же время с правлением арабов, которые опирались на Омейядов и сирийцев, было решительно покончено. Прежняя родина арабов стала настолько варварским местом, что туда уже нельзя было без-опасно совершать паломничество. Арабские племена уже не были основой теократии, они полностью утратили свои привилегии. Мавали получили освобождение, различия между арабами и мусульманами - не арабами исчезло. Свергнутые со своего исключительного положения, которое изначально опиралось на закон войны, арабизм перешел в мирную гражданскую сферу и стал международным культом, участие в котором принимали все мусульмане. Основополагающей частью культа была религия, и арабская религия не разрушилась с арабским народом, но продолжала наращивать силу. Арабский язык оставался языком ислама и поглотил языки важнейших христианских народов в Передней Азии и Африке. Вместе с наукой и литературой он, казалось, проник даже к иранцам, но поэзия сохранила родную речь и вернула ее на почетное место»¹. Роль полководца - стратега Абу Муслима и его верных хорасанцев состоит в том, что в отличие от Магриба ислама, где арабский язык и культура поглотила все древнейшие очаги древнейших цивилизаций Передней Азии и Северной Африки (Сирию, Египет и других), они выступали как твердые хранители древних традиций предков, включая родного (таджикского) языка.

К сожалению, до сих пор традиционно односторонне рассматривается распространение ислама строго с запада (Аравия) на восток (Хорасан и Вароруд). Здесь вне анализа остается тот исторический факт, что хорасанская армия Абу Муслима, двигаясь с востока на запад (в Дамаск), в обратном порядке, укрепила его мощь, устранив с власти сугубо арабской династии (Омейядов) и заменив его обще мусульманской ди-

¹Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама./ Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.- М.: Центрполиграф, 2018, с. 345.

настией (Аббасидов). Это дело было доведено до логического конца его духовными преемниками- Бармакидами, создателями сказочного Багдада (вместо легендарного Дамаска).

Умиротворение и ведение порядка в Вароруде привело к главной исторической миссии Абу Муслима, ликвидации надвигающейся цивилизационной угрозы со стороны Китая. Одновременно в то время, когда Абу Муслим начал свою карьеру в Хорасане (747г.), китайцы, захватив Таримский бассейн, стали угрожать Хафтруду. После остановки стремительного распространения ислама в Европу (область Пуатье в южной Франции) рыцарями Карла Мартела (732 г.), на этот раз на востоке халифата не турки, а амбициозные китайцы империи Тан, выступили потенциальной угрозой их власти. Стоявший у Самарканда Абу Муслиму, занятого подавлением местного бунта, приходит сын казненного китайцами правителя Шаша (Ташкентский оазис), прося о помощи против китайцев. Дальновидный наместник-полководец, узнав реальной угрозы доселе неизвестного противника, который так глубоко вошел в регион через обширные тюркские владения, мобилизовал отборную часть своей многонациональной армии. До этого он упорно сражался в Вароруде с различными тюркскими племенами, некоторые из которых уже смирились с его господством и начали служить ему. Две мощные силы, преимущественно хорасанская армия (Абу Муслима), усиленная тюркской кавалерией, под предводительством арабского полководца Зияд б. Салиха и танская (китайская) армия под командованием корейца (по национальности) Гао Сяньци встретились в 751 г. Таласской долине. В историческом плане эта была вторая Таласская битва, первая происходила здесь примерно 800 лет назад (36 г. до н.э.), когда китайская армия сражалась с кочевыми гуннами. В отличие от первой битвы, во второй Таласской битвы, китайцы были разгромлены, в основном, благодаря упорству воинов Абу Муслима и

решение кочевого племени карлуков, перейти в лагерь мусульман¹.

Эта победа военного гения Абу Муслима имеет далеко идущие последствия:

После этой победы местные правители уже больше не искали покровительства внешних сил (в лице кочевников или китайцев) в противостояние исламу, а реально оценив сложившуюся ситуацию, признали централизаторскую политику Абу Муслима. Кардинальное отличие Таласской битвы от других сражений мусульман состояло в том, это не был джихад (с целью наживы), а защита исламизирующего региона от внешних врагов. Если это был джихад, то армия Абу Муслима, в плечах отступающего противника, очистил бы весь Хафтруд и Таримский бассейн от иноверцев, параллельно награбив их многочисленных богатых городов, разбросанных в оживленных маршрутах шелкового пути. А она, решив стратегическую задачу, спокойно вернулась в Вароруд. Об эволюции взглядов Абу Муслима после этой решающей битвы, особо отмечают ведущие исследователи, от верного слуги (мавали) Аббасидов до реального защитника региона². Соответственно под влиянием его авторитета в Вароруде центробежные процессы стали сменяться медленно в сторону центростремительных, которые через сто с лишним лет (при Саманидах) приобрели устойчивый характер;

Исламская культура, начавшая прививаться в местную почву, была спасена от мощного урагана в лице Танского Китая со стороны местных сил. Фактически реальная угроза ис-

¹Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.)// Страны и народы Востока. Вып. XXII. -М.: 1980. с. 132-135; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т.1.- М.: Из-во Восточной литературы, 1963,с. 253-254.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблицер, 2017. С. 140.

ламскому миру со стороны Китая существовала до 754 года, когда на его северо-восточной границе началось массовое восстание, под предводительством военачальника китайской армии согдийца Ань Лушаня¹. Этот удачливый генерал своими вооружёнными рейдами, в конечном итоге, заставил императора Тан спешном порядке отозвать все свое войско из Центральной Азии. Данное обстоятельство окончательно избавило регион от китайской агрессии, тем самым укрепив положения сторонников Абу Муслима. Таким образом, выходец из Хорасана (Мерва) Абу Муслим и выходец из согдийских колоний в Китае Ан Лушань, а не арабы, выступили реальными защитниками исламской цивилизации в этом судьбоносном противостоянии.

Свидетельством того, что реальная заслуга в стратегическом разгроме китайской армии принадлежит Абу Муслиму, а не его ставленнику Зияд б. Салеху мы обнаруживаем в последующем после битвы историческом событии. Этот арабский полководец из-за наущения багдадских халифов выступил против своего благодетеля, тогда его армия покинула его, оставив его одного и он бежал в защиту местного дехкана (вероятно всего, таджика), который отрубил его голову и отправил Абу Муслиму². Кроме того ряд средневековых источников сообщает, что не Зияд б. Салих, а другие подчиненные Абу Муслима (наместник Самарканда Исмаил б. Субайх в одном сочинении и начальник Таразского гарнизона Саид б. Хумайд в другом) выступают победителями китайцев³.

Забегая вперед, отметим, что именно ареал Таласской долины выступил через двести лет тем сакральным местом, где

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 140.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение. Т.1. - М.: Из-во Восточной литературы, 1963, с. 254.

³ Подробно у Большакова О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.)// Страны и народы Востока. Вып. XXII. -М.: 1980. с. 132-135;

тюркские племена и народы при попечении Саманидов массово принимали ислам, где им открылись прекрасные возможности для демонстрации своей военной доблести и рьяному служению исламу от берегов Бенгальского залива до Босфорского пролива.

К сожалению, до сих пор стратегическое поражение Китая в долине Таласа рассматривается как победа арабов и мусульман, однако упускается тот исторический факт, что во многом это был триумф таджиков Вароруда, Хорасана и тюрок Хафтруда. Как справедливо указал специалист по региону: «в конце концов, арабские войска к тому времени состояли в основном из жителей Центральной Азии иранского и тюркского происхождения»¹. Появление новых исследований, скрупулезно исследующие это конкретное историческое событие, при появлении сильной централизаторской фигуры (Абу Муслима) население региона, после некоторого сопротивления, в час реальной угрозы стал консолидироваться вокруг него для устранения данного вызова. Как средневековые, так и современные исследователи сообщают о небывалом росте авторитета Абу Муслима, трон которого располагался в его дворце в родном ему Мерве «в центре зала с четырьмя куполами. Это символизировало, что он правил всеми сторонами света»².

Первые аббасидские халифы, которые только что стали выкусывать сладости власти в огромной империи, для укрепления своей персональной власти стали освобождаться от неудобных «опекунов» в лице стратега Абу Муслима. После провала попытки его физического устранения через организации бунта его арабских сподвижников (Заид б. Салиха и

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 140.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 141.

др.), багдадский халиф назначает Абу Муслима в высокую должность в Сирию, чтобы лишить его мощной социальной базы в Хорасане и Вароруде. Через некоторое время Абу Муслима вызывают в столицу для вероломного убийства (755 г.), что привело парадоксально не к ослаблению позиции хорасанцев, а, наоборот, к упрочению их силы¹.

Громадное историческое наследие первого сына таджикского народа Абу Муслима (несмотря на его некоторые шиитские взгляды) в мусульманском мире состоит в том, что он фактически возглавил мощное движение от избавления новой религии (ислама) от бедуинского ограничителя (джихад для наживы) и приданию ей широкой социальной базы и солидного авторитета, выходящей из рамки узко арабского национализма и учета традиций и ценностей новообращенных народов. Лишение монополии арабов на привилегированной военной и административной власти на востоке и их постепенной замены местными талантливыми полководцами и чиновниками привело к окончательному обращению к исламу многочисленных племен и народов Турана и Хорасана. Как подчеркивает исследователь: «зависимость Аббасидов от персидской и тюркской Центральной Азии оказалась еще сильнее. В отличие от иранцев жители Центральной Азии при Абу Муслиме создали мощное региональное войско и использовали его для устранения двух основных угроз, представляющих опасность для Аббасидов, а именно: войск Омейядов и Китая. Аббасидский режим продолжал зависеть от сил и народов Центральной Азии. Зависимость халифа от Центральной Азии и ее жителей дала возможность этому региону (одному среди всех территорий завоеванных арабами) поддерживать свою социальную и экономическую систему в нетронутom состоянии. Это гарантировало, что центрально-азиатская культура продолжит процветать, что она сохранит

¹ Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама./ Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.- М.: Центрполиграф, 2018, с. 349.

большую часть своей былой силы и характера и в конечном итоге окажет значительное влияние на сам халифат. Во многом так же, как греческая культура покорила Рим, центрально азиатская культура была готова покорить Аббасидов и их новую столицу Багдад»¹.

Необходимо также подчеркнуть, что таджикский язык, введенный и широко используемый в многонациональной армии Абу Муслима (включая и его арабских воинов) позднее стал играть один из ключевых ролей в этногенезе таджикского народа (в эпоху Саманидов).

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблицер, 2017. С. 142.

1.2. Бармакиды в Багдаде.

Из среды хорасанской армии Абу Муслима вышел другой известный представитель таджикского народа- Халид Бармакид, самый выдающийся представитель первых таджикских министров (визирей) Аббасидского халифата¹.

Если первый яркий представитель таджикского народа Абу Муслим играл решающей роли в смене правящей династии арабо-исламского халифата с оружием в руках и, тем самым расширив социальную и этническую базу приверженцев ислама, то Халид Бармакид выступает продолжателем его миссии как фактический основатель государственного управления в Аббасидской династии. Он достиг этого путем упорядочивания дивана халифа и постройкой новой столицы, а также созданием и налаживанием управления различных наместничеств расширяющей империи.

Халид был сыном Бармака, верховного жреца буддийского храма Навбахор вблизи Балха и одной из дочерей князя Чаганиана (историческая область на совр. границе южного Таджикистана и Узбекистана- М.А.). Как сообщается «он был так близок к халифу (Абу-ль-Аббас, 749-754-М.А.), что дочь Халида была вскормлена супругой халифа, а дочь халифа - женой Халида. С 132/749-750г. он стоял во главе дивана хараджа. В некоторых источниках он называется также визирем. Халид был, по-видимому, первым «писцом» (катиб), при котором эта должность приравнивалась по рангу к министру»².

Аль-Мансур, инициатор создания новой столицы новой династии Аббасидов, еще, не будучи во власти во время борьбы с Омейядами для переговоров с Абу Муслимом посе-

¹Бартольд В. В. Бармакиды // Бартольд В. В.Сочинения. -М.: Наука, 1966. -Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата, с. 669-674.

²Бартольд В. В. Бармакиды // Бартольд В. В.Сочинения. -М.: Наука, 1966. - Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата, с. 670.

тил Мерв, где в его окружении заметил богатого и перспективного человека Халида Бармакида, которого необходимо было привлечь в свою сторону. Далее он делает головокружительную карьеру, женившись в дочери первого халифа Аббасида и став великим визирем второго халифа.

После разгрома Омейядов в их столице Дамаске хорасанской армией Абу Муслима перед новой династией Аббасидов стал острый выбор новой столицы разрастающейся империи, в основном, на восточном направлении. После выбора города Анбар в качестве временной резиденции Аббасидов новый халиф Аль-Мансур выбрал новое место (летом 762 г.) вблизи от старой парфяно-сасанидской столицы Ктесифон, чтобы основать новую столицу мусульманского мира - Багдад¹. По мнению этого исследователя, выбор новой столицы, названной халифом «Мадинат ас-Салам» («город мира») был поручен группе астрологов во главе ученого из Мерва Наубахт Ахвази аль-Фариси, а сотысячная армия строителей работала под управлением высококвалифицированных ремесленников и мастеров, так из этой восточной области халифата. Как сообщают авторы «Всеобщей истории искусств»: «Багдад был построен как город оригинального круглого плана с двойным кольцом стен и обширной площадью в центре. На площади размещались дворец халифа, главная мечеть, государственные учреждения - диваны, оружейные мастерские и казармы для войск. Из городских жилых кварталов, расположенных между стен, непосредственного доступа на площадь не было: четверо ворот охранялись сильной стражей»².

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 144-145.

²Глава «Искусство Аравии, Сирии, Палестины и Ирака». //Всеобщая история искусств. Том II. Искусство Средних веков. Книга II. Авторы: Б.В. Веймарн, Т.П. Каптерева, А.Г. Подольский; под общей редакцией Б.В. Веймарна и Ю.Д. Колпинского.- М.: «Искусство», 1961.

Исключительная роль в строительстве данного «круглого города» выходцев из Мерва свидетельствует тот факт, что им выделили целый квартал в новой столице и ее главную улицу назвали в честь Мерва, единственного города в империи, которому был оказан такой высокой чести¹.

Исследователи допускают, что прототипом круглой планировки новой столицы халифата, ставшей главным местом в знаменитой восточной сказке «Тысяча и одна ночь», послужила крепость в городе Мерве или бармакидский (буддийский) монастырь Балха, оба варианта свидетельствует о мощном влиянии Халида Бармакида в планировании и строительстве первоначального (круглого) Багдада². Таким образом, Аббасиды, пришедшие к власти на штыке хорасанцев, далее управляли пол миром с великолепного города, созданным первоначально также по хорасанскому стилю, где незримо стоит мудрый образ Бармакидов.

Согласно «арабскому Геродоту» Аль-Мас'уди (896-956 гг.), по выдающимся качествам ни один из его потомков Халида Бармакида не сравнялся с этим фактическим «строителем» халифской власти в новой столице -Багдаде³. Перенес столицы халифата из лона арабского мира (Дамаска и Куфы) ближе к иранскому миру к поблизости к Ктесифону (старой столице Великой Парфии) и строительства новой столицы (Багдада), на наш взгляд, аргументировался прежде всего, к готовности новой правящей династии к принятию возвышен-

http://totalarch.ru/art_history/middleages/arab/arabia_syria_palestine_iraq дата обращения 12.08.2020.

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 145.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 146-147.

³ Цит. по Бартольд В. В. Бармакиды. Сочинение Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. -М.: Наука, 1966, с. 671.

ной иранской традиции и практики государственного управления обширной империи (халифата). Как пишет специалист: «Багдад фактически был основан не как столица империи, а как лагерь хорасанцев подальше от Куфы, в котором хотел жить халиф. Но и в этом лагере они поддерживали общение со своей родиной, и то главенствующее положение в партии и армии, которое они получили на службе у Аббасидов, распространилось на их народ и провинцию- Иранский Восток. Под видом международного ислама иранизм одержал победу над арабами»¹.

Если халиф Ал-Мансур выступает как создатель Багдада, то его сын Аль-Махди выступает инициатором внедрения высшей государственной должности - визиря (первого министра), возглавляющий чиновничий аппарат и подотчётный непосредственно халифу (по парфяно-сасанидской традиции). В 758 году аль-Мансур назначает своего молодого сына наместником Хорасана, центром которого стал тогда город Рей (вблизи совр. Тегерана). Его главным советником стал Яхья, сын Халида Бармакида, ставший верным сподвижником аль-Махди на протяжении его жизни. Аль-Махди при возобновлении стратегического противостояния с Византийской империей подготовил большое войско для похода против нее, во главе которого поставил сына Харуна ар-Рашида, а фактическим руководителем был Яхья Бармакид. В 780 году арабские войска прошли через Малую Азию, и дошло до стен Константинополя. Византийская императрица Ирина не имела сил для продолжения войны и пошла на заключение вынужденного мира. Здесь мы видим еще одну грань деятельности рода Бармакидов, которые также отличаются в ведении армии в большой поход и ведения переговоров.

А сын Аль-Махди и внук Мансура Харун ар-Рашид (786-809) обеспечивал расцвет Багдада, по некоторым оценкам

¹Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама./ Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.- М.: Центрполиграф, 2018, с.346.

«золотой век» данного города и халифата¹. На наш взгляд, четверть вековое правление этого халифа можно разделить в две части:

1) 786-803 годы, ознаменовавшее как успешное правление исламским миром (халифатом) с опорой на великих визирей Бармакидов;

2) 803-809 годы, репрессия против «опоры трона» Бармакидов, восстания и признаки распада халифата.

В молодые годы будущий халиф Харун был отдан его отцом образованному и дальновидному сыну выдающего визиря Халида Бармакида Яхье. Процесс обучения включала чтение античных и современных текстов, а также практические занятия. Наряду с классическим образованием Яхья Бармакид мог поделиться своим опытом службы в качестве визиря у предыдущего халифа. Исследователи едины во мнении, что золотой век Багдада, застраивающегося и облагораживающегося за первые годы создания, во многом, связывают с именем Харун ар-Рашидом.² Однако имеются исторические сведения, что халиф долгие годы (10 лет) был вынужден пребывать за пределами столицы халифата, сначала жить в сирийском городе Ракка, чтобы вести подготовку войны с Византийской империей и позже вести военные действия на территории этой империи³.

Он увлекался военными походами, продолжая традиции (джихада) предыдущих халифов (как омейядских, так и аббасидских) по противостоянию христианской империи. Поэтому фактически столицей огромной мусульманской импе-

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 148.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 148.

рии управляли Бармакиды, которые не только помогли привести Харуна к власти (посодействовав отстранению от власти его брата), но и впоследствии, из-за длительных отъездов халифа из Багдада, город оставался в их руках. При трех предыдущих халифах они были визирями и советниками и продолжали эту работу при Харуне, которого воспитали они сами. Таким образом, выходцы из Центральной Азии (Хорасана) были фактическими правителями халифата. Тесная связь с властями сделала Бармакидов невероятно богатыми, что в конечном итоге оказалось губительным для многих членов семейства. Сказочное богатство этого могущественного семейства даже нашло свое отражение легендарной «Тысячи и одной ночи» (в эпизоде «пир Бармакидов»). Вероятнее всего, обеспечение мира и стабильности в отсутствие правящего халифа в столице Бармакидами стала причиной появления крылатой фразы из-за крика ночного сторожа, ритмично стучавшего при этом в колотушку "в Багдаде все спокойно" или регулярных письмах великих визирей Бармакидов халифу, сообщавших ему о спокойствии в сердце халифата.

Известный русский востоковед В.В. Бартольд в своей статье, специально посвященной истории этой династии «великих визирей», опираясь на арабо- иранские первоисточники, сообщает, что Яхья не уступал по могуществу в Багдаде своему отцу Халиду. Будучи опекуном халифа Харуна ар-Рашида, который звал его (Яхья, сына Халида) своим «отцом», после его воцарения был назначен визирем с неограниченными полномочиями и в течение 17 лет (786-803 гг.) правил державой с помощью своих сыновей Фадлом и Джафаром¹. Первый этап правления этого багдадского халифа с опорой на династию великих визирей Бармакидов ознаменовался расцветом во многих сферах от поэзии и музыки до торговли и экономики. В итоге этот период стал не только

¹Бартольд В. В. Бармакиды // Бартольд В. В. Сочинения. - М.: Наука, 1966. - Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. - С. 671.

мотивом для любимой на Востоке народной сказки «Тысячи и одна ночь», но и для сочинений известного средневекового историка Табари.

А главная историческая заслуга этого великого рода визирей была не в обеспечении продолжительного спокойствия в столице мировой империи, а в организации непрерывности (эстафеты) научных знаний от античного мира в средневековье (от греко-римского мира к мусульманскому миру).

Этот славный род не прервал своих связей с Центральной Азией. Когда этот регион снова начал выказывать беспокойство, сам Яхья Бармакид вернулся туда в качестве правителя всей Центральной Азии (включая и «малой родины» в Балхе). Этот наместник, понимая тяготы жизни местного населения, оставил все поступления от налогов внутри региона - акт неповиновения Багдаду, который привел к тому, что его заменили человеком, вернувшем территорию в старый круг порабощения и восстаний¹. Как указывают исследователи, ученые Центральной Азии были частыми гостями у Бармакидов и на многих вечерах, организованных членами этой семьи меценатов Багдада².

Воспитанник Бармакидов халиф Харун ар-Рашид, тяготивший к джихаду, стал благоволить арабским поэтам и музыкантам. А сами Бармакиды обратили серьезное внимание к естественным и гуманитарным наукам, где особое место в мусульманском научном мире заняли выходцы из Хорасана и Вароруда.

По мнению специалистов, самым важным вкладом этой династии великих багдадских визирей в мировую цивилизацию состоит в том, что они инициировали перевод рукописей

¹Бартольд В. В. Бармакиды // Бартольд В. В. Сочинения. - М.: Наука, 1966. - Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. - С. 672.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 148.

с древнегреческого языка на арабский язык. Американский ученый Фредерик Старр считает, что «в течение нескольких веков этот род выступал в качестве культурных посредников между Индией и Центральной Азией. Наряду с другими центрами в Согдиане и Хорасане сообщество верующих в Навбахаре было центром, в котором переводили и редактировали буддийские тексты из Индии и передавали их на восток - в Китай. Теперь же Бармакиды продолжили традицию, но уже как мусульмане, являясь связующим звеном между восточным учением и Багдадом. Именно Яхья Бармакид руководил переводом индийских работ по медицине и впоследствии выступал покровителем медицинских наук в Багдаде»¹.

На наш взгляд, залогом для успешной реализации буддийской (индийской) практики переводов Бармакидов в новой столице, указанный этим исследователем, выступило наличие мощной местной практики- переводческая традиция Сасанидов в Гунде-шапуре. Здесь Сасаниды в III веке учредили центр по переводу и изучению древних текстов, в основном с греческого и древнесирийского языков, где трудились, в основном, христианские мыслители, покидавших Византийской империи по различным причинам². Теперь благодаря Бармакидам хорасанские и варорудские традиции передачи буддийской мысли из Индии в Дальний Восток стали успешно использоваться для возрождения сасанидской традиции передачи античной мысли современникам.

Несомненно, продолжительные военные противостояния с Византией с одной стороны, и с другой расширение Багдада и меценатство над людьми науки, культуры и искусства, легли тяжелым налоговым бременем на населения халифата. Долго отсутствовавший в столице халиф Харун ар-Рашид из-

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 148.

²История таджикской философии. Т. 2. -Душанбе, с. 39

за продолжения священной войны с Византией стал тревожиться возрастания могущества своих покровителей Бармакидов, в руках которых была сосредоточена вся реальная власть огромной империи. В желании исправить сложившуюся ситуацию халиф Харун ар-Рашид, согласно традиции Аббасидов, стал обвинять во всех грехах семью Бармакидов, превратившихся в оплот власти халифа в столице. Он после почти две десятилетия процветания халифата, в 803 году обрушил репрессии против своих верных приверженцев. По сообщению В.В. Бартольда падения этого могущественного рода был не полным, когда Джафар, некогда фаворит Харуна ар-Рашида, был казнен, а его отец, некогда могущественный великий визирь Яхья, сын Халида, и братья (Фазл, Мухаммад и Муса) были брошены в тюрьму. А брат Яхьи Мухаммад и его семья не были встревожены. Внуки Яхьи также были оставлены на свободе. По некоторым данным, престарелый Яхья и его сын Фазл умерли в тюрьме в сирийском городе Ракке, а другие сыновья Мухаммад и Муса были освобождены преемником Харуна Амином из тюрьмы и вернулись в активную политическую жизнь. Они впоследствии стали сторонниками Мамуна, второго сына Хоруна от иранской жены, и занимали видные должности в его армии и государственной службе. А из внуков Яхьи выдвинулся сын Мусы Имран, который был помощником наместника далекой провинции Синд¹.

Вскоре халиф, потерявший опору на могущественный род Бармакидов, который держал в повиновения центр и восток обширного халифата, когда он долгие годы воевал на западе на границах Византийской империи, хотел усмирить восстания в этих территориях, охвативших от Сирии до Согда. В походе против Согда в 809 г. нашел свою смерть этот воспетый во многих народных сказаниях халиф.

¹Бартольд В. В. Бармакиды // Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. - М.: Наука, 1966, с. 673.

Российский востоковед В.В. Бартольд подытоживает славное правление Бармакидов со следующими словами: «важным свидетельством в пользу выдающихся качеств этих персов (точнее таджиков- М.А.) является также то, что они прославляются даже таким арабским патриотом старого склада, как автор *Китаб ал-агани*, и смогли установить порядок даже в такой арабской провинции, как Сирия»¹. Если учесть, что Сирия со своей древней столицей Дамаском была опорой предыдущей династии (Омейядов), врагов Аббасидов, какова была их первоначальное отношение как Бармакидам, опоры новой власти, какие усилия необходимо было предпринять, чтобы изменить вражеское отношение к ним в итоге на благосклонное расположение?!

На наш взгляд, главная историческая роль целой плеяды «великих визирей» рода Бармакидов состоит в том, что более 50 лет (749-803 гг.) будучи во власти, они, приносили в новообразованный Аббасидский халифат опыт и традиции восточноиранского государственного управления (великий визирь с диваном). Эти традиции, берущие своего начала от времен бактрийского визира Гуштаспа (Джамаспа), создали в лоно ислама прослойку «людей пера» («ахл ал- калам»), основу чиновничества обширного государства. Эта влиятельная прослойка управленцев в новых условиях (завершение этапа обширных завоеваний) стала выступать главной опорой огромного государства, тесня военной знати в управления халифатом². Эта заслуга преемников верховного жреца буддийского храма Навбахор Балха в том, что они сняли печать «проклятия» с предков таджикского народа, которые по зороастрийской традиции, твердо верили, что письмо является

¹Бартольд В. В. Бармакиды // Сочинения. - Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. - М.: Наука, 1966, с. 674.

² Большаков О.Г. Арабские завоевания. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Распространение ислама.// История Востока. Т.2. Восток в средние века.- М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995, с. 125.

«творением Ахримана» и передавали всю историко-культурный багаж предков в изустной форме.

Мудрые Бармакиды заложили твердую основу превращения предков таджикского народа в «книжный (письменный) народ», который через одно столетие стал давать обильный урожай умственного творчества.

Известный востоковед В.В. Бартольд, опираясь на Гарди-зи, указывает на тот исторический факт, что одним из последних визирей Саманидов был Абулкасым Аббас бин Мухаммад Бармаки¹, хотя он не утверждает связь этого султанского визиря с великими визирями халифов, однако очевидно то, что таджикский народ богат такими славными домами великих визирей, где дом могущественный Бармакидов стоит обособленно и возвышенно, в первых из рядов.

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Сочинения. Т.1.- М.: Восточная литература, 1963,с. 327.

1.3. Сопротивление Согда.

В одном из исторических документов, найденных в горе Муг (Зеравшан, Таджикистан), посланник согдийского правителя (Деваштича) сообщает ему о положении дел антиарабского движения народов Турана (Вароруда, Хафтруда и Великой степи) в первые десятилетия VII века, когда арабы усилили натиск на правый берег Амударьи¹. Это историческое сообщение свидетельствует о том, что «душой» антиарабского сопротивления в Вароруде и в сопредельных землях была небольшая, но очень богатая Согдиана.

А самые древние согдийские письма (313 г.), найденных 30 лет ранее от документов с горы Муг и считающиеся на 400 лет старше первых, из «Тысячи пещер Будды» Могао (г. Дуньхуан Китая), сообщают о наличии стабильной почтовой (т.е. торгово-экономической) связи между Самаркандом и далекими оазисными колониями согдийцев (аналог античных полисов) не только Таримского бассейна, но и Ганьсуйского коридора (совр. городов Ланьчжоу, Увей и др.). Четыре согдийские письма, входящих в состав большой коллекции известного британского путешественника Ауреля Стейна, приобретенного им от местного монаха и расшифрованного другим известным британским ученым профессором Николасом Симс-Вильямсом, явно демонстрируют о тесных и регулярных связях Согдианы с далеким Китаем. В двух письмах (№1, 3) сообщается о плачевном состоянии женщины, предпринявшая по поручению своего супруга дальнейшее путешествие из Самарканда в далекий город Дунь Хуан и попавшая из-за отсутствия свободных финансов и ненадежности партнеров в затруднительное положение. В двух других письмах (№2, 5) приводятся примеры коммерческой и финансовой деятельно-

¹ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение. Перевод и комментарии В.А. Лившица. -М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, с.77-91.

сти авторов письма, которые из-за военно-политических ситуаций (нападение гуннов в китайские города) должны были перераспределять финансовые ресурсы из-за частичного нарушения финансовых операций, находясь далеко от столицы Согдианы землях¹.

Эти две отдельные сборника согдийских рукописей (Муг Таджикистана и Могао Китая), расположенных друг от друга более 2000 км, ярко свидетельствует о том, что к моменту вторжения арабов в самую богатую область таджиков- Согдиану, она стояла во главе множества оазисных городов- княжеств, соединенных между собой тесными социально-экономическими и торгово-финансовыми связями более тысячи лет (с нач. V в. до н.э. - до нач. VII в.).

Чтобы понять мотивацию упорного сопротивления Согдианы против арабов, который, по своему размаху даже превзошел прежнего ее сопротивления против самого известного завоевателя запада Александра Македонского, сделаем исторический экскурс в ее обширную колониционную политику на Востоке.

Необходимо отметить, что восточная миграция согдийцев (с бактрийцами) началась за более тысячи лет до прихода арабов в Вароруд. Российскими специалистами доказано, что жители двух сатрапий (Согдиана и Бактрия) Ахеменидской державы (XII и XVI сатрапии) были вынуждены переселиться на восток (в Фергану, Таримский бассейн и Тибет) из-за несогласия с религиозной реформой ахеменидского шахиншаха Ксеркса (в V в. до н.э.)².

¹The Sogdian Ancient Letters. Translated by Prof. Nicholas Sims-Williams. School of Oriental and African Studies University of London // <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/sogdlet.html> дата обращения 06.01.2021.

² Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. (История религии бон). -СПб. Изд-во «Евразия», 1998, с. 206-222.

Они на новом месте (Таримский бассейн), населенными другими древнеиранскими народами (усуни, саки) и древнеевропейскими народами (тохарами), ведущих, в основном, кочевой образ жизни, несколько оживили его социально-экономическую жизнь.

Создание оазисного земледелия со стороны согдийцев и бактрийцев, имевших огромный опыт сельскохозяйственных работ, с одной стороны, с другой стороны их торговоремесленнические навыки и умения изготовления сельхозинвентаря должны были вдохнуть жизнь в Таримский бассейн. Коммерческие навыки бактрийцев, приобретенные при товарообмене по «Лазуритовому пути» и «Пути из Бактрии в Индию», приграничная торговля согдийцев с различными кочевыми племенами понадобились в новом месте для усиления «Нефритового пути»¹.

Результаты полевых археологических работ в древних слоях Таримского бассейна подтверждают восточную миграцию земледельцев из Вароруда, которые пришли сюда своим сельскохозяйственным инвентарем (омач, лопата, кетмень и прочие), что дает основу для специалистов заключить, что «во взаимоотношениях этого региона с Китаем сельское хозяйство было скорее дающей, чем воспринимающей стороной»².

Данные археологические раскопки, указывающие на западное влияние первичного расселения Таримского бассейна, подкрепляются также предположением, что один из вариантов названия оазисной страны Хотан (на южном маршруте шелкового пути) был иранским. Как отметил российский специалист: «Наиболее многочисленной группой были иранцы, которые говорили на восточно-иранском языке, условно

¹ Мамадазимов А. Великий шелковый путь. История становления, расцвета и распада. - Душанбе, «Сино», 2014, с. 15-20.

² Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М. Вост. лит., 1995, с. 103-105.

названным хотано-сакским. Когда они заняли в Хотане ведущее положение, установить пока не удалось»¹.

Название одной из многочисленных оазисных стран Таримского бассейна, засвидетельствованное в хотано-сакских текстах на протяжении почти 700 лет (III-X вв.) претерпело некоторых фонетических изменений. В самых ранних текстах Хотан называется Hvatana. В литературном санскритском языке официальным названием Хотана было Gostana. Поэтому один из ведущих российских специалистов допускает: «следует также учитывать, что на древнеиранском (авестийском) языке «gava» - значило не только «место обитания»; но еще и относилось к определенной области (например, в Согде)»². Можно с большой вероятности предположить, что здесь наблюдаются далекие отголоски участия согдийцев, совместно с сакскими и тохарскими племенами, постепенно переходящими на оседлый образ жизни, в первичном заселении этой древней области Таримского бассейна.

Как стало известно, что в этом новом месте согдийцы не были первопроходцами, так как до них сюда иммигрировали другие восточноиранские народы (усуни, саки (кит. «юэчжи») и др.), что подтверждается исследованиями ведущего российского специалиста: «данные об юэчжах, усунах и сэ (саках) свидетельствует о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юэчжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего VII-VI вв. до н.э.»³. А другой известный российский синолог М.Е. Кравцова, опираясь на древнекитайского трактата «Жизнеописание Сына неба Му («Му тяньцзы чжуань»), найденного в усыпальнице Хуай-вана (316-296

¹ Воробьева-Десятовская М. И. Хотано- саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.2. –М.: «Наука», 1992, с. 41.

² Воробьева-Десятовская М. И. Хотано- саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.2. –М.: «Наука», 1992, с. 42.

³ Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. –М.: «Восточная литература» 1998,с. 80.

гг. до н.э.), утверждает, что древние китайцы к IV в. до н. э. уже знали о существовании страны Юйшан («Нефритовая гора») и его иноземное население¹.

Одним из дискуссионных положений этнолингвистической идентичности саков-кушан (т.е. «юечжи», обладатели «нефритовой горы- Юй»), пришедших в Таримский бассейн и сопредельные области (Ганьсу) до согдийцев, является их лингвистическая идентификация. Большая часть исследователей относят их, несомненно, к скифо-сакской языковой общности, а другие считают их носителями тохарского (индоевропейского) языка. Как подчеркивает известный тюрколог С.Г. Кляшторный: «Столь крупный исследователь древности Внутренней Азии как Намио Эгами и Кадзуо Еноки, вслед за Г. Хэллоуином решительно связывают юэчжей со скифо - сакской этнокультурной общностью»².

Ко времени начального периода иммиграции согдийцев в Таримский бассейн и его постепенного освоения в его восточной окраине и в сопредельных территориях (Наньшан, Ганьсу) доминировала первая архаическая кочевая империя саков-кушан («юэчжи»). О них автор «Исторических записок (Ши-цзи)» Сыма Цянь писал еще в начале I в. до нашей эры: «а племена юэчжи достигли своего расцвета»³. Необходимо подчеркнуть, что создание кочевой империи со стороны саков-кушан (юэчжи), родственных к согдийцам племенам, не препятствовала, а вероятнее всего, наоборот, стимулировало их широкой восточной колонизации в Таримском бассейне и в его сопредельных областях. С другой стороны, создание многочисленных оазисных городов не конкурировало, а

¹ Кравцова М. Е. «Жизнеописание Сына неба Му». Вопросы и ответы. // Петербургское востоковедение. Вып. 2, 1992. С. 375.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, «Петербургское востоковедение» 2004, с. 63.

³ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII.-М.: «Восточная литература», 2002, с. 327.

наоборот, взаимодополняло кочевой образ жизни этих создателей империи путем производство сельскохозяйственных и ремесленных изделий. В составе этой архаичной кочевой империи первоначально были и гунны в качестве васала, лояльность которых к верховной власти поддерживалась практикой заложничества членов семьи вождей племен. Об этом свидетельствуют китайские «Исторические записки», которые сообщают: «он (вождь гуннов Тоумань-М.А.) послал Маодуня (своего старшего сына - М.А.) заложникам к юэчжи»¹. Это ценное историческое сообщение свидетельствует о том, что кочевая империя саков-кушан играла роль первой преграды на пути последующей мощной экспансии гуннов на оседлые земли (собственный Китай и Таримский бассейн, населенный оседлыми восточноиранскими народами-согдийцами). Здесь она выступала как естественный союзник оседлого Китая, переживающего также стремительный процесс консолидации.

На начальном этапе данного противостояния военно - политическая инициатива была на стороне саков-кушан, так как сообщает Сыма Цянь они «смотрели с презрением в сторону сюнну (гуннов-М.А.)», что свидетельствует среди прочего о превосходстве в государственном управлении у первых. Как подчеркивает российский специалист: «Они первыми создали в центрально-азиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель, располагавший войском до 100 тыс. всадников»².

А после усиления гуннов и нанесения чувствительных их ударов против своих вчерашних сюзеренов-саков-кушан (кит. юэчжи) и вынужденной их откочевки в далекий запад (в верховья бассейна реки Вахш) и отказ возвращению в историче-

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи).Т.VIII.-М.: «Восточная литература», 2002, с. 327.

²Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, «Петербургское востоковедение» 2004, с. 83.

скую родину (Ганьсу) ситуация кардинально изменилась. Согдийцы, создавшие разветвленной колонизационной сети от берегов Сырдарьи до западной конечности Великой китайской стены, в создавшей ситуации вышли на первый план в совместном формировании в древними китайцами Великого шелкового пути.

После откочевки родственных народов-саков-кушан (кит.юэчжи) согдийцы стали взаимодействовать в Таримском бассейне и сопредельных областях с китайцами, начавших выдвижении через Ганьсуйский коридор на северо-запад, и гуннами, конкурировавших с китайцами за доминирования в этом регионе. После победы китайцев над гуннами связь согдийцев с китайцами стали более регулярными и интенсивными, так как, принимая их политико-административное управление они сохранили за собой автономной торгово-экономической деятельности.

В следующие столетия, они, распространив свое торгово-экономическое доминирование в этой обширной территории и превратив свой язык в *lingua franca* вдоль маршрутов шелкового пути, стояли также у «колыбели» зарождения Тюркского каганата.

Известный российский тюрколог С.Г. Кляшторный, основываясь на древней тюркской легенды, записанной (VI в.) китайскими историками, сообщает, что древние тюрки считают своей прародительницей волчицы, которая согласно данной легенды, воспроизводит в свет десять сыновей; эти сыновья женятся на женщинах из Турфана; один из этих сыновей Ашина (согдийское имя), возвышаясь, дает свое имя зарождающей племени; позднее вожди из рода Ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавив местные племена, принимают согдийское имя «тюрк»¹.

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, «Петербургское востоковедение» 2004, с. 87.

Как стало известно, в Таримском бассейне к моменту зарождения Тюркского каганата преобладало согдийское и тохарское население, которое сыграв важную роль в этногенезе тюркских народов (как вытекает из вышеприведенной легенды тюрки женились на таримских, т.е. на согдийских женщинах). Это обстоятельство, несомненно, повлияло на культурные традиции и язык новообразующей племени и, по словам того исследователя, «именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков. В Алтае род ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. Новый племенной союз принял наименование «тюрк»»¹.

В 534 г. вождем тюрков стал Бумын, приняв титул «великий ябгу», разгневанный высокомерным отказом хакана жузжань сватовства, Бумын совершает военный поход против своих сюзеренов и побеждает их. В протяжении три десятилетия они создают обширное государство, простирающей от Манчжурии до Керченского залива и от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. С этого времени вместо термина «Ашина» (согд. «синий») термин «тюрк» получил широкое распространение. Иногда использовались словосочетание обоих «синие тюрки». Согдийцы называли создателей новой империи как турк и в множественном числе- туркут (или туркют)- «тюрки». Эту согдийскую форму заимствовали сначала Китай (туцзюе) и позже Византия, так как дипломатические отношения, включая дипломатическую переписку между тюрками и китайцами и тюрками и византийцами, осуществлялись при активном посредничестве согдийцев и согдийского письма. Позднее это название стал распространяться и среди других народов (иранцев, арабов, тибетцев и т.д.).

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, «Петербургское востоковедение» 2004, с. 87.

Создание огромной империи (Тюркского каганата) не мог не привести к ее включения в мировые политико-экономические отношения раннего средневековья, в первую очередь, с окружающим миром- Китаем, Ираном и Византией. В международных отношениях того времени одна из их главных задач состояла борьба за контроль над маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути.

К концу VI века, когда Тюркский каганат стал хозяином Таримского бассейна, Хафтруда и Вароруда и сделал двух северокитайских государств своими данниками, согдийцы вышли в главные роли в торговле шелком. Они распространили свой контроль от города Пайкенда (правый берег Амударьи) до Чаньан (столицы Суй) в основном маршруте и от берегов Волги до Дуньхуана по северному маршруту шелкового пути. От Пайкенда до городов Сирии на западе шелковый путь контролировали иранцы. Другими словами, в данное время контроль над абсолютной протяженностью шелком принадлежал иранским народам (согдийцам и персам), однако в усилившем разногласии между Сасанидами и Каганатом из-за эфталитского наследия согдийцы, были на стороне новых союзников (тюрков).

Поэтому встал вопрос установления торгово-дипломатических связей с Византией, основным покупателем шелковых тканей. Необходимо было сбывать там не только продукции шелкоткацкого производства самой Согдианы, но и накопленных у тюркских каганов огромного количества шелковых материалов, приобретенных в виде военных контрибуций и новых налогов из завоеванных стран¹.

Авторитету согдийских купцов, распространенной с самого начала возникновения шелкового пути, в это время ста-

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, «Петербургское востоковедение» 2004, с. 100.

ла добавляться слава согдийских ремесленников. В 60-е годы прошлого столетия в реликварии церкви небольшого бельгийского города Юи была обнаружена согдийская надпись тушью, которая и дала название этой разновидности тканей: «занданечи»- от названия селения Зандана близ Бухары. Она дала одному из ведущих экспертов Эрмитажа России А.А. Иерусалимской возможность определить довольно значительную группу шелков, найденных в Европе и в Восточном Туркестане, как согдийского происхождения. Эти ткани, по сведениям письменных источников, широко экспортировались на Запад, что позволило проследить сам процесс сложения и эволюции согдийского шелкоткачества на протяжении VII-IX вв.¹».

Наличие высокого уровня текстильного (шелкового) производства Согда подтверждает и другой исследователь, который пишет- «археологические данные позволяют сделать вывод, что в Согдиане, Самарканде, Фергане, Бухаре, в бассейне реки Тарим производили шелковые ткани. Образцы согдийского шелка доходила и до Дун-Хуана (города Дуньхуан Китая- М.А.) к самой Великой китайской стене, где найдена не одна согдийская рукопись. Текстильное производство Согдианы было мощным, и производимые товары вывозились далеко за ее пределы»².

Экономическое благополучие Варуруда и его главного района - Согдианы, основанного в посреднической международной торговле и мощным текстильным производством, ориентированного также на внешний рынок, наряду с высокой культурой, опирающей на собственной письменности, позво-

¹Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки.- Л., Эрмитаж, 1992, с. 13.

² Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.207-208.

лили играть заметную роль в международных сношениях того периода¹.

Таким образом, во второй половине VI века острая необходимость реализации шелка своих мастерских, а также транзит китайских (и таримских) шелков, а также накопившийся у новых сюзеренов-союзников - тюрок шелка в виде дани и добычи, выдвинула Согдиану вступить в дипломатические связи с могущественными державами того времени - Сасанидским Ираном и Византией. Согдийский купец Маниах, получив одобрение от Истеми хакана, сначала отправляется в Иран, где согдийско-тюркский шелк был куплен двором Сасанидской империи и сожжен при присутствии дипломатической миссии Маниаха².

Здесь мы впервые обнаруживаем исторический факт не сотрудничества двух дружественных и родственных народов (согдийцев и персов), а острое соперничество между ними.

На наш взгляд, руководство посольством ко второй мировой державе (Византии) со стороны Маниаха (когда первое не увенчалось успехом), свидетельствует о том, что Согдиана имела широкую автономию в составе Тюркского каганата и согдийцы имели особое (привилегированное) положение во дворе хакана.

Древние тюрки, находящиеся в «полукочевом состоянии» и имевшие давние отношения положительной комплиментарности с согдийцами, имевших огромный опыт торгово-дипломатической деятельности, доверили это ответственное дело им.

¹ Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.208.

² Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.209.

Данное посольство Маниаха, направляемый в Константинополь с «скифской грамотой»¹ и «шелка не малой ценности», имело двоякой миссии:

- во-первых, найти надежного военного союзника в лице императора Византии для совместного выступления против Сасанидов на юге и жужань (превративших на аваров в Европе) на севере;

- во-вторых, найти покупателя на согдийский шелк в лице богатого Византийского двора.

Византия не только довольствовалась подписанием мирного договора, но и с согдийским посольством Маниаха, отправив в 568 г. ответное посольство во главе с киликийцем Зимархом, «стратигом (военачальником –М.А.) восточных городов» империи, видимо, чтобы удостовериться в могуществе государства тюрков и изобилия в его стране². Маршрут посольства Маниаха и ответное посольство византийцев носил антисасанидский характер, поэтому был выбран северный маршрут шелкового пути (север Каспийского моря- северный Кавказ-Черное море), которого тщательно описали российские исследователи³.

Таким образом, с посольствами Маниаха, Земарха и Тагмы (сына Маниаха) не завершились византийско-согдийско-тюркские отношения, а, наоборот, открылась новая страница всемирной дипломатии. Дипломатия «дальнего действия» согдийцев стал дополнять средневековую дипломатию.

К времени военного похода известного арабского наместника Кутейбы ибн Муслима против Вароруда согдийцы были тесно вовлечены не только в торгово-

¹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники – М.: «Наука», 1964, с.169.

² Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.211.

³ Артамонов М. И. История хазар. –Л., Изд. Гос. Эрмитажа. 1962, с. 360

экономическими отношения, но и политико-дипломатическими отношения с Великой степью и Китаем. Поэтому вхождение Согдианы и всего Вароруда в лоно арабо-исламского мира не было безболезненным, а сопровождался движением сопротивления, а также общественно-политическими катаклизмами, зависимо, как от поведения арабов, так и от поведения союзников (в первую очередь, от тюркских племен).

Отрадно отметить, что политические процессы начала VII в. в Вароруде освещается местным материалом - «Согдийские документы с горы Муг»¹. Согласно этим согдийским документам возвышению Деваштича в Согдиане предшествовало подписание соглашения между Кутейбой ибн Муслима с согдийским царем Гуреком (712 г.), когда выплатив большой выкуп арабам, царь переехал из Самарканда в новое место - Фаранкас (городище в совр. Иштиханском р-не Узбекистана). Возможно, жители не были довольны капитулянтской политикой Гурека и Деваштич, будучи опекуном детей предыдущего согдийского правителя Тархуна, пришел к власти (возможно, в восточной части страны). Этот ценный источник, также информирует нас о том, что Деваштич, будучи в тесных дипломатических отношениях не только с соседними государствами, но и с сильными государствами- тюркскими каганами и наместниками китайского императора на западных землях, долгие годы возглавлял антиарабского сопротивления в самой восточной окраине исламского мира².

Согдийцам были присущи не только торгово-экономические навыки, но и навыки средневекового рыцар-

¹Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение. Перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, 224с.

²Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение. Перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, с. 75-132.

ства, так как Табари сообщает о наличии у жителей Согда традиции, согласно которой, они «каждый год на один день ставили стол, на который выставлялись жирное мясо, хлеб и кувшин вина. Это устраивалось для лучшего витязя Согда и никто, кроме него, не мог приблизиться к столу; это было его пищей в тот день. Если же кто-нибудь, кроме него, ел с ним, он вызывал того на единоборство, и стол доставался тому, кто из них убивал своего противника»¹.

Несмотря на эти положительные факторы Согдианы: обширная сеть согдийских колоний, тесный союз с тюрками, обычаи рыцарства и повседневное ношение оружия, Согдиана, в частности, и Вароруд, в целом находился в условиях разобщенности, которым удачно воспользовались арабы.

К этому времени один из благочестивых омейядских халифов Умар II (717-720 гг.) издал указы о запрете взимания податей с принявших ислам, не испытать новообращенных требованием обрезания, о постройке гостиниц (забота о караванной торговле) и других общепользованных сооружений², что не могло не повысить авторитет ислама в регионе. К тому же уже после завоеваний Кутейбы, в годы правления последующих наместников Хорасана за богатой Согдианой среди арабов уже закрепилось новое название «сад эмира верующих»³. Все эти факторы, приумноженные дальнейшим ослаблением преемников Тюркского каганата (тюркешов) и продолжения раздробленности исторических таджикских земель Вароруда, привели, несмотря на отчаянное сопротивление согдийцев, к победе арабов с новой религией.

¹ «История» ат-Табари. Избранные отрывки. Перевод с арабского В.И. Беляева с дополнениями О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. II, 1146.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: Восточная литература, 1963. с. 246.

³ «История» ат-Табари. Избранные отрывки. Перевод с арабского В.И. Беляева с дополнениями О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. II, 1128

На наш взгляд, то руководя антиарабского движения в регионе, то сближаясь с арабами Деваштич и Гурек, прежде всего, хотели сохранить согдийскую торгово-экономическую гегемонию в оазисах Великого шелкового пути от берегов Амударьи до города Дуньхуан (ворота в Китайскую равнину).

Кульминационная часть в первичной победы арабов в Согдиане пришла в годы правления наместником Хорасана Наср б. Сейяра (738-748 гг.), который во внутренней политике провел ряд реформ, согласно которой он переложил подать с мусульман на иноверцев, неправильно освобожденных от них¹. Он также согласился на возвращение согдийцев, которые ранее ушли под покровительства тюркского хакана, решивших вернуться после его смерти². А его сильным аргументом противникам этой его политики были его следующие слова: «Если бы вы видели сами их силу и какой вред они причиняли мусульманам, как я видел, вы бы не отнеслись к этому [договору] с неодобрением», что свидетельствует о храбрости согдийцев. Эта же аргументация помогла его посланнику получить согласия халифа Хишама, который первоначально не хотел утвердить действия своего наместника Хорасана, по отношению к согдийцам³. А сообщение Табари о 30 тыс. мусульман и 80 тыс. иноверцев из состава тогдашнего населения Согдианы свидетельствует о том, что число мусульман было почти три раза меньше от иноверцев этой новообретенной страны⁴.

А во внешней политике, из-за распада западнотюркского государства, этому арабскому наместнику удалось утвердить господство ислама в Усрушане, Шаше и Фергане,

¹ «История» ат-Табари. Избранные отрывки. II, 1689.

² «История» ат-Табари. II, 1717-1718.

³ «История» ат-Табари. II, 1718.

⁴ «История» ат-Табари. II, 1689.

взять в плен и казнить тюркешского военачальника, тем самым на время, устранив угрозы со стороны Великой степи¹.

В течение десяти лет этому изворотливому наместнику омейядов Насру б. Сейяру удалось нейтрализовать всех грозных претендентов на власть в Хорасане (Харис, Кермани и др.) и удалось обеспечивать его стабильность и процветание, что Табари сообщает, что «достиг такого процветания, подобного которому он не достигал до этого. Он наложил харадж и упорядочил управление и сбор податей»². В конце своего правления этот могущественный омейядский наместник встретился с серьезным противником в лице Абу Муслима, посланника Аббасидов в Хорасан, который, среди прочего, стал достойно представлять таджикского народа в управлении одной из ведущих областей халифата.

Последующее антиомейядское движение в халифате, где стали доминировать хорасанцы, не могли не повлиять и на военно-политические процессы в Вароруде, включая Согдианы. Большие надежды на смену власти в халифате не оправдали надежды согдийцев, в частности и хорасанцев, в целом, кроме того, что ислам, прорывая свое «арабское покрывало», стал наднациональной религией. Поэтому аббасидскому наместнику Абу Муслиму пришлось подавить народные восстания с арабским и неарабским населением. При этом ему удалось устранить угрозы новой экзистенциальной угрозы Согдиане со стороны новых противников-китайцев династии Тан. А во время правления халифа Мамуна, когда сыновья Асада, сына саманхудата, помогли ему в борьбе за власть и получили свои наместничества в Вароруде, включая в городах Согдианы, то в ее политической истории произошли кардинальные изменения.

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.-М.: Восточная литература, 1963.с. 249.

² «История» ат-Табари. II, 1664-1665.

Здесь можно проследить некоторой параллели в поведении верхушки городов Мекки и Самарканда. Фактический правитель Мекки Абу Суфьян первоначально видевшего в проповедческой деятельности Пророка ислама угрозу статусу города идолов, позже осознает огромного значения ислама, выбравшего этот город как «священной столицы» мировой религии. Так и верхушка города Самарканда, в первые годы правления саманидских наместников халифата, осознавших пользу централизаторской политики этой этнодинастийной власти, стала выступать ее опорой.

Согдийское торговое наследие, подобранное Саманидами через сто лет противоборств, постепенно было не только сохранено, но и совершенствовано так, что на западе доходило до берегов Атлантического океана (в мусульманской Испании)¹.

А один из среднеперсидских языков - согдийский язык, игравший роли *lingua franca* в Великом шелковом пути, был заменен общенародно таджикским языком (дари-форси), который был доведен Саманидами в роли персофонии² (точнее, таджикофонии).

В последующие столетия таджикский язык превратился в язык управления в многочисленных государственных образованиях.

¹ Подробно Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, -134 с.

² Фрагнер, Берт Г. «Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. [пер. с нем. Э. Н. Сагетдинова]. — М.: Фонд Марджани, 2018. — 136 с.

1.4. Академия халифа Мамуна в Мерве.

После прихода к власти при помощи таджиков Хорасана Аббасиды стали придавать этой области и ее представителям особое отношение. С одной стороны множества способных выходцев Хорасана и Вароруда были приглашены во все разрастающиеся государственные диваны халифата и его армию, а с другой стороны, халифы назначали в эти области своих способных представителей. Халиф Харун ар-Рашид, воспитанный в культурной среде мудрых визирей Бармакидов, назначил своего одаренного второго сына Мамуна, рожденной от матери таджички (область Бадгис, вблизи Герата) правителем Хорасана с центром в Мерве.

Если учесть, что до этого халиф Харун ар-Рашид получил клятву от сыновей (старшего Амина и младшего Мамуна) о поочередном правлении после него в халифате, то мы наблюдаем о возрождении ахеменидской и сасанидской традиций назначения будущих правителей, наместниками на востоке империи. До этого ни один из наместников, будучи подчиненный наместнику Басры (Ирака), не претендовал на высшей власти в халифате. Таким образом, с 809 года (года смерти халифа Харуна ар-Рашида) и воцарения нового халифа Амина Мерв превратился в резиденции могущественного наместника, а с 811 года, когда халиф Амин нарушил свою клятву, в резиденцию главного претендента на должность халифа, а с 813 до 819 года в фактическую столицу всего Аббасидского халифата. Поэтому после переезда из Багдада в Мерв будущий халиф занялся обустройством своей новой столицы и ее великолепного двора¹.

Необходимо подчеркнуть, среди хорасанских наместников Аббасидского халифата после Абу Муслима (748-755

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 183.

гг.) особо выделился представитель рода Бармакидов Фазл Бармакид (794-795 гг.), во время наместничества которого произошло умиротворения Вароруда. По сообщению Табари он «управлял им наилучшим образом», когда даже правитель (афшин) отдаленной Усрушаны Харахара, до этого не подчиняющийся никому, изъявил о своей покорности¹. Этот средневековый источник сообщает также, что наместнику Фазлу Бармакиду удалось собрать 500 000 новобранцев в аббасидской армии, из которых 200 000 были отправлены в Багдад². Несмотря на явное преувеличение числа этих новобранцев мы допускаем, что также и здесь наблюдается возрождения традиций Ахеменидской, Аршакидских и Сасанидской империй, когда они в своих западных походах, опирались, в том числе, на большой людской ресурс своих восточных областей. Вспомним, что в эти годы халиф Харун ар-Рашид вел ежегодные походы против Византии.

Относительное умиротворение Вароруда и Хорасана со стороны Фазла Бармакида послужило, в том числе, будущему халифу Мамуну удержать в повиновении обширного наместничества (с множеством разрозненных областей и полунезависимых стран) не только при помощи войска, но и, в основном, благодаря дипломатической активности (отправкой многочисленных посольств)³.

Относительная стабильность, лояльность местной знати позволили будущему халифу Мамуну вести успешно борьбы за утверждения своей власти, когда хорасанцы второй раз захватили власть в халифате, теперь для передачи власти не из одного арабского дома к другому, а от старшего брата к

¹ История ат-Табари. III,631; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.260.

² История ат-Табари. III, 634.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.260-261.

младшему (обиженному) брату из дома правящих халифов. Разрушение Багдада после годичной ее осады со стороны хорасанской армии Мамуна во главе талантливого военачальника Тахира, основателя дома Тахиридов, также усилило позиции Мерва в качестве столицы халифата.

В эти непростые годы этому удачливому халифу, в отличие от своих предшественников, удалось заниматься всерьез научными изысканиями, когда вокруг него собрались плеяда талантливых ученых мирового масштаба.

Благо, что до формирования научной академии в новой временной столице халифата в Мерве, в Багдаде уже, в основном, завершилась масштабная переводческая деятельность ученых под патронажем семейства великих визирей Бармакидов. Незадолго до этого в Багдаде, в продолжении сасанидской научной традиции Гунде-Шапура, организовался обширный перевод произведения античных (древнегреческих) и индийских мыслителей в области философии, медицины, политических наук и других. В этой деятельности Бармакидов специалисты прослеживали продолжения традиции их предков, так как прежние Бармакиды, будучи буддийскими наставниками, занимались переводом индийских буддийских первоисточников в другие языки ареала распространения этой религии (Хорасан, Таримский бассейн, Вароруд, Тибет, Китай и т.д.)¹.

Теперь исламские ученые, занятые научными исследованиями в Мерве, имели под рукой достижения народов мира до исламского периода, что выступало сильным подспорьем в их глубоких изысканиях.

Во время пребывания в Мерве аль-Мамун обнаружил в себе интерес к науке, который был гораздо шире, чем у его отца Харуна ар-Рашида. Древняя местная обсерватория про-

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. сангл. -М.: Альпина Паблшер, 2017, с. 149-150.

должала процветать под его покровительством, он поддерживал исследования в ряде других областей, включая инженерию и пневматику. Один из инструментов, изготовленных при поддержке аль-Мамуна, оставался непревзойденным до появления пневматических средств автоматизации в XX веке. В Мерве он также развивал переводческую деятельность, которая велась там с основания Багдада. Благодаря этому многие эпохальные переводы научных работ, приписываемые Багдаду, фактически должны быть приписаны ученым кругам Мерва. На самом деле, как позднее утверждал Де Лейси О'Лири на основе всех известных свидетельств, «Хорасан был каналом, по которому астрономический и математический материал попадал в Багдад». Аль-Мамун в конечном счете осознал, что если он не переедет в Багдад, то рискует потерять всю империю. Когда же он отправился в путь, то включил в свою свиту множество ученых и исследователей из Центральной Азии.

1.5. Тахириды: от опоры халифата к независимости.

Если первые Аббасидские халифы, после решения конкретной задачи, использовали репрессии по отношению к ярким представителям таджикского народа (Абу Муслим и Бармакидам), то позднее их преемники, из-за доминирующего положения в халифате хорасанцев и варорудцев, не могли дальше игнорировать их положения и заслуги в халифате. В примере отношения халифа Аль-Мамуна по отношению к Тахиридам видим новую политику халифов на деле. Они заменили практику открытой репрессии против хорасанцев на более коварные методы (отравления, отправки убийц и т.д.).

По сообщению В.В. Бартольда, предком Тахиридов был Разик мавали (клиент) наместника Систана Абу Мухаммада Тальхи б. Абдаллаха ал-Хуза'и, подчинявший в свою очередь наместнику Хорасана Сальме б. Зияду (681-683 гг.). Его сын Мус'аб владел г. Бушенгом Гератской области и принимал активное участие в аббасидской пропаганды против Омейядов, будучи секретарем одного из сподвижников Абу Муслима. После него этим городом владели поочередно его сын Хусейн (814-815) и его внук Тахир.

Тахир стал известным не как опытный градоначальник, а, как Абу Муслим, приобрел славу на поле брани. Он принимал участие на войне против Рафи' б. Лайс, внука бывшего наместника Хорасана, поднявший восстания против багдадского халифа. Здесь он проявил отвагу и полководческие доблести. Возможно, поэтому он был поставлен во главе немногочисленного войска наместника Хорасана Мамуна в 811 году, предназначенного для отражения направленный на Хорасан армии халифа. В это время резиденцией наместника Хорасана был город Мерв, откуда он руководил борьбу за престол с халифом, нарушивший свою клятву передачи власти в пользу своего сына Мусы. Ранее наместник задержал возвращения багдадской армии халифа во главе с Харсамой,

направленного против восстания Рафи' б. Лайс, переподчинив ее к себе. Против восставшего наместника халиф отправил большое войско (50 тыс. человек). Во главе этого крупного войска был поставлен Али ибн Исы ибн Махана, из рода бывших наместников Хорасана, намеривавшего заковать брата халифа и отправить его в Багдад, тем самым очистив путь своего наместничества в этой богатой области халифата.

По сообщению Кембриджской истории Ирана, опирающихся на известия средневековых источников, Тахир, принявший командования над малочисленной армией наместника, обладал не только физической силой (разрубивший человека пополам мечом левой рукой), но и расстановкой войск в поле брани и умелым использованием военной разведки. Эти качества дали ему возможность одержать победу над войском халифа Амина под руководством известного полководца из ненавистного в Хорасане рода наместников. Победа Тахира означала также победа хорасанцев над ненавистным Ираком, племена которого более полутора столетия занимались разграблением таджикских земель Хорасана и Вароруда. А восшествие на престол другого сына Харуна ар-Рашида халифа Мамуна, хорасанца по материнской линии, так как его мать Мараджилъ была выходцем из области Бадгис Хорасана, также укрепила позиции хорасанцев. Однако впоследствии новый халиф обвинил Тахира убийцей своего брата, так как его хорасанские солдаты убили плененного в Багдаде действующего халифа Амина¹.

По мнению американского исследователя Фредерика Старра победа Мамуна и Тахира привела не только изменениям в столице халифата, но и, особенно, в его восточной части: «во-первых, аль-Мамун расширил территорию Хорасана, который теперь включал практически всю Центральную Азию за исключением северных степных земель и Синьцзяна.

¹The Cambridge History of Iran. T.4. The Tahirids and Saffarids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 92.

Он считал, что не следует оставлять такие ключевые города, как Бухара и Самарканд, под контролем других людей, поскольку все, что бы ни случилось в Мерве и Нишапуре, в любом случае затронет весь регион, и наоборот. Поэтому он объединил под властью одного правителя все это большое сообщество - практически всю Центральную Азию, вплоть до северных степей и до Ферганской долины на востоке. Во-вторых, он объявил Мерв, а затем Нишапур столицей этой новой провинции - или, лучше сказать, государства - Центральной Азии. В-третьих, он доверил контроль над этим «государством в государстве» влиятельной и успешной личности, которую, как он знал, примет местная знать, - Тахиру ибн Хусейну - военачальнику, командовавшему войсками, изначально приведшими к власти аль-Мамуна. Наконец, поскольку Тахир как правитель Хорасана стал вторым наиболее влиятельным лицом во всем халифате, аль-Мамун должен был наделить его реальной властью, что он и сделал»¹.

После воцарения халифа Мамуна на Багдадском престоле халифата Тахир был назначен наместником Джазир (Месопотамии), военным начальником столицы (Багдада) и заведующий натуральными повинностями в Саваде (Ираке). В 821 году он был назначен наместником одного из ключевых провинций халифата Хорасаном. Осени следующего года (822) он скоропостижно скончался после того, что пропустил во время прочтения хутбы имя халифа Мамуна, что было равносильно объявлению себя независимым правителем Хорасана. Поэтому появилось подозрение, что халиф, разгневанный этим возмутительным актом неповиновения, приказал тайно его отравить. Несмотря на это халиф на этот ключевой пост назначил его сына Тальху, который правил шесть

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 202.

лет (822-828 гг.). Его преемник Абул Аббас Абдуллах, прибывший в Нишапур, тогдашний центр Хорасана, стал править как независимый правитель¹. Преемник халифа Мамуна Муътасим (833-842) продолжил практику своего предшественника, который по сообщению Гардизи, отправил ему рабыню и (отравленную) чалму в подарок. Прибыв к Абдуллаху эта рабыня полюбила его и раскрыла ему тайну этой чалмы².

Вот как сообщает «Кембриджская история Ирана» о роли Тахиридов в Аббасидском халифате «В течение 3-го века (ислама- М.А.) четыре поколения дома Тахиридов наследовали друг от друга в качестве наместников (Хорасана-М.А.) халифов Аббасидов (205-59 / 821-73). Таким образом, эту линию часто считают первой династией на востоке, которая стала независимой от халифов в Ираке; согласно этой точке зрения, их роль в распаде политического единства исламского халифата соответствовала бы роли аглабидских правителей Иффрикии или Туниса на дальнем западе и тулунидов в Египте и Сирии. Как мы увидим ниже, существуют убедительные возражения против этой точки зрения, как с точки зрения конституционной теории, так и фактического поведения Тахиридов; во многих отношениях это вводящий в заблуждение и поверхностный анализ дел. И все же, вероятно, верно, что преемственность власти Тахиридов действительно способствовала началу возрождения персидского (таджикского - М.А.) национального самосознания и культуры, хотя Спулер, возможно, излишне догматичен, когда отмечает, что преемственность первых Тахиридов в правлении Ирана «В теории ничего существенного не изменилось, но на практике первая независимая мусульманская династия была основана на иран-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963,с. 265-266.

²Цит. по Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// СочиненияТ.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 266

ской земле; началось политическое возрождение персидской (таджикской- М.А.) нации»¹.

На наш взгляд, такое двойственного положения Тахиридов можно объяснить следующим образом: это, по существу, первое этнодинастийное государство таджиков, признавая духовную власть Аббасидов (халифат), на деле (фактически) вело себе как самостоятельное государственное образование (эмират). Другими словами, Тахириды, из-за сложившееся положения халифата (частые противоборства, восстания и борьба за власть между различными группировками в первой половине IX в.), взяли себе роль «амир-ал-муминин» (военную и, позднее светскую власть), которая раньше относилась к халифам. Аббасидский халифат, преемник Омейядов, по мере своего разрастания до Пиренейского полуострова в Европе и к окраинам Великой степи на востоке, трансформировался в мировую державу, когда удачливые этнические группы или племена, за особые заслуги перед высшей властью, стали получать в свое распоряжение большие территории. Они в этих территориях, заселенными собственными и/ или родственными этническими группами, стали де-факто создавать этнические государственные образования, вобрав в себе его светскую власть, а оставляя за багдадскими халифами духовную власть.

К этому времени, когда сыновья Харуна ар-Рашида, вместо возрождения его меценатства над наукой и поэзией, были заняты междоусобицей и военными походами, культурная эстафета от Багдада постепенно перешла к городу Нишапур-столицу независимых Тахиридов. Хотя попытка создания Дома мудрости (Академии) халифом Мамуном, известный своей библиотекой и переводческой деятельностью, стояла особняком, то его увлечения военными походами в Египет и создания новой столицы его преемника халифа Мутасима в Самарре и переезд туда с тюркской гвардией, привели к уга-

¹The Cambridge History of Iran. T.4. The Tahirids and Saffarids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 90.

санию культурного блеска Багдада. Многие ученые Дома мудрости, как было рассмотрено выше, были выходцами из Хорасана, Вароруда и сопредельных регионов востока халифата, поэтому было легче их переезд в Мерв и позднее в Нишапур.

Величие этого города (Нишапур) было достигнуто во времена правления сына Тахира Абдаллаха, которому халиф Мамун относился как «одному из своих сыновей и возвысил его». Сначала халиф хотел назначить его вместо умершего отца наместником Хорасана. Однако его занятость на западе халифата: подавление восстания Насра б. Шабата в Ракке, восстание Абуллаха б. ал-Сари в Египте и Бабека в Азербайджане сделали это назначение нереальным. Поэтому он назначил своим представителем в Хорасане своего брата Талху. Когда в 828 году скончался его брат Талха, то его другой брат Али, будучи на месте, два года исполнял должность заместителя наместника до его прибытия в 830 году в Нишапур, которого он сделал своей столицей¹.

Его 15 летнее правление в центральном Иране, Хорасане (включая Вароруд) стал временем просвещенного абсолютизма. О покровительстве просвещению, свойственным Тахиридам (как и позднее Саманидам) отмечает известный востоковед В.В.Бартольд, который пишет: «Эти черты с достаточной ясностью выступают уже в царствование первого строителя Хорасана, Абдаллаха б. Тахира, который, по выражению Я'куби, владел Хорасаном так, как еще не владел им никто. Абдаллах заботился преимущественно об интересах земледельцев. Между жителями часто возникали споры из-за пользования водой для искусственного орошения, в книгах мусульманских законоведов не было предписаний на этот счет; поэтому Абдаллах созвал хорасанских факихов и поручил им, при участии некоторых факихов из Ирака, выработать правила относительно пользования водой. Составленная

¹The Cambridge History of Iran. T.4. The Tahirids and Saffarids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 97.

ими «Книга об арыках» (Китаб ал-кунйй) еще два века спустя, при Гардизи, служила руководством при разборе подобных дел. В приказе, в котором Абдаллах предписывал чиновников защищать интересы крестьян, в пользу этого сословия приводились соображения нравственного характера: «Бог их руками нас кормит, их устами нас приветствует и обижать их запрещает». Сочувствие к низшим классам привело Абдаллаха к идее всеобщего образования, высказанного им в самых определенных словах: «Науку следует предоставлять достойным и не достойным; наука сама сумеет позаботиться о себе, чтобы не остаться у недостойного». И действительно уже в эту эпоху даже дети беднейших крестьян приходили в города учиться»¹.

Как вытекает из данного сообщения, в эпоху правления Тахиридов стали складываться элементы просвещенной монархии вне центра халифата (Багдада) в его восточных областях, куда переходить культурное первенство от центра. Как видим этому предшествовали комплексные меры одного из ярких представителей Тахиридов, охватывающих от заботы крестьян, упорядочивания водопользования, до охвата детей крестьян всеобщим образованием. Вскоре эти меры дали обильный урожай.

В период постепенного размежевания эмирата/султаната (светских этнодинастийных государственных образований) в лоно обширного халифата (сохранивших еще духовную власть-имамат) в общественно-политической арену исламского Востока стала возвышаться Саманидская держава. Она стала не только простой продолжательницей лучших просветительских традиций Бармакидов, Тахиридов и Саффаринов, но подняла их в такую невиданную высоту, в которых они стояли до конца средневековья на Востоке.

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 271.

1.6. Деятельность эмиров Саманидской державы по разработке стратегии.

Дом Саманидов, как Тахириды в Хорасане, возвышался в Вароруде благодаря своей службе халифу Мамуну. Саманхундот, предок эмиров Саманидов, был влиятельным дикханом (землевладельцем) в селении Саман Балхской области Хорасана, считавший себя потомком легендарного полководца Бахрама Чубина, сокрушившего тюркского кагана. По сообщению В.В. Бартольда он пользовался покровительством наместника Асада б. Абдаллаха ал-Кушейри (умер 738 г.), перешел в ислам и в честь своего покровителя назвал своего сына Асадом. Его сыновья Нух, Ахмад, Яхья и Ильяс приняли участия в усмирении восстания Рафи' б. Лайса и приобрели расположения халифа Мамуна, переходив на службу к нему. По желанию этого халифа хорасанский наместник Хасан б. Аббад (819-821) назначил Нуха правителем Самарканда, Ахмада правителем Ферганы, Яхьи правителем Шаша и Усрушаны и Ильяса правителем Герата¹. Чекан первых медных саманидских монет свидетельствует о первых центростремительных усилиях этого правящего дома, так как в городе Бинакенте во владениях Яхьи была упомянута имя не местного правителя, а самого старшего из братьев Нуха, за которым считался главенства в Вароруде².

По сообщению средневековых авторов, Саманидам, закрепившихся в Вароруде, не удалось сохранить за собой крупный хорасанский город Герат, так как в сочинении Кинди «правители и судьи Египта» сообщается о том, что Ильяс ибн Асад в 827 году был назначен правителем Александрии (Египта), который умер в Герате в 857 году, не оставив своего

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.1.-М.: Восточная литература, 1963, с.267.

²Гафуров Б. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. К.1. –Душанбе, «Ирфон»,1998, с. 450

преемника¹. Тем временем, Саманиды превратились в наследственные правители Вароруда, когда после смерти старшего из братьев Нуха, первенство перешло семье Ахмада ибн Асада, правителя Ферганы. Он остался в своем городе, отправив своего сына Насра в Самарканд, который стал консолидировать власть вокруг себя.

Таким образом, первые саманидские наместники более полстолетия занялись утверждением власти своего рода в ключевых областях Вароруда, где центристремительные процессы преобладали над центробежными тенденциями. Интересно тот исторический факт, что с утверждением власти Саманидов в Вароруде, окончательно утвердился и ислам в регионе. Теперь языческие тюркские племена, как во время сопротивления Согда, не могли вмешиваться в дела региона, практика которой ушла в небытие с их последним вмешательством в дела самостоятельной Усрушаны (893г.). Теперь сами Саманиды начали своего вхождения в Великую степь для распространения ислама и мусульманской культуры, а также для установления прочного контроля над северным маршрутом Великого шелкового пути.

1. Эмир Наср Саманид (875-892 гг.). После смерти эмира Ахмада, истинного «собиравателя саманидских земель» в 864 году, верховная власть Вароруда перешла к его старшему сыну Насру, правителю Самарканда. В уделе отца, в Фергане стал править его брат Абул Ашъас. Эмиру Насру удалось не только удержать власти над городами Вароруда над родом Саманидов, первоначально переданных им во владения халифом, но и расширения их власти над всем междуречьем. Позднее Бухара, одна из ключевых городов Вароруда, также перешла во власть Саманидов. После более десяти лет консолидации власти во Вароруде, когда и Бухара вошла под их управления (в 874 году), его усилия было отмечено в Багдаде.

¹Цит. по Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т. I.-М.: Восточная литература, 1963, с. 267-268.

В следующем году (875 г.) Эмир Наср получил от халифа Муьтамида инвеституры на управления всем Варорудом¹.

С этого момента начинается славный период правления десяти эмиров Саманидского рода, так как он привлек внимания не только багдадских халифов, но и всего мусульманского мира, который находился в это время в зените славы.

Главная заслуга первого эмира всего Вароруда Насра состоит в том, что, несмотря на центробежные процессы в государстве, имеющего полусамостоятельного статуса (от халифата), ему удалось продолжать практику отца по собиранию и удержанию земель Вароруда в единое целое. Долгосрочный мир и отсутствие внешних вторжений привели к началу социально-экономического процветания и, соответственно, культурному подъему этой восточной части мусульманского мира. В этом прочном фундаменте более сто лет проходила формирования и шлифования великой стратегии Саманидов, открытой не только мусульманскому миру, но всему человечеству, оставшаяся до наших дней еще не раскрытой и не исследованной полностью.

2. Эмир Исмаил Саманид (892- 907). Эмир Исмаил, брат эмира Насра, родился весной 849 года во владениях своего отца в Фергане, где, вероятно всего, и вырос. После смерти отца эмира Ахмада в 864 году, он, возможно, перешел в попечительство своего старшего брата Насра, кому и перешел старшинства в роде и в управлении страной. В 874 году 25 летнему Исмаилу улыбнулась судьба, когда бухарцы, уставших от междоусобиц и частой смены власти в городе, обратились к эмиру Насру с просьбой отправки им для управления городом своего представителя. В этот город был отправлен Исмаил без войска, который до 892 года выполнял должность наместника своего брата Насра в Бухаре. Приглашение на правления городом Исмаила со стороны горожан во главе

¹Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. –Душанбе, «Ирфон»,1998, с. 450

бухарскими садрами (духовными главами города) и его бескровное восшествие на престол города впоследствии играла одну из ключевых ролей в чрезмерном возвышении этих садров, с которыми приходилось считаться всем последующим династиям, правившим в Вароруде до Нового времени.

Этот фактический основатель могущества саманидской династии перенес центр управления Варорудом из Самарканда, где сидел старший из рода Наср, в Бухару после их вооруженного противостояния. Его отличие от Насра состоял в том, что если его брат выступал как патриот Вароруда, то Исмаил смотрел еще шире, так как он осознавал культурное единство этой страны в неразделимом единстве с Хорасаном. Он видел свою историческую миссию в достижении политико-экономического и культурного единства Вароруда и Хорасана. Этот двуединый регион, в прошлом разобщенный как политически, так и культурно в зороастрийские, буддийские, христианские и языческие части, ждал своего часа великого единения. Это единение дало всему миру уникальный плод, известный в мире как «исламское возрождение» (мусульманский ренессанс). Поэтому его противостояние с братом Насром необходимо рассмотреть не с точки зрения споров из-за налогообложения, а в более широком плане, в подготовке почвы для присоединения Хорасана к Вароруду, что было удобно реализовать из Бухары. Этой мысли косвенно подтвердить тот исторический факт, что после победы в поле брани над правителем Самарканда, эмир Исмаил не стал обращаться к нему как к пленному, а к своему государю¹. Оставляя его у власти в центре Вароруда, он подготавливал почву как для легитимации своей власти (Наср признал его своим преемником) и для будущего возвышения Бухары. Если Самарканд необходимо рассмотреть как сердце Вароруда, то

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 282.

Бухара стала выполнять роль культурного центра всего исламского Востока.

После смерти своего брата Насра в 892 году, который до смерти оставался эмиром всего Вароруда по инвеституре халифа, Исмаил стал фактическим правителем страны и через год халиф утвердил его в этом сане. В тот же год он совершил военный поход на правый берег Сырдарьи, дойдя до города Тараз. После захвата этого самого северного города своего государства он превратил его главный церковь в мечеть¹. На наш взгляд, данный военный поход, предпринятый в первый год получения титула эмира всего государства, имел, как минимум, четыре цели:

1. Окончательно устранить потенциальную угрозу вторжения кочевников Великой степи Вароруду, консолидированного уже в единое целое под властью Саманидов;

2. Распространить ислама и мусульманской культуры на новые земли среди язычников, как богоугодное дело эмира;

3. Установить контроль над северным маршрутом Великого шелкового пути, тем самым охватив все маршруты этой трансконтинентальной сухопутной торговой дороги в ее центральной части;

4. Наладить новый вид прибыльной торговли тюркскими рабами, очень востребованной в мусульманских дворах, начиная от двора багдадских халифов до дворов мамлюкского Египта.

Таким образом, уже первый поход эмира Исмаила Саманида, демонстрировавшего его не только как ликвидатора угрозы с севера, но и ревностного распространителя ислама в новые земли, а также его заботы для пополнения казны государства, сразу подняли его авторитет не только среди местного населения, но и во всем мусульманском мире. Теперь к нему стали стекаться различные группы воинов веры (газии),

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 282.

которые построив рабады (укрепленные сооружения), стали на защиту границ государства в его отдаленных угольках на востоке, северо-востоке и северо-западе.

Несомненно, возвышение еще одного неарабского дома на востоке халифата не могло не расстроить багдадских халифов, которые теперь от непосредственной демонстративной казни их ярких представителей и тайной операции против них (скрытое отравление и т.д.) перешли к политике вытравливания их против друг друга. Этому способствовало также расширения владения Саффаридов, которые отобрав власть в центре халифата и в Хорасане у Тахиридов, теперь требовали от халифа еще власть Вароруда. Поэтому перед паломниками из региона багдадский халиф в феврале 898 году объявил о низложении эмира Исмаила Саманида от должности наместника Мавереннахра (Вароруда) и передачи этого сана Амру Саффариду. Прочность власти эмира Исмаила Саманида в Вароруде осознавал даже новый претендент его сана Амр Саффарид, который, по историческим сведениям, сообщил послам халифа, привозившим ему подарки и диплом на правления новой страной, что «эту область нельзя вырвать из рук Исмаила иначе, как при помощи ста тысяч обнаженных мечей», на что халифский посол ответил «ты пожелал этого; теперь ты лучше знаешь что делать»¹.

В войне против саффаридского эмира Амра эмир Исмаил показал не только свои полководческие способности, но и гуманистические качества, и стратегические цели. В самом начале эмир Исмаил обратился к эмиру Амру отказаться от своего намерения и оставит его правителем Вароруда, которого отклонил Амр. Он не стал ждать начала военного похода Амра в Вароруд, а переходив на левый берег Амударьи, сохранил области своего государства от разрушений и лишений. Он также после поражения одного из войск Амра осво-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 283.

бодил всех военнопленных без выкупа и это его великодушия привел тому, что общественного мнения качнулся в его пользу. Поэтому в решающем сражении вблизи Балха весной 900 года часть войска эмира Амра перешел в сторону эмира Исмаила Саманида, и правитель Хорасана был взят в плен и отправлен в Багдад. Победа эмира Исмаила, несмотря на его двузначности, так как он выступил против законного наместника халифа и низверг его, будучи еще узурпатором власти в глазах Багдада, имел ошеломляющий эффект для Багдада. Халиф быстро поправил дела, не только утвердив его вновь наместником Вароруда, но и включив в него и наместничества поверженного эмира Амра (всего востока халифата)¹. Отправка плененного наместника всего востока халифата в Багдад эмиром Исмаилом означал полное признание верховной власти халифов над мусульманскими эмирами. Этой политике он оставался верным до конца своей жизни.

Теперь Бухара, находящая вблизи Амударьи, после подчинения новых земель к югу и западу от этой реки эмиром Исмаилом Саманидом, превратилась в центр управления не только Варорудом, но и Хорасаном, переняв эстафету от его центра в Нишапуре. Если Тахириды культурную эстафету перехватили от Багдада, то теперь не только политический, но и вместе с ним культурный центр всего востока обширного мусульманского мира перешел от Нишапура в этот благословенный город (Бухара).

Как сообщают историки, владение Саффаридов, перешедших к Саманидам, стал оспариваться правителем Табаристана Мухаммадом ибн Зайдом. Полководцу эмира Исмаила Мухаммад ибн Харуну, отправленного против этого бунтаря, удалось захватить его владения. Однако этот полководец восстал против своего эмира и даже захватил в придачу Табаристану и область Рей. Эмиру Исмаилу пришлось самому воз-

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 283-284.

главить войска и не только усмирить бунтовавшего своего военачальника, но и самолично установить западные пределы своей обширной державы, захватив Рей и Казвин¹.

После возвращения из продолжительных военных походов, приведших к установлению границ своей державы, косяком которой стали Вароруд и Хорасан, он занялся обустройством его крепких внутренних связей и началом разработки такой стратегии, продолженной остальными эмирами Саманидов и их выдающимися визирями.

Авторы «Кембриджской истории Ирана», на основе найденных каменных весов с именем эмира Исмаила Саманида допускают, что он унифицировал веса и меры в подвластных ему областях, а также отказался от продолжения практики укрепления стен вокруг крупных городов (Бухары и др.), чтобы ликвидировать сепаратистских чувств внутри его обширной державы². Общеизвестно, что унификация мер и весов, реализованных на территории всего новообразованного государства, как, например, в древнем Китае во время первого императора Ши Хуанди или Римской империи, играет один из ключевых ролей в укреплении центростремительных (консолидирующих) ролей в истории этих держав.

Знаменитый Низам-ул-Мульк в своем не менее знаменитом труде «Сийасатнаме» отмечает об удивительной привычке эмира Исмаила Саманида, который в зимние годы после обеденной молитвы (намаза) в дни ненастья (когда шел сильный снег) выходил на коне из двора навстречу людей, пришедших с различными обращениями к главе государства, чтобы услышать и разрешать их жалобы и пожелания³. Такая

¹ Бартольд В.В. Исмаил б. Ахмед.// Сочинения Т.П. часть II -М.: Восточная литература, 1964, с. 522.

²The Cambridge History of Iran. T.4. The Samanids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 140.

³ Низомулмулк Сийсатнома (Ба чоп тайёркунанда А. Девонакулов).— Душанбе: «Адиб», 1989, с. 49.

чрезмерная забота о подданных своего государства, проявленной в начале X века в Вароруде, является образцом для подражания не только для глав государств региона, но и всего мира.

Эмир Исмаил Саманид умер 24 ноября 907 года и похоронен в своем мавзолее в центре города Бухары, который сохранился до наших дней. Этот мавзолей эмира Исмаила Саманида, несмотря на свою небольшую величину, выступает не только олицетворением величия варорудо- исламской архитектуры, но реальным напоминанием золотого века региона Центральной Азии.

3. Эмир Ахмад Саманид (907- 914). После смерти своего великого отца эмир Ахмад Саманид взошел на трон, который за короткий срок своего правления предпринял усилия по укреплению власти своей славной династии. Ему необходимо было завершить дела отца в борьбе с Саффаридским домом, так как саффаридский эмир Амр был побежден эмиром Исмаилом и его наместничество на востоке халифата перешел к саманидскому дому, однако другие представители этого дома продолжили править в их малой родине- Систане. Поэтому он все свое внимание направил на присоединения этой древней историко-культурной области таджиков в державе Саманидов, чтобы обезопасить государство с юго-запада, откуда исходила одна из главных угроз в первые годы его образования. В 911 году он полностью включил эту область, выходящей к Индийскому океану, под свое управления, оставив представителей этого славного рода у власти в качестве своего вассала¹.

В это время самая западная область- Табаристан вторично отпала от саманидской власти, на этот раз путем бунта зайдитского (шиитского) движения во главе с Насром Кабиром. Во врем подготовки к подавлению этого неповиновения

¹The Cambridge History of Iran. T.4. The Samanids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 141.

против эмира Ахмада Саманид было совершено покушение на него со стороны его раба. Этот просвещенный слуга эмира, недовольный возвращением практики использования арабского языка взамен таджикского языка, введенный отцом эмира, обезглавил его в январе 914 года во время сна в своем лагере близ Бухары¹. Такое чрезвычайное преступление по отношению своего господина, среди прочего, свидетельствует еще о том, что местное чиновничество, вероятнее всего, было так воодушевлено введением практики широкого использования родного (таджикского) языка в делопроизводства обширной державы эмиром Исмаилом Саманидом, что отступление от этой традиции могло привести даже к царевубийству. Таким образом, эмир Ахмад, продолжая практику своего отца по собиранию земель и укреплению власти Саманидов, совершил роковую ошибку (предпочтение родному языку чужому, пусть, священной языку религии) и поплатился за это жизнью.

4. Эмир Наср II Саманид (914-943). Во время смерти своего отца будущему эмиру Насру II исполнился всего восемь лет. Но ему чрезвычайно повезло, так как во главе управления стоял великий визир Абу Абдуллах Джайхани. Этот визир был не только опытным администратором, но и известным географом и высокообразованным человеком². Здесь необходимо подчеркнуть, что создания первыми славными эмирами Саманидов обширной державы актуализировал вопрос также формирования разветвленной вертикальной ветви власти, охвативших в себя от областных наместничеств до управления территориями вассальных владений. Как мы видим из слаженной практики управления обширным государством первых лет правления малолетнего эмира, эта задача также была успешно решена Саманидами. Местная традиция

¹The Cambridge History of Iran. T.4. The Samanids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 141.

²The Cambridge History of Iran. T.4. The Samanids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 141.

управления государством через диванов, внедренная мудрыми великими визирями Бармакидами в управления огромного халифата центром в Багдаде, была возвращена саманидскими эмирами домой и модернизирована до такой степени (до десяти диванов), что она могла функционировать самостоятельно во главе со способными визирями (без вмешательства эмиров). Опытный саманидский визир смог обезопасить обширного государства от различных бунтов и междоусобиц, в первую очередь, благодаря слаженной работы государственных структур, включая армии и гвардии эмира. Сначала была подавлены бунты и неповиновения братьев отца эмира, которые даже чеканили свои монеты, позже братья самого эмира.

Слаженная работа властных структур в виде государственных диванов во главе с просвещенными визирями Джайхани (в 914-922 гг. и 938-941 гг.) и Абуфазла Балъами (922-938 гг.) позволили не только подавить бунты сородичей эмира и переподчинения вышедших из повиновения областей, а самое главное, обеспечили взлет мусульманской культуры до небывалых высот, путем широкой поддержки «людей пера» (поэтов, ученых и др.). Этот взлет остается недосягаем до настоящего времени.

Эту слаженную работу государственных диванов и наступивший «золотой век» Саманидов чуть подпортил сам эмир Наср, увлекший карматскими (шиитскими) идеями. Это увлечение эмира привело к недовольству со стороны правоверного духовенства во главе с бухарскими садрами и их новыми верными мюридами-тюркской гвардией эмира. Почти тридцатилетнее правление четвертого саманидского эмира Насра Почти не закончился военным путчем. Сын эмира Нух, узнавший о подготовке военного путча во время дворцового приема в 943 году, предпринял решительные шаги по его устранению, заодно пообещав всем присутствующим, что шиитской пропаганды в государстве будет покончено. Он

сместил своего отца, потерявшего свой властный авторитет, увлекший чуждой идеологией, который вскоре умер¹.

5. Эмир Нух Саманид (943- 954). Новый эмир Нух Саманид взошел в трон 10 апреля 943 года после смерти своего отца. Его отец оставил ему тяжелое наследие, так как его увлечение карматством (шиитским течением) нарушил важный механизм общественной гармонии между государственной властью и населением во главе с традиционным духовенством. Теперь новый эмир для восстановления утраченной гармонии должен был назначить визирем государства представителя духовенства, в ущерб государственному мужу с рациональным мышлением. Выбор пал на благочестивого факиха Абулфазла Мухаммад ас-Сулами, выделявшийся от других чрезмерной набожностью, который предпочитал государственным делам богословские занятия. Данное обстоятельство, компенсировав восстановления доверия мощного духовенства к власти, не могло наладить четкое функционирование государственных диванов. Дело осложнялось еще тем, что за год до восшествия на престол нового эмира (842 г.) была разграблена казна эмирата, что привело к нарушению регулярным выплатам жалования войску эмира. Нерегулярная выплата привела, в свою очередь, к росту недовольства самой армии, главного инструмента общественного спокойствия защиты границ государства. Новому визирю ас-Сулами, предпочитавшего служить Всевышнему, а не мирянам, не удалось выйти из затруднительного состояния государства и наладить регулярной выплаты войску. Финансовые трудности государства, в свою очередь, привели к повышению налогов и подати. Чтобы стабилизировать положение дел в государстве эмир вынужден был прибегнуть к помощи военной партии, когда благочестивый, но бездарный визирь через три года не-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.1.-М.: Восточная литература, 1963, с. 303-304; The Cambridge History of Iran. T.4. The Samanids, edited by R.N. Frye, 1999, s. 142.

эффективного правления был заменен на представителя военной партии Али ибн Хамуи. Но это не спасло благочестивого визиря от кровавой расправы мятежников из числа войска. Следующие годы правления этого эмира были посвящены к сохранению централизованной власти путем усмирения одного из амбициозных своих наместников (Хорасана) Абу Али Чагани, который не только свою область, но и другие области верховья Амударьи (Рашт, Хутгаль и др.) вовлек к противостоянию с центральной властью. Путем компромисса удалось восстановить этого наместника в прежнюю должность в Хорасане, где он начал войну с новыми противниками Саманидами - Буидами. Однако недовольный заключения мира с этой новой династией эмир снова изложил Абу Али Чагани и назначил в его место другого наместника. В эти дни смены власти в самой западной области державы 28 августа 954 году умер пятый эмир Саманидов- Нух ибн Наср¹. Краткосрочный период правления этого саманидского эмира ему пришлось для сохранения центральной власти идти в компромисс с недовольным духовенством (из-за увлечения прежнего эмира чуждыми идеями), а позже с опорой на войска бороться с сепаратистскими действиями своих наместников.

б. Эмир Абдумалик Саманид (954- 961). У эмира Нуха были пятеро сыновей и он, как халиф Харун ар-Рашид, заставил населения присягнуть царевичам, которые должны были править поочередно. Однако при этом он опрометчиво прикрепил к трем старшим сыновьям по одному из военачальников из гвардии (а не государственных мужей как Бармакиды или Джайхани), что свидетельствует о возвышении гвардии над гражданской администрацией эмира. Первым из сыновей Нуха в престол Саманидов взошел эмир Абдумалик, который

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 308-309;

утвердил последний приказ своего отца о низложении могущественного наместника Абу Али Чагани и назначении на его место Абусаида Бекра ал-Фергани. Абу Али, несмотря на помощь вчерашних противников Буидов и инвеституры от багдадских халифов, не удалось сохранить свой пост. Однако и новый наместник ал-Фергани также не смог укрепить власть эмира в Хорасане. Он, в основном, из-за пренебрежения нуждам войска был убит декабре 956 году военачальником эмирской гвардии Алп-тегином у ворот дворца эмира Абдумалика. Вскоре был низложен также визир эмирата Абумансур б. Узейр, должность которого перешла к Абуджафару Утби. А наместником Хорасана стал Абулхасан Симджури. И эти высокопоставленные чиновники эмира из-за неспособности управлять страной и вверенной ему областью усилили неудовольствия населения эмирата и были также смещены со своих постов. В 959 году визирем эмирата был назначен Абумансур ибн Исхак, а наместником Хорасана Абумансур Абдураззак (960 г.), который показал себя справедливым наместником¹.

В это время мы наблюдаем усилия эмира Абумалика и его визиря по обузданию притязания военачальников гвардии вмешиваться в дела гражданской администрации эмирата. Эмиру удастся казнить одного военачальника и удалить более сильного военачальника Алп-тегина в наместничества в Хорасан. Однако этому военачальнику перед отъездом удастся сменить визиря эмирата и назначения в эту высокой гражданской администрации Абуали Балъами, который оказался слабой копией своего могущественного отца и орудием на руках этого сильного временщика.

В своей попытке обуздать засилья верхушки гвардии и сохранить единства державы скоростижно скончался в

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 310-311.

осени 961 года шестой эмир из Саманидского дома во время игры благородных мужей Востока (конное поло)¹.

7. Эмир Мансур Саманид (961- 976). После смерти эмира Абдумалика визир Балъами по требованию военачальника Алп-тегина хотел возвести на престол Саманидов его малолетнего сына Насра. Однако члены дома Саманидов и верхушка гвардии возвели к власти брата Абдулмалика Мансура (Абусалиха) ибн Нуха. Члены правящего дома смогли консолидировано нарушить планы сильного временщика и Алп-тегин под натиском центральной властью вынужден был уступить свою власть на западе прежнему справедливому наместнику Абумансуру Абдураззаку и удалится на юго-восточные окраины государства. Здесь ему удалось низложить в 962 году местную династию и основать собственное государство. Балъами благоразумно перешел в лагерь нового эмира и до самой смерти (974 г.) сохранил высокий пост визиря эмирата. Однако хорасанский наместник Абдураззак, ранее приобретший авторитет справедливого наместника Хорасана, после вторичного прихода к власти в этой области, по наущению Буидов, стал вести себя неадекватно, воины которого стали бесчинствовать на западе эмирата.

Новый эмир Мансур Саманид показал себя дальновидным правителем, который отправил в 962 году против своего зарвавшегося хорасанского наместника Абдураззака Абулхасана Симджури, который низложил своего предшественника и стал новым наместником этой самой западной области эмирата. Он до конца правления эмира Мансура остался наместником Хорасана и вел успешные войны против Буидов и Зияридов.

Эмир Мансур также показал способности в управления державой Саманидов, который наряду с Балъами, назначив новым визирем Абуджафара Утби, который также отличился

¹ Бартольд В.В. Абд ал-мелик б. Нух. // Сочинения Т.1.-М.: «Наука», 1964, с. 485.

благоразумием и справедливостью. Спокойствие первых годов эмирата возвращалось снова в эту державу. Даже Газни, после смерти основателя этого самостоятельного государства Алп-тегина (963 г.), вернулся в лоно Саманидской державы, так как сын и преемник Исхак проиграл борьбу за власть прежнему владельцу области и бежал в Бухару. В 965 году при поддержке Саманидов ему удалось отвоевать власть и признать себя вассалом первых. В последние годы правления эмира Мансура визирем был назначен внук знаменитого визира Джайхани Абуабдуллах Ахмад Джайхани. Эмир Мансур скончался в июне 976 года¹.

Как показала годы правления эмира Мансура при сильной гражданской администрации державы (при сильных визирях) была достигнута долгосрочная стабильность на территории обширной державы, которой так не хватило в последующие годы правления Саманидов.

8. Эмир Абулкасим Нух II Саманид (976-997). К времени смерти своего отца эмира Мансура будущему эмиру Абулкасиму Нуху, более известному как Нух II, исполнился 13 лет, поэтому эмиратом в первые годы управляли его мать и новый честолюбивый визир Абулхусейн Утби. В эти годы визир несовершеннолетнего эмира Утби, вынужденный опираться на верность военной партии, особенно, Абулхасана Симджури, всесильного наместника Хорасана, оказывал ему благосклонность верховной власти. Позже он сменив тактику, хотел восстановить верховенства гражданской администрации над военачальниками. В начале 982 года визир стал предпринимать усилия по укреплению собственной власти в эмирате. Ему удалось низложить всемогущего сипахсолара (главного военачальника) эмирата Абухасана Симджури и его замены бывшим рабом своего семейства и верным себе хаджибом Ташем.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.І.-М.: Восточная литература, 1963, с. 311-312.

Средневековые источники данное обстоятельство объясняют тем, что в начале правления Эмира Нуха II Абухасан рекомендовал ему оставить в своей должности визиря Джайхани из-за молодости Утби. Симджури был вынужден временно вернуться в свои владения в Кухистан, а другие военачальники, включая бывшего наставника отца эмира Фаика, вынуждены были отправиться на войну с упорными противниками на западе Буидами. В марте 982 году хорасанские войска Саманидов потерпели поражения от Буидов, смерть правителя которых спас Хорасан от вторжения их армии. Вскоре было мобилизовано при Мерве новое войско, куда отправился визир Утби, который пал там от рук убийц Фаика. По сообщению, средневековых историков, Утби был последним представителем выдающихся визирей Саманидов (как Джайхани и Балъами) с государствоведческим подходом к решению дела. Вскоре Абухасан Симджури и Фаик стали бесцеремонно вмешиваться в государственные дела. Вскоре умершего весной 989 году Абулхасану Симджури наследовал его сын Абу Али, еще более даровитый и честолюбивый чем его отец. Он уже вел междоусобную борьбу за первенства в эмирате с Фаиком, которого разгромил и заставил отступить в Мерверруд. За свои заслуги он получил в свое правление обширные земли в правом берегу Амударьи¹. В последние годы правления Нуха II обширная держава Саманидов стала клониться к упадку. Эмир Нух Пумер 23 июня 997 году².

При отсутствии способных визирей государства, умело надзирающие над деятельности всего государственного аппарата, включая его войска, немощные эмиры стали постепенно утрачивать качества своих предшественников по сохранению единства обширной державы, которая становилась ареной противоборства амбициозных и буйных военачальников.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.// Сочинения Т.1.-М.: Восточная литература, 1963, с. 313-314.

² Бартольд В.В. Мансур б. Нух.// Сочинения Т.11.Часть II.-М.: Наука, 1964, с. 525.

9. Эмир Абул-Харис Мансур II Саманид (997- 999). Эмир Мансур II пришел к власти в самые тяжелые годы правления Саманидских эмиров, когда некогда покорные военачальники, стали показывать неповиновения центральной власти и открыто выступали друг с другом и центральной властью в борьбу за власть. Несмотря на такие качества как красноречие и мужество, приписываемым ему средневековыми авторами, ему не удалось сохранить единства некогда обширной державы. В последние годы он стремился мирно решить вопрос о наместничества в Хорасане, которого оспаривали несколько вооруженных партий. 1 февраля 999 года он был свергнут своими военачальниками Фаиком и Бегтузуном, которые ослепили его и отправили в Бухару¹.

До этого дня ни один из военачальников не совершал такое кощунство (ослепление) по отношению к своему правителю, что означало упадка авторитета саманидских эмиров в государстве.

А его брат эмир Абдумалик II, вошедший в престол Саманидов на место брата Мансура, не имел даже его стремления по удержанию государства от распада. Он уже через три месяца потерпел поражения под Мервом от Махмуда Газневида, в результате чего Хорасан полностью отпал от Саманидов. А осени того же года, когда Караханида напали на государства уже из севера, даже не мог поднять своих подданных на отражения данной агрессии, когда духовенство запретил населению вмешиваться в мирские дела правителей. А инонациональная гвардия также предала своего эмира. Покинутый всеми он 23 октября без боя сдал Бухару и бесславно попал в плен². Поэтому мы не включаем его в перечень славных эмиров Саманидского дома.

¹ Бартольд В.В. Мансур б. Нух.// Сочинения. Т.II.Часть II- М.: Наука, 1964, с. 525-526.

² Бартольд В.В. Абд ал-Мелик б. Нух.// Сочинения. Т.II. Часть II-М.: Наука, 1964, с.485-486.

10. Исмаил II (Абу Ибрахим ал-Мунтасир) Саманид (1000-1005). Этот брат последнего эмира из дома Саманидов не был коронован на трон этой славной династии, но с мечом на руке предпринял более пять лет попытку восстановить правления ее правления. В этом его устремления ему удалось достичь некоторые успехи, как разгром войск Караханидов и даже освобождение Бухары. В последующем он был разбит основными силами этой новой династии и уступил на правый берег Амударьи, где хотел накопить силы для продолжении борьбу за саманидское наследие, однако был вероломно убит предводителем одного из арабских племен под Мервом¹.

Удивительно, но факт этот последний из славных эмиров в свободное время от многочисленных сражений и столкновений с врагами, писал еще стихи, которые к нашей радости, дошло до нас:

«У меня они спросили: «Почему б не быть веселым,
Не украсить дом коврами?» Но могу ли я среди криков,
Средь мольбы и стонов вновь услышать голоса поющих?
Как могу я поле брани променять на сад из роз?»²

Со смертью этого мужественного и просвещенного представителя славных эмиров Саманидов, этот правящий дом ушел от активной общественно-политической жизни, представители которых, отошедшие от большой политики, еще многие столетия наслаждались наряду с другими жителями Вароруда продолжительностью своего великого наследия.

За этот промежуток времени правления саманидских эмиров, Вароруд и Хорасан, превратились из восточных окраин ареала борьбы мусульман с иноверцами (дар-ал-харб) в высококультурной области огромного халифата, когда

¹ Бартольд В.В. Исма'ил б. Нух.// Сочинение Т.П. Часть II-М.: Наука, 1964, с.523.

² Цит. по Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 260.

центр эмирата утонченная Бухара могла бросать вызов даже к легендарному Багдаду. Столица халифата, пережившая свой небывалый взлет в первые годы правления халифа Харуна ар-Рашида, благодаря культуртрегерской миссии мудрых Бармакидов, постепенно уступила свое культурное первенство восточным городам как Мерв, Нишапур. В эпоху Саманидов Бухара превратилась в одну из ведущих культурных центров мусульманского мира от степного Турфана до испанского Толедо.

Необходимо отметить, что Саманидская держава от первых двух централизованных государств региона (Вароруда и Хорасана) Великой Парфии (Аршакидов) и Великих Кушан (Кушаншахов), созданных ранее предками таджикского народа, отличается тем, что она сохранила свою преданность к первой столице, не перенося ее к другим городам. Общеизвестно, что аршакиды (вожди из племени дахов массагетского союза племён) выбрали в качестве своей первой столицы город Нисы (вблизи совр. города Ашхабад Туркменистана), потом перенесли ее в Рей (вблизи совр. Тегеран) и, в конце концов, основательно основались на берегу реки Евфрат, создав новую столицу - Ктесифон. А кушаншахи, создав свою первую столицу в северной Бактрии (терр. Таджикистана и Узбекистана) потом перенесли их вглубь современного Афганистана (Баграм и Кандагар). Преданность саманидских эмиров двум великим городам Вароруда-Бухары и Самарканда также стала фактором подражания для последующих государственных образований, среди которых выделяются великий Тимур, основатель Тимуридской державы, который в начале своего возвышения перевел из своего города Шахрисабза в Самарканд. Обустройство и совершенствование Самарканда и поддержание добрых отношений с заносчивыми бухарскими садрами были основными факторами внутренней политики этой славной династии-«последних их могикан», после которых регион постепенно превратился в «задворки истории».

1.7. Этногенез таджикского народа в лоно Саманидской державы.

Централизованное государство Саманидов выступало не только продолжателем дела своих предшественников (Тахиридов и Саффаридов) по созданию этнонационального, преимущественно светского, государственного образования (эмират/султанат) в лоно исламского мира, а, самое главное, выступило «собирателем» всех исконных таджикских земель, которые уже две тысячи лет до них были зафиксированы в «Географической поэме» легендарной «Авесты».

Собирание всех культурно-исторических областей традиционного проживания таджикского народа и его предков со стороны саманидских эмиров имеет ключевое значение, так как впервые в реальной истории было объединено в одно целое (в одно государство) весь ареал их обитания. Этот ареал обитания таджикского народа и его славных предков впервые был упомянут уже в древности в священной Авесте, к сожалению, многолетиями передаваемые от поколения в поколение, преимущественно, в устной форме. Данное обстоятельство (устная передача информации) внесло много путаницы в определении первичного ареала оседания предков таджикского народа после их отпочкования от общего индоевропейского ядра (из южнорусских степей) и миграции на юго-восток и их отделения от ведийских арьев, а также в определении места рождения пророка Зардушта (Зороастра) и территории параллельных и последующих общественно-политических процессов.

Создание централизованного государства Саманидов в просторах Турана (Вароруда и Великой степи) и Хорасана с охватом восточного Ирана и северо-западной Индии почти полностью повторило контуры государственных образований доисторического периода – легендарных Пешдадидов Хвани-

раты, героических шахов Турана и исторических Кеянидов Хорасана/Ирана¹.

Наличие централизованного этнодинастийного государства, вобравшего в себе в первый и последний раз в истории все таджикские историко-культурные области, с единой дорожной коммуникацией и придорожными инфраструктурами (каравансарай, рабады, базары и т.д.) способствовали их тесного общения, образования единых традиций и образа жизни, схожих типов ведения хозяйств. Все эти обстоятельства привели к расцвету высокой городской культуры, которые содействовали расцвету централизованной державы и высокому полету мыслей выдающихся сыновей новорожденного таджикского народа и его близких соседей.

Как было рассмотрено выше, саманидским эмирам, ведущие свой род от лучшего представителя старинного парфянского рода Михранов, прославленного (сасанидского) полководца Бахрама Чубина², к началу X века благодаря самому выдающему представителю этого дома эмиру Исмаилу, удалось собрать воедино все старинные области таджиков.

Теперь рассмотрим все области Саманидской державы, сопоставляя их с «географической поэмой» Авесты (первая глава Видевдата), описывающей 16 наилучших «каршваров», созданных Ахура-Маздой:

1. Согдиана, упомянута в «Авесте» как «Гава, населённая согдийцами» (авест. *Gāum uim suγdō.šaiianəm*, «Оседлое поселение, обиталище согдийцев») - центральная область Вароруда;
2. Мерв, упомянута как «Моуру могучая, праведная» (авест. *Mourum sūrəm ašauuanəm*, «Луг»);

¹Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа.-Душанбе, «Дониш», с.17-39, с.133-145.

² Гумилев Л.Н. Подвиг Бахрама Чубины. Л., Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.// http://kulichki.com/~gumilev/articles/Article101.htm#Article101note_2 дата обращения 19.07.2020

3. Балх, в Авесте «Бахди, прекрасная с поднятыми знамёнами» (авест. *Vāxδīm sīrām ərəδβō.drafsām*, «(Страна) счастья»);

4. Ниса (бывшая первоначальная парфянская столица)– «Нисая, что между Моуру и Бахди (авест. *Nisāim yim aṅtarə Mourum-ca Vāxδīm-ca*);

5. Герат – «Харою с оставленными селениями»-(авест. *Harōiium yim viš.harəzanəm*, «Истечение вод») - долина Герируда, Гератский оазис;

6. Кабул- «Ваэкерета, населённая «ежами» (авест. *Vaēkərətəm yim duzakō.šaiianəm*, «Построенная Ваю[en]»);

7. Газни- «Урва много пастбищная (авест. *Uruuam rouu.vastrām*, «Текущая»);

8. Гиркания (на юго-востоке Каспийского моря)- «Хнента, населённая верканами (авест. *Xnəntēm yim Vəhrkānō.šaiianəm*);

9. Арахозия, долина реки Аргандаб, притока Гильменда- «Харахвайти прекрасная» (авест. *Naraxvaitīm sīrām*, «Полная потоков вод»);

10. Долина реки Гильменд –«Хаэтумант блистательный, полный сиятельной славы» (авест. *Haētumantəm gaēvaṅtəm xvarənaṅuhaṅtəm*, «Река с природными плотинами»);

11. Область Рей (область совр.Тегеран) - «Рага трёх племенная (авест. *Raṅam θrizantūm*). Традиционно отождествляется с Рагой на востоке Мидии, позднейшим Реем;

12. Область Чарх (в Хорасане или Газни?)-«Чахра могучая, праведная» (авест. *Saxrəm sūrəm ašauuanəm*, «Колесо»). Ньоли отождествляет страну с областью Чарх в провинции Газни.

13. Область Бунер между Индом и Сватом-«Варна четырёхугольная, где родился Траэтона» (авест. *Vaṅənəm saθru.gaošəm*);

14. Пенджаб –«Хапта Хенду» (авест. Yōi Napta Nəṇdu) - «Семь рек», ведийская Sapta Sindhava;

15. Высокогорные истоки Инда (Верхний Инд, Кокхистан, Хунза, Вахан, Читрал)- «(Страна) в истоках (реки) Рангха (авест. Ura Aodaēšu Raṅhaiiā)¹;

Общеизвестно, что первой областью Авесты была «Ариана Вейджа» как «легендарная прародина арьев», переместившая постепенно с левобережья Амударьи к X веку в современный Иран с его центральной областью Фарс. На наш взгляд, из данного списка последние три области (Бунер, Пенджаб и истоки Инда) еще не находились в составе Саманидской державы, а вскоре стали объектом вторжения ее правопреемника- Газневидского государства. А место их заняли следующие новые сопредельные области:

1. Хорезм, упомянутый в другом списке авестийской литературе (Мехр-яште) как «Хваиризем» (авест. Xvāirizəm), также вошел в состав державы после победы Исмаила Саманида над Амр ибн Лейсом (900 г.)²;

2. Фергана, которая после завоеваний Кутейбы ибн Муслима, прочно вошедший в состав исламского востока, стал одним из первых областей правления Саманидов;

3. Исфиджаб (ныне Шымкентская обл. Казахстана), через которого проходил северный маршрут Великого шелкового пути, одним из первых новоприобретенных областей державы;

4. Табаристан, родина Мухаммада ат-Табари, стал самой западной областью державы, инвестируемая на правления кото-

¹Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа.-Душанбе, «Дониш», с.17-39, с.33.

²Fray R.N. The Samanids.// The Cambridge History of Iran. T.4. The Cambridge University Press, 1999, s.138.

рый был вручен Исмаилу Саманиду халифом после его победы над Амр ибн Лейсом¹;

5. Исфахан, крупный город юго-запада Ирана, также был пожалован Саманидам халифом после его победы над Амр ибн Лейсом²;

6. Систан (область на юго-востоке Ирана и юго-западе Афганистана), родина легендарного Рустама и бывшая столица государства Саффаридов, вошел в состав державы в качестве вассалов Саманидов.

Необходимо также подчеркнуть, что небольшие княжества, существовавших на стыке Согдианы и Балха в первые годы арабского владычества- Чаганиан (Саганиан), Ахарун, Шуман, Вашгирд, Кубадиян, Хутгал, Рашт, Кумед, Вахан, Шикинан (Шугнан), Бадахшан, Памир и другие также вошли в состав Саманидской державы в качества вассальных владений или наместничества³.

Здесь необходимо отметить одну из особенностей расширения территории Саманидской державы, которая одним из первых захватывая область Исфиджаб (с городом Тараз) на севере, установила контроль северным сухопутным маршрутом Великого шелкового пути. Однако эта держава не стала усердствовать в выходе к мировым морям после завоевания государства Саффаридов, которое на юге (через Мекран) выходило к берегам Индийского океана. На наш взгляд, основным препятствием выхода Саманидов к мировым портам, где, в отличие от северных маршрутов, наблюдалась интенсивная морская навигация (морской шелковый путь) со времён кушаншахов, было не отсутствие их долгосрочной

¹ Fray R.N. The Samanids.// The Cambridge History of Iran. T.4. The Cambridge University Press, 1999, s.138.

² Fray R.N. The Samanids.// The Cambridge History of Iran. T.4. The Cambridge University Press, 1999, s.138.

³Бартольд В.В. Географический очерк Мавереннахра. // Сочинения. Т.1.- М.: Изд-во Восточной литературы, 1963, с. 114-237.

стратегии, а наследие зороастрийской цивилизации. Зороастризм, среди прочего, запрещает путешествий по воде, что к времени Саманидов, на наш взгляд, оставил еще свой поведенческий след¹. Забегая вперед можно анализировать деятельность близких и дальних преемников Саманидов- Газневидов, Сельджукидов, Темуридов и других, которые расширяя свою территорию как Саманиды, также не усердствовали к выходу к мировым портам. Эти крупные державы, захватывая крупные города, расположенных поблизости от побережья Персидского залива, Средиземноморья и Черного морей, в основном, оставались безразличным к их морскому потенциалу.

Саманидская держава была первой турано-хорасанской сухопутной империей, наследие которой было строго соблюдено всеми ее преемниками в течение многих столетий.

Таким образом, к началу X века Саманиды собрали все земли, населенными предками древнего таджикского народа, включая порой областей, населенными родственными иранскими народами (Табаристан, Рей и Исфахан) и создали между ними унифицированные территориально-административные структуры, тем самым упростив между ними регулярные интенсивные коммуникации.

Политика эмира Исмаила Саманида по унификации мер и весов по всей территории обширной державы также стимулировала формирования среди всех жителей различных областей державы, которые до этого выступали как отдельные и самостоятельные государственные образования, осознания общности и принадлежности к единому народу в лоно огромной исламской уммы.

Все без исключения саманидских эмиров, прежде всего, заботились об укреплении единства своей обширной державы, вобранной в себе, как было подчеркнуто выше, все исто-

¹ Майгарчиан. М.Б. Погребальные обряды зороастрийцев.-М.; СПб.: Институт востоковедения РАН: Летний сад, 2001,с. 160.

рико-культурных областей таджикского народа. Создание разветвленной системы государственного управления в форме государственных диванов, которые охватывали все области эмирата, включая не только органов наместничества, но и вассальных владений. Многофункциональные диваны, повторяющие свои функции в столице и на местах, выступали, в основном, главным препятствием для усиления сепаратистских идей и стремлений местных правителей. Через их деятельности центральная власть во главе с мудрым визирем держал руки в «пульсе» местной общественной и экономической жизни.

Саманидские эмиры прекрасно осознавали единства двух больших частей огромной страны, разделенной природой (точнее бассейном Амударьи) на Вароруд и Хорасан, к которым тяготели и другие малые регионы. Они, будучи в Вароруде, до последних дней существования эмирата, выбору наместника Хорасана и благополучия региона, уделяли основное внимание. Сохранение стабильности в этой двуединой сердцевине ареала обитания таджикского народа и его близких соседей, обеспечивало расцвету всей Саманидской державы. Симптоматично, что потеря Хорасана последним эмиром Абдумаликом II весной 999 года привело и к потере всей державы осени того же года. Народная пословица «разделенный дом, разваливается» больше всего подходит к данному случаю.

Консолидация всех таджикских областей при Саманидах в рамках одного централизованного государственного образования и их относительно долгая мирная жизнь в течение более одного столетия, вкуче с массовыми предыдущими переселенческими движениями из Хорасана, Ирана и Ирака в Вароруд (прародина таджикского народа) создали ту питательную почву, на котором стал возможным относительно быстрый и устойчивый этногенез таджикского народа. Вместе согдийцев, бактрийцев (тохаристанцев), бадахшанцев, хо-

расанцев, саков, хорасмийцев, ферганцев и многих других пришел единый этноним- таджик.

На наш взгляд, процесс сложения этнической общности – таджикского народа происходил, как по примордиальных (от лат. *primordialis* – «первоначальный»), так и по конструктивистским признакам, когда эти традиционно антагонистические принципы, в нашем случае, наоборот, дополняли друг друга. Дело в том, что примордиальный (теоретико-методологический) подход к процессам рассматривает культурно отличительные и социальные группы (особенно этнические) как изначальную данность, обязательную и всеобщую групповую характеристику. Данный подход основывается на осознании этнической общности как древнего и устойчивого объединения людей (этноса)¹.

Как было рассмотрено выше, территория Саманидской державы выступила исторической родиной для всех предков таджикского народа, которые испокон веков проживали на ней. В этой (примордиальной) почве Саманиды стали конструировать образования единого таджикского народа, прибегая к следующим механизмам, как формирования единого (таджикского) языка вместо нескольких диалектов или языковых групп (согдийский, хорезмийский, бактрийский, парфянский и др. языки) через приданию ему статуса государственного языка (при сохранения арабского языка как языка религии). Данная государственная поддержка родного таджикского языка, понятной во всех уголках обширной державы, когда ранее наличие многих диалектов препятствовали созданию единого унифицированного языка, в свою очередь, выступила мощным толчком формированию и быстрого расцвета таджикско-персидской литературы. А родоначальник таджикской литературы (Устод Абу Абдулло Рудаки) получил непосредственного покровительства от самых

¹Тишков В.И. Примордиализм. // Полупроводники - Пустыня. - М.: Большая российская энциклопедия, т. 27, 2015. - С. 498—499. <https://bigenc.ru/ethnology/text/3167314> дата обращения 20.07.2020.

эмиров этой просвещенной династии и их великих визиров (Бальями и др.).

Бурное становление таджикской литературы и его всеобщий охват всех областей этой просвещенной державы, способствовало появлению яркой плеяды великих таджикских мыслителей (Рудаки, Беруни, Сино, Фирдоуси и сотни других), создало то «воображаемое общество» (Б. Андерсона)¹. Данное «воображаемое сообщество» складывалось из того процесса единения, когда во всех уголках обширной державы все жители (без исключения) были не только знакомы их бессмертными творениями предков (особенно, «Хвадай-намак» - предтечи Шахнаме), но и повсеместно организовывали творческие (поэтические, фольклорные) вечера, одинаково воспевая доисламский героический период жизни своих славных предков.

Этот массовый порыв формирующего таджикского народа, при сильной государственной поддержке, при экономически благополучной среде и неутомимом труде его новой (формирующей) интеллигенции, создал тот плавильный котел, где был выкован его поэтический возвышенный дух и склонность к высококвалифицированной государственной службе. Эти качества были востребованы не только в самой просвещенной Саманидской державе, но и во всех его преемниках (порой выходящей из региона Центральной Азии в сопредельные регионы) до начала Нового времени (к началу XX века).

Таким образом, примордиальный конструктивизм Саманидских эмиров, выступавший мощным механизмом этногенеза таджикского народа и его идентичности, тем самым играл одну из ключевых ролей в разработке и внедрения одного из структурообразующих составных частей их Стратегии «Открытый мир таджиков». Открытость таджикского народа всем окружающим народам

¹Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространения национализма./ Пер.с англ.В. Николаева.-М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001,-288с.

была обусловлена сложившимися общественно-политическими процессами на востоке исламского мира:

Таджикско-тюркский синтез, бравший свое начало со времен создания Тюркского каганата (середина VI в.), приобрел новую форму взаимодействия, так как в этот раз таджики выступили в роли миссионеров ислама среди многочисленных тюркских племен, всемерно вовлекая их в лоно необъятного исламского мира. Многочисленные тюркские племена и народы, поэтапно войдя в мусульманский мир, в скором времени, превратились в его главного защитника в различных регионах обширно Евразии. Первоначально тюрки всего оседлого народа, принявший ислам, называли «таджиками»;

В саманидский период закончилось распространение и утверждение либерального (ханафитского) толка правоверного (суннитского) ислама во всех областях обширной державы и за его пределами. Хотя во время Аббасидов, в отличие от времен Омейядов, арабы потеряли свое привилегированное место в мусульманской умме, однако представители рода курайшитов (род Пророка Мухаммада (с)) и мусульманские улемы (саиды) сохранили свое почетное место. Данное обстоятельство вкупе с многочисленными арабами-газиями (борцами за веру), привлекаемые в различные области Саманидской державы для борьбы с неверующими, создало условие для создания многочисленных межнациональных браков. Оно тоже не позволило сохранения эндогамии среди таджикского народа;

Мобильные представители таджикского народа продолжали продвигаться по сухопутным маршрутам Великого шелкового пути, выходя на востоке к берегам Тихого океана¹ и к берегам Атлантического океана (через мусульманской Испании)².

¹ Назначение согдийца наместником империи Тан в Аннаме

² Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, -134 с.

ГЛАВА II. СТРУКТУРА СТРАТЕГИИ САМАНИДОВ.

Все без исключения исследователи Вароруда и Хорасана, изучающие этот двуединый регион (объединенный бассейном великой реки Амударья) в течение более тысячи лет, начиная от средневековых таджико-арабских до современных (мировых), признают, что эпоха Саманидов, столицей в Бухаре, является «золотым веком» Центральной Азии. Они описывают высокие культурные достижения Саманидской державы следующими возвышенными эпитетами: «Бухара - небесный свод» (Рудаки), «Бухара-купол ислама» (Джувейни), «расцвет новоперсидского языка и литературы»¹(Ричард Фрай), «расцвет Центральной Азии» (Фредерик Старр)², «расцвет художественной и научной литературы»³ (Оранский Иосиф) «саманидская культура-алмаз»⁴ (Лев Гумилев).

Как они достигли этого единого и всеобщего признания со стороны как средневековых, так и современных авторов, за одно с небольшим столетия?

В истории Турана и Хорасана имеются ряд ключевых событий («осевое время»), которые кардинальным образом трансформировали их общественно-политический облик: самым первым из этих событий является продолжительное противостояние между Ираном и Тураном, отголоски которого доносились до исторического времени (завоевания области Вароруда Ахеменидами), позднее это вторжение Александра Македонского и создание Греко-бактрийских царств; образо-

¹Фрай Р.Н. Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. — Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 227-262.

³ Оранский И.М. Введение в иранскую филологию.-М.: Изд-во Восточной литературы, 1960, с. 265.

⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. —М.: 1992, с. 208.

вание великих государств Великая Парфия и Кушаншахов, две из пяти мировых империй в начале нашей эры (наряду с Рим, Хан и кочевой империи гуннов), а также вторжения сначала тюркского каганата (со второй половины VI в.) и арабов (с начала VIII в.). К этому перечню относится сражение в начале X века (900 г.) между эмиром Исмаилом Саманидом и эмиром Амром ибн Лейс (Саффаридом), ярких представителей двух историко-культурных областей таджикского народа – Согдианы и Систана. Первая Родина первого пророка (зороастризма) Зардушта¹, а вторая выступает родиной легендарного таджикского богатыря – Рустама (Сагзи)². Это сражение, рассматриваемого в тактическом плане между двумя таджикскими государственными образованиями как борьба за инвеституры багдадского халифа за власть в Хорасане имел более глубокие последствия: какой из этих историко-культурных областей будет доминировать в перспективе истории таджикского народа, стремительно возвышающегося в истории Востока. Саффариды Систана, периферийной южной области таджиков, перехватившие инициативу от другого могущественного дома Хорасана – Тахиридов, стали бросать вызов следующему могущественному дому Вароруда (и Бактрии) – Саманидам, которые никак не могли мириться с второй ролью в исламском Востоке.

Победа Саманидов со столицей в Бухаре раз и навсегда поставила эту древнюю область на первые (главенствующие) роли в последующей истории таджикского народа. Если раньше та или иная область (древний Хорезм, древняя Бактрия, Парфия, Кушаншахи и другие) в каком то историческом промежутке доминировали над остальными таджикскими областями, то теперь раз и навсегда Согдиана во многих обла-

¹ Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии. Проблема места и времени. // Вестник древней истории. 1996, №6, с.11-16.

²

стях жизнедеятельности людей (от поэзии до навыков управления государством) крепко взяла инициативу в свои руки и сохранила ее до нового времени.

К моменту прихода к власти Саманидской династии ситуация на Востоке исламского мира: в Туране и Хорасане несколько нормализовалась: ислам, переходя от узко этнической к мировой религии, постепенно и безвозвратно стал занимать умы и сердца местных народов и племен; после Таласской битвы (751г.) Китай потерял свою агрессивную пыль и откатился назад в Великую равнину; Тюркский каганат Великой степи развалился на несколько частей и потенциальная угроза оседлым странам ослабла; а Великий шелковый путь, стабильно функционируя и прорезывая регион по трем сухопутным маршрутам, продолжал приносить достаток и богатство, как оседлым народам, так и кочевым племенам региона.

Теперь Саманидам, принявшим эстафету доминирования в Варуруде и Хорасане от этнически родственных династий (Тахиридов/Саффаридов), предстал жизненно важная задача не только утвердить и закрепить свою власть, а, в относительно благоприятной внешнеполитической обстановке, разработать и внедрить долгосрочную стратегию. Данная стратегия, опирающаяся на оптимальную форму государственного управления, укрепляющая социальное партнерство между властью и обществом, а также межнациональное согласие и экономическое процветание, была архи важно для формирующего нового таджикского народа в лоно ислама.

Как было рассмотрено выше десять славных эмиров славной Саманидской державы, среди которых, несомненно, особо выделяется двое - эмир Исмаил Саманида и его внук эмир Наср II, не только создали прекрасную почву для этногенеза таджикского народа, но предприняли серий дальновидных усилий. Тщательный анализ этих усилий показал, что они создали не только классический эталон централизованно-

го государства в исламском мире, но и содействовали небывалому взлету научной и духовной мысли, которые до сих пор не изучены до конца. Этот феномен данной эпохи свидетельствует о наличии глубоко придуманной и тонко реализованной государственной политики, которой мы назовем - Стратегия Саманидов. Эта была такая славная стратегия Саманидской державы, которая пережила своих отцов-основателей, когда каждая династия (в основном, иноязычная), приходящая к ней или ее преемникам на смену, то она с глубоким пиетизмом не только оберегла ее, но и старалась внести в нее новую струю или новый блеск, чтобы как то лучше подражать ей.

Это наследие, названного нами Саманидской стратегии «Открытый мир таджиков» («Чахони Точикон»), сформированной и шлифованной в течение более целого столетия, стоит обособленно не только в мусульманской цивилизации, но и всего средневекового Востока. Оно до сих пор ждет своих исследователей. Именно открытость таджикского народа, когда его составные части, раскрытие к внешним культурным веяниям к концу своего этногенеза дал мировому сообществу уникальный пример меж цивилизационного диалога. Бывшие буддисты Бармакиды, привезли в сердце халифата, в новую столицу мусульманского мира, индо-буддийскую традицию восприятия мира; хорасанцы Абу Муслима, борясь, бок о бок, с необразованными арабскими племенами за распространения новой религии, ознакомили их с таджикским языком и собственными обрядами и традициями; хорасанцы и варорудцы, призванные к строительству новой столицы и ее облагораживания, занялись переводческой деятельности античных греческих и сирийских трудов, тем самым обеспечив, непрерывность цивилизационного развития человечества; таджикские богословы, наряду с арабами и другими народами, скрупулезно собирали и кодифицировали сказания (хадисы) велико-

го пророка; а Саманиды, распространяя ислам, мусульманской культуры и навыки государственного управления в широкие просторы Великой степи и по маршруту Великого шелкового пути, расширили культурный ареал далеко на север, северо-запад и северо-восток. А самое главное, таджикский народ, избавивший от «проклятия» письменности зороастрийской традиции и превративший в «книжный народ», стал перевести свою многовековую устную традицию на бумагу, теперь таджикский язык и, особенно, его литература достигла небывалой высоты.

Все эти титанические усилия таджикского народа, только что завершивший свой этногенез, при чутком руководстве славных саманидских эмиров и их мудрых визирей создала уникальной концепции. Открытость таджикского народа, расположенного в сердце огромного континента Евразии, вобрала в себе все культурные достижения народов мира, синтез которых в лоно высококультурной мусульманской цивилизации выступал как большой сосуд, набравший в себя все лучшие примеры мирного и плодотворного сосуществования народов Центральной Азии и сопредельных регионов.

Как стало известно, за более столетнее правление Саманидами была разработана и внедрена такая стратегия, которой мы назовем «Открытый мир таджиков» («Чахони тоҷикон»), состоящая, как минимум, из следующих (7) составных частей:

1. Придание таджикскому языку (дари-фарси) статуса государственного языка;

2. Укрепление светской формы правления (эмирата/султаната) в исламском мире;

3. Закрепления статуса великого визиря и «дивана визиров» в качестве оптимального типа государственного управления;

4. Распространение ханафитского толка суннитского ислама в мире;

5. Продвижение политики “таджикско-тюркский синтез”;

6. Расширение практики меценатства над «людьми пера»;

7. Патронаж над Великим шелковым путем.

Разработка и внедрение данной политики, где все ее составные части причудливым образом взаимопроникали и взаимодействовали между собой, что не только пережила своих отцов-основателей (Саманидов), но самое главное, по сути, выступила как «охранная грамота» мирного, порой привилегированного существования таджикского народа до начала XX века.

2.1. Статус таджикского языка как официальный язык государства.

Как было рассмотрено выше, таджики-хорасанцы и бактрийцы, будучи в первых рядах превращения новой религии-ислама из сугубо этнической в мировую религию, при этом сохранили свой язык как «зеницу ока» в армии (Абу Муслима) и в первых этнодинастийных государственных образованиях (Тахиридов и Саффарилов). Саманиды не только продолжили эту славную традицию, а придали ей такую мощь и устойчивость, которая пережила своих отцов-основателей на многие столетия.

Зороастризм как центровая религия предков таджиков с устной передачей информации, к огромному сожалению, внес огромный ущерб сохранению и умножению всего их колоссального историко-культурного багажа, так как данная форма фиксации общественно-политических процессов, культурно-экономических трендов к времени их письменного утверждения оставила большие путаницы и неясности. Например: правления легендарного пешдавидского шахиншаха Джамшеда по устной передаче продолжилось более 600 лет или героические подвиги богатыря Рустама имеет продолжительности более 500 лет, что, несомненно, бросают тень реальной их жизни и их историчности.

Необходимо подчеркнуть, что исследователи-иранисты делят три основных эпох в истории становления и развития иранских языков:

1. Древнеиранская языковая эпоха (авестийский, древнеперсидский, мидийский и др. языки -с нач. II тыс. до н.э.-IV-III вв. до н.э.);

2. Среднеиранская языковая эпоха (среднеперсидский, согдийский, хорезмийский, бактрийский, парфянский и др. языки- с IV-III вв. н. э. –VII-IX вв. н.э.);

3. Новоиранская языковая эпоха (таджикский, персидский (фарси), пушту, дари, осетинский, курдский, белуджский и др. языки- IX-X вв.- по настоящее время)¹.

Две из трех эпох развития иранских языков (включая родного таджикского языка) приходила в лоно зороастризма с его пренебрежительным отношением к письму («проклятие письменности») и с акцентом на устную передачу информации различного характера. Становление Саманидской державы совпало с завершением двух эпох (древнеиранской и среднеиранской) и началу третьей эпохи (новоиранской) с формированием непосредственного таджикского языка.

Здесь мы рассмотрим эволюцию местных языков иранской группы до Саманидской эпохи:

1. *Авестийский язык*- один из древнейших условных, представленных письменными памятниками, иранских языков. Язык письменного памятника «Авеста» (от ср. перс. «avastak»- «уложение»), представляющего собой свод религиозных текстов зороастризма. Уже в конце IV - начале VI веков авестийский язык был мёртвым и использовался только как язык богослужения (до сих пор у парсов Индии и габров Ирана). Условность данного языка обусловлена тем, что его неоднородные части складывались в разное время и в разных областях обитания предков таджикского народа. По утверждению специалистов, древнейшие части Авесты начали складываться еще в II тысячелетия до нашей эры и в долгое время существовали в устной передаче от поколения к следующему поколению². На наш взгляд, устная передача информации исходит из-за Ахримановой сущности письма в зороастрийской традиции, подтверждения которого мы находим в следующем отрывке «Шах-наме»:

¹ Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, -388 с.

²Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 24-25.

Порой седлал он беса Ахримана:
На нем вокруг света мчался невозбранно.
Пошла на шаха бесы без числа,
Увидев повелителя дела.
Чтоб он венца лишился, благодати,-
Свирепых бесов выступили рати.
Узнал о тех злодеяниях Тахмурас
И в ярости напал на них тотчас.
Он, благодатью осиян живою,
Помчался с палицею боевою,
Повел войну с бесовскую толпой,
Но был недолог этот грозный бой:
Две трети подчинил волшебным чарам,
Повергнул прочих палицы ударом.
Брели в оковах бесы, кровь текла,
Взмолились о пощаде силы зла.
И подарил им жизнь властитель славный,
Чтоб тайны бесов людям стали явны.
Освободясь, они смирились вдруг,
Пришлось им превратиться в царских слуг.
Они письму владыку обучали,
Его сознание знаньем озарили.
Учили тридцати- не одному:
Румийскому, фарсидскому письму¹.

Как вытекает из данного отрывка «Шах-наме» ахриманская (бесовская) сущность письма, согласно зороастрийской традиции, главной религии предков таджиков (и других иранских народов), среди прочего, выдвинула вперед не письменной, а устной фиксации информации, что нанесла невосполнимой утраты основам древнейшей истории и изначально богатой культуры таджикского народа.

¹ Фирдоуси А. Шах-наме. Перевод с фарси.-Техрон,1379, с. 33

В этом отрывке «Шах-наме» отголоски о той древней истории, когда в Ахеменидской империи алфавит пришел из Месопотамии (совр. Ирак), а писцы клинописи были вавилонянами, поэтому создание письма приписывается дэвам. А в последующих иранских государственных образованиях (Аршакиды Великой Парфии и могущественные Сасаниды) этнический состав писцев изменился, так как появились писцы из местного населения¹, однако зороастрийская устная форма передачи информации препятствовали развития всей письменной системы доисламской эпохи.

2. *Парфянский язык* распространился в конце I тысячелетия до н.э. и в начале I тысячелетия н.э. в южной части Варо-руда, западной части Хорасана и некоторых областях северо-восточного Ирана. По мнению исследователей, парфянский язык получил известность по манихейским документам Турфанского оазиса (восточная часть Таримского бассейна), а также парфяноязычным версиям среднеперсидских наскальных надписей и различным хозяйственным документам. По их мнению, значительную роль в изучении парфянского языка сыграло также исследование парфянские заимствования в армянском языке².

3. *Хорезмийский язык*-мертвый язык северо-восточной подгруппы (алано-осетинской) иранской группы в оазисах нижнего течения Амударьи³. Этот язык документов, обнаруженных советскими археологами во время раскопок древнего Хорезма, относящихся, по мнению исследователей, предположительно к I в. н. э. А основные сведения об этом языке в виде древнехорезмийских слов и цитат встречаются в арабо-

¹ Хуршудян Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана.-Алматы, изд-во «Институт Азиатских исследований», 2015, с.219

² Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 25.

³Фрейман А. А., Хорезмийский язык, [ч.] 1, М. — Л., Изд-во Академии наук СССР,1951, -118 с;

исламских произведениях более позднего времени (XIII-XIV вв.)¹.

4. *Сако-хотанский язык и сако-тохарские диалекты*. Хотано-сакский язык - один из сакских языков, официальный язык и язык буддийской литературы в Хотанском оазисе (юг Таримского бассейна, СУАР). Основная часть этих рукописей, написаны шрифтом брахми (одно из разновидностей индийского письма) в VII-X вв. н. э. хранятся в Санкт-Петербурге, Лондоне, Париже и др. местах. Значительная часть памятников хотано-сакского языка представляет собой буддийские сочинения². По мнению специалистов, этот (сако-хотанский) язык был тесно связан с языками тохарских (индоевропейских) племен, обосновавших в середине II в. до н.э. по верхнему и среднему течению Амударьи и сакских племен, занявших озера Хамун (Систан), а частично вошедших и в бассейн реки Инд. Туда и относят язык эфталитских племен, захвативших в V-VI веках Вароруд, Хорасан, Кабул и области северо-востока Ирана³.

Необходимо отметить, что остаются не дешифрованным некоторые письменные памятники в ареале обитания сакских племен. Общеизвестно, что в 1970 году известным казахстанским археологом К. Акишевым в кургане Иссык (вблизи Алма-Аты) был найден «Золотой сакский воин»⁴. Наряду с этим символическим для современного Казахстана памятником истории была найдена сакская серебряная чаша с горизон-

¹Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 26.

²Герценберг Л. Г. Фрагменты хотаносакской Сангхата-сутры.// Осетинская филология. - Орджоникидзе, 1981. - Вып. 2. - С. 22-26. <http://kvkz.ru/history/3480-fragmenty-hotanosakskoy-sanghata-sutry.html> дата обращения 24.07.2020

³Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 26-27.

⁴ Акишев К.А. Курган Иссык, Искусство саков Казахстана. – М.: «Искусство», 1978, - 142 с. ил.

тальными надписями, ставшими известной как «иссыкская надпись» (с 28 знаками), которых, сравнивая с надписями из Дешти-Навур (Газни, Афганистан), известный российский иранист В.А. Лившиц отвергает ее связь с древнетюркским языком и идентифицирует ее как «сакская надпись»¹. Такую точку зрения придерживался и казахстанский ученый, обнаруживший этих артефактов².

5. *Бактрийский язык.* Этот ныне мёртвый (среднеиранский) язык, был распространён на территории Бактрии во времена Греко-Бактрии и последующего государство Кушаншахов как государственный язык. Общеизвестно, что вследствие похода Александра Македонского на Восток (включая Бактрию), там была основана греко-македонская сатрапия, а в последующем греко-бактрийские и греко-индийские государства, где государственным языком и письменностью стали греческий язык и греческий алфавит. Этот язык до середины XX века был известен, в основном, по нумизматическим материалам. В 1957 году в Сурх-Котале (Баглан, Афганистан), была обнаружена бактрийская надпись заметных размеров, а позднее (1993 г.) поблизости от Сурх-Котала, была обнаружена ещё одна достаточно большая и хорошо сохранившаяся надпись. Эта наскальная (Рабатакская) надпись бактрийского языка в греческом алфавите относилась к самому известному Кушаншаху- Канишке. Эти и другие многочисленные и хорошо сохранившиеся письма и юридические документы на бактрийском языке, собранные в Лондоне, были расшифрованы и изданы известным британским лингвистом-специалистом Николасом Симс-Вильямсом³.

¹ Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. - 1978. - № 4. с. 84-98.

² Акишев К. А. Общество и письмо у саков Казахстана.// Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов. -Алма-Ата. 1976,с. 11-13.

³Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // Вестник древней истории. – М.: 1997. – № 3. – С. 3 – 10.

6. *Согдийский язык*. Общеизвестно, что согдийцы играли важную роль не только в социально-экономической жизни не только Вароруда и сопредельных регионах (Фергана, Хафтруд и др.), но и по всех восточных маршрутах Великого шелкового пути до Монголии и Ганьсуйского коридора Китая. Их активная торгово-экономическая деятельность способствовала превращению согдийского языка в язык международного общения (*lingua franca*) не только в Вароруде, но и Хафтруде и Таримского бассейна, а также принося в другие сопредельные регионы (в Хорасан, Индию, Монголию и т.д.). Фактором широкого распространения согдийского языка послужил и тот факт, что тюркоязычные уйгуры, обитавшие в оазисах Таримского бассейна, заимствовали у них этот язык. А от уйгуров этот язык был заимствован их восточными соседями-монголами, которые несколько изменили направления письма (от горизонтали с право налево на вертикали сверху вниз). Позднее маньчжуры заимствовали согдийский язык от уйгуров, сохранив написания письма по-монгольски. В конечном итоге, согдийские письменные системы (с арамейскими корнями), берущие свое начало от среднеиранских систем, распространились с берегов Амударьи до берегов Тихого океана (династия Цинь маньчжуров является последней империей Китая)¹. Поэтому более подробно рассмотрим распространение ареала и состава согдийского языка до арабского вторжения (с последующим сложением единого таджикского языка). Этот ныне мертвый язык древнего населения Согдианы имеет несколько источников, разбросанных по всему миру. Обильную согдийскую литературу можно разделить для удобства ознакомления с ней на следующие части:

6.1. *Согдийские рукописи, светского содержания* можно условно разделить на следующие части:

¹Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 159.

6.1.1. Важнейшими материалами согдийского языка (светского характера) являются *документы с горы Муг*. От-
радно отметить, что ценнейшие источники (юридические до-
кументы (включая брачного контракта), дипломатическая пе-
реписка, ведение хозяйства горных княжеств и другие) со-
хранились до нашего времени на территории родного Таджи-
кистана. Эти документы были обнаружены местным населе-
нием в 30-х годах прошлого столетия на территории Айнин-
ского р-на Таджикистана (гора Муг) и тщательно исследова-
ны советскими археологами, а позднее расшифрованы из-
вестными советскими (российскими) специалистами¹. Эти
документы, написанные на бумаге, на коже и в ивовых пал-
ках, разрезанных пополам, являются носителями важнейших
событий в одной из ключевых областях (Согдиане), населен-
ными предками таджикского народа, во время утверждения
новой религии-ислама (начало VIII в.).

6.1.2. *«Старые согдийские письма»*, демонстрирующие
политику «длинной руки» согдийских правителей. Экспеди-
цией известного британского исследователя Ауреля Стейна
(1906-1908 гг.), одной из многочисленных экспедиций евро-
пейских стран в Таримский бассейн в начале XX века, была
найдена вблизи города Дуньхуана (Китай) следующая группа
рукописей, написанных одной из разновидностей арамейско-
го языка. Последующий анализ этих рукописей со стороны
французского ираниста Р. Готьё (1911 г.) показал, что эти до-
кументы также написаны согдийским языком и представляют
собой частную переписку. Специалисты их датировали IV
веком и дали название «старые согдийские письма»².

¹ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и
письма. Чтение. Перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: Изд-во Во-
сточной литературы, 1962, -222 с.

² Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточ-
ная литература, 1988, с. 198.

Дальнейшее изучение содержания этих согдийских писем показало, что они отличаются от религиозных документов на согдийском языке множеством слов повседневного быта. Они указывали на тот факт, что какие тесные связи имелись в этот период между согдийскими колониями, заброшенные вдоль восточного маршрута шелкового пути и самой Согдианой (включая ее столицей Самаркандом). Часть из этих писем, адресованы их авторами в Согдиану, где проживали их семьи, а другая часть писем из самого Согдианы предназначались в одну из многочисленных колоний согдийцев в обширном Таримском бассейне, где проживали члены их семей¹.

6.1.3. *Согдийские надписи из Карабалсагуна*. В конце XIX века российским исследователем Н. М. Ядринцевым был обнаружен в северной Монголии (в развалинах древней столицы уйгуров-Карабалсагун) остатки древней трёхязычной (тюркской, китайской и согдийской) надписи. Третья (согдийская) надпись был первоначально ошибочно принята за уйгурские надписи, а позднее (после открытия согдийских документов в Таримском бассейне) немецкому исследователю Ф.В.К. Мюллеру удалось расшифровать ее. Он установил, что надпись выбита шрифтом согдийского языка и очень похожа на согдийские буддийские рукописи. По сообщению специалистов, эта надпись была посвящена уйгурскому кагану, правящего в промежутке с 808 по 821 годов на этой территории². Эта надпись также демонстрирует того факта, что согдийцы, не только выступали как одной из ключевых игроков восточного маршрута шелкового пути, но также вдали от этого трансконтинентального пути в составе степных империй выполняли важную политико-экономическую роль.

6.2. Согдийские манихейские рукописи.

¹ Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 198.

²Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 198.

Религиозное течение манихейство возникло в Сасанидской империи и после начала гонения против его приверженцев в ней, оно распространилось также в Центральной Азии и Китае (вдоль шелкового пути). В 762 году, когда уйгурский каган после помощи в подавлении восстания в Китае вернулся домой, он забрал с собой оттуда манихейских священников, состоящих из согдийцев. Манихейство стало государственной религией уйгуров и сохранилось таковой в течение пяти веков (с VIII по XII век). Поэтому возникло и распространилось в Монголии, Таримском бассейне и Китае большое число манихейских рукописей, написанных в согдийском (уйгурском) языке. Среди многочисленных рукописей, обнаруженных в начале XX века в «Пещере тысячи Будд» Могао (близ Дуньхуана Китая), находились также согдийские манихейские рукописи. Как определили исследования специалистов-иранистов некоторых календарных терминов в этих рукописях с календарно-астрономическими терминами хорезмийского и согдийского в трудах великого ученого Бируни, они оказались также согдийскими. Поэтому на основе этого сопоставления (в 1904 г.) языком всех этих манихейских рукописей закрепилось название согдийских¹.

Согласно сообщению «Кембриджской истории Ирана» (с опорой на «Фехрист» ирано-арабского писателя Ибн аль-Мукаффы) в Иране в последние годы Сасанидской державы существовали пять языков: *пахлави*, язык страны Пахла (древней Мидии, которой арабы называли Джибаль); *дари*, язык столицы государства (Ктесифон), *фарси*, язык мобадов (зороастрийских жрецов) и ученых, *суряни*, на котором говорили в области Савад и хузи в Хузистане. Из них два не являются иранскими: *суряни*- арамейский, язык населения Месопотамии (Ирака) и *хузи*, вероятно, является реликтом древнего Элама. Официальным языком государства и зороастрий-

¹Оранский М.И. Введение в иранскую филологию.-М.: «Наука», Восточная литература, 1988, с. 197-198.

ской религии был, очевидно, *фарси* (средне-персидский позже известный как пахлави), а *дари* был разговорным языком не только в столице, но, вероятно, и на большей части империи¹. По сообщению французского исследователя Лазаря в Хоразмском оазисе процветал хорезмийский язык (язык Бируни), а согдийский язык под мусульманским завоеванием утратил свою функцию официального и культурного языка, но он сохранился как разговорный язык в Самаркандской области. У Усрушаны (совр. Истаравшан РТ- М.А.) тоже был свой диалект. В нынешнем Афганистане у Гарчистана была свой диалект, как в области Гур, жители которой в 1020 гг. могли общаться с (правителем) Масудом из Газни только посредством переводчика. Существовало много других диалектов в иранских странах². Этот специалист, подчеркивая наличие множества диалектов в Вароруде и Хорасане, что роль общего (единого) языка стал играть *дари*, который утрачивая свои позиции в Ираке (в Ктесифоне), одновременно приобрел на востоке огромную территорию. По его мнению, вероятно всего, уже в сасанидский период *дари* вытеснил из собственно Хорасана *парфянский язык*, который был там общим языком в III веке н.э. Естественно, именно в то время, когда Трансоксиана и нынешний Афганистан были включены в состав халифат, мусульманские завоеватели распространили его во всех северо-восточных регионах³.

Таким образом, распространение единой религии (ислама) в множествах оазисов Вароруда и Хорасана со стороны первых мусульман, говорящих в *дари*, способствовали к параллельному распространению этого общего языка в них, вы-

¹ Lasard G. The Rise of New Persian language.// The Cambridge History of Iran. V.4. -Cambridge University press, 2008, S. 598.

² Там же, с. 599-600.

³ Lasard G. The Rise of New Persian language.// The Cambridge History of Iran. V.4. -Cambridge University press, 2008, S. 600.

теснивший в конечном счете остальных диалектов и наречий (помимо высокогорных долин).

Время распространения ислама и языка *дари* в регионе совпадает также с появлением бумаги, как самого удобного материала, наряду с другими материалами для фиксации письменных информационных данных.

Анализ материалов, на которых написаны согдийские юридические документы и письма (42 наименований) показали, что большинство документов и писем были написаны на коже (22 наименований, чуть более 50%), на дереве (ивовой палке, разрезанной пополам)-8 наименований (менее 20%) и на бумаге 12 наименований документов (более 30%)¹. А эти бумаги были все китайского происхождения, поэтому мы также склоняемся к мысли, что местная (самаркандская) бумага появилась несколько десятилетиями позже (после Таласской битвы 751 г.), когда китайские пленные, знакомые с изготовлением бумаги, ознакомили местных ремесленников этим секретом.

Теперь с централизацией власти и унификационной политикой первых эмиров Саманидов многие локальные иранские языки стали окончательно уступать свое место общепринятому таджикскому языку (*дари*). Этому объективному процессу способствовали также придание забвению «проклятия письма» зороастрийской традиции и его замены с мусульманской практикой возвеличения «людей пера», усиленной также изобретением бумаги для большой письменной фиксации не только современной информации, но и колоссальной устной традиции высококультурных предков.

Унификация единого таджикского языка требовала также регулярное делопроизводство и бумажными переписками централизованной многочисленной бюрократии Саманидской

¹ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, -224 с.

державы, доведенной до оптимального состояния и разделенной в десяти государственных диванов и их разветвленных сетей в пределах обширного государства, также стимулирования укреплению позиции единого общедоступного языка.

Регулярное чтение хутбы на таджикском языке до и после прочтения молитвы на арабском языке, повторяющийся еженедельно в протяженности более столетий (правления саманидских эмиров и их преемников) не могло не создать «воображаемого сообщества» таджикского народа, специфика которого прекрасно описан в знаменитой книге Бенедикта Андерсона¹. На наш взгляд, еженедельное однотипное прочтение хутбы на таджикском языке и ее посвящение на здоровья и благополучия правящего эмира из дома Саманидов, несомненно, создало то коллективное самосознание, что таджики из Систана до Согдианы и из Гурганджа до Гура стали осознавать себя к принадлежности единого таджикского народа.

А создание бессмертных произведений в области литературы, истории, географии, теологии и других научных сферах на таджикском языке не только придало этому языку привилегированное место в Саманидской державе, но и вознесло его не только до небывалых высот, но и далекие от Вароруда и Хорасана регионы Евразии.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма/ Пер. с англ. –М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001, -288с.

2.2. Укрепление светской власти эмира (султана) в исламском мире.

Вопрос о верховной власти в исламской умме (обществе) встал на повестку дня после смерти Пророка Мухаммада (с), выполнявший роль верховного правителя в ней, когда две их части – спутники в его переезда от Мекки в Медину (мухаджиры- переселенцы) и мединцы, первыми принявшие ислам (ансары- помощники), поставили вопрос о принадлежности власти. Ансары, пришедшие в ислам вслед за мухаджирами, требовали равноправия и твердили «Из нас амир и из вас амир», на что первые ответили «Из нас эмир и из вас визир» (помощник эмира). Когда еще не сформировались полностью черты нового мусульманского государства, поэтому должность военных начальников (*эмиров*), предводителей джихада для распространения новой религии был популярным среди них. Вскоре этот спор был решен в пользу близких сподвижников Пророка Абу Бакра, который встал во главе разрастающейся мусульманской уммы, приобретающей черты государственного образования с титулом «халиф» (заместитель посланника божьего). Он не стал брать к себе в помощники из ансаров. Первый халиф Абу Бакр (632-634 гг.) взял себе обязанности судьи, а другой мухаджир (Абу Убейда) взялся за финансы, которые в последующем стали обособленным от государственной администрации¹. Таким образом, все ветви власти были концентрированы в руках первых халифов нового исламского государства.

Второй халиф Умар (634-644 гг.) впервые взял себе титул «эмир правоверных», который стал в последующее употребляться по отношению всем халифам как дополнительный титул. А главная обязанность халифа оставалась *имамат*, т.е.

¹ Бартольд В.В. Ислам после пророка. Отделение церкви от государства. Сунна пророка.// Сочинение. Т. VI. – М.: «Наука», 1966, с. 104.

религиозное руководство общиной¹. К правлению этого второго халифа арабийский полуостров был полностью завоеван и завоевания продолжились на территориях уже культурных регионах Азии и Африки, что поставили вопрос о модернизации государственного управления. А у Мекки и Медины и всех арабских племен отсутствовали устоявшие традиции государственного управления, поэтому стремительно разрастающаяся мусульманская умма требовала соответствующего государственного оформления. Как сообщает специалист, «арабская племенная организация была первым элементом нерелигиозного происхождения, вошедшая в созданную Мухаммедом и его преемниками государственную систему. В покоренных странах инородцы, принимавших ислам, присоединились, в качестве клиентов, к одному из арабских племен»². Были привлечены в Медину управленцы из числа византийских и иранских областей. Вскоре по мере расширения просторов молодого государства хиджасские арабы столкнулись с своими сородичами, которые имели монархические традиции (в княжествах Гасанидов, Лахмидов и др.), которые до ислама имели своих правителей и были знакомы с идеей светского правления, «султана». Этот термин сирийского происхождения, первоначально означающего не единолично-го правителя, как теперь, а коллективное понятие правительственной власти, был перенесен и на правительства халифата. Арабские князья иногда принимали ислам вместе со своим народом, которым продолжали управлять, признавая над собой верховную власть халифов³.

¹ Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве.// Сочинение. Т.VI. – М.: «Наука», 1966, с. 305.

² Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве.// Сочинение. Т.VI. – М.: «Наука», 1966, с. 304.

³ Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве.// Сочинение. Т.VI. – М.: «Наука», 1966, с. 305.

Убийство второго халифа Умара от рук иранца и убийство влиятельного иранского вельможи сыном халифа, вероятнее всего, препятствовала усилению позиции иранцев-мусульман, последователей Сальмана, которому благосклонно относился сам Пророк новой религии¹.

Третий халиф Усман (644-656 гг.), представитель рода Омейядов, продолжил политику своего предшественника по обустройству молодого государства. Однако к его времени, в отличие от его предшественников, возросло практика кумовство и многие его родственники возвысились. Муавия, сын противника самого Пророка Абу Суфьяна, позднее прошенным и взятым в секретари самым Пророком, уже исполнял роль наместника богатой Сирии. Во время правления халифа Усмана была составлена официальная редакция священного Корана, дошедших до наших дней неизменным. При нем было внедрено новшество, когда круг ведения судей, обязанность взятым самым первым халифом и позднее переданным казиям, был ограничен. Право налагать наказания было отнято у казиев и передано *султану*, т.е. власти халифа и его наместников.

Халиф Усман пал от рук не отдельного убийцы, а со стороны недовольных мятежников, возглавляемым сыном первого халифа. Убийства третьего халифа привело к жесткому соперничеству между четвертым (из числа праведных халифов) Али и наместником Сирии Муавией, близким родственником предыдущего халифа².

Правление четвертого халифа Али (656-661 гг.) проходил в условиях не только бунта сирийского наместника, но и сподвижников Пророка во главе с его женой Аишей. Недоволь-

¹ Бартольд В.В. Ислам после пророка. Отделение церкви от государства. Сунна пророка.// Сочинение. Т.VI. – М.: «Наука», 1966, с. 109.

² Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа. -Душанбе, «Дониш», 2000, с.119-120.

ства в Мекке и Медине были усмирены, однако противостояние с Муавией вскоре переросла в открытую войну.

Когда халиф Али согласился на перемирие во время сражения при Сиффине и на третейский суд, часть его войска, недовольные этим решением своего предводителя («вынос на человеческий суд слово божьего»), покинула его. Нерешительность халифа Али расколола исламский мир на три части:

1. хариджиты («покинувшие» халифа), защищали взгляды рядовых мусульман, недовольных усилением социальной дифференциации и несправедливости в исламском обществе. Они после многовекового противостояния с другими религиозными течениями закрепились в султанате Оман;

2. шииты (шиа Али-«партия Али») сторонники халифа Али, после его убийства хариджитом, а также, после смерти его сына Хусейна в мучениях со стороны воинов Муавия, разработав концепции шахидизма, постепенно превратились в одну из двух основных течений в исламе. Позднее они закрепились, в основном, в Иране и Ираке;

3. сунниты, остальная часть мусульман, верных сунне Пророка, консолидировались сначала вокруг Омейядских, позднее Аббасидских халифов, абсолютное большинство которых были также суннитами¹.

Как стало известно, четыре праведных халифов -Абу Бакр, Умар, Усман и Али- провозглашаются верховными правителями нового исламского государства по воле мусульманской общины и своих предшественников. Это своего рода отпечаток традиции родоплеменного общества до мусульманской Аравии. Несмотря на того исторического факта, что правления первого халифа был скоротечным, а три последующие халифы умерли не по своей воле и не со стороны иноверцев, а со стороны мусульман, время их правления в после-

¹ Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа. -Душанбе, «Дониш», 2000, с.120-123.

дующей эпохе было сакрализовано и охвачено ореолом святости.

В первоначальном виде халифат- это синтез духовной (религия) и светской (политика) жизни. С одной стороны, правление праведных халифов- сподвижников и близких родственников пророка- эта воспринимается как «божественная воля», выбравшая представителя рода курейшитов для исполнения ему священного Корана. С другой стороны, воля самой мусульманской общины - эта передача власти близким соратникам создателя их новой общины (уммы). Необходимо заметить, что уже второй халиф Умар присоединил к своему сану еще титул «амир ал-муминин», первый признак последующего обособления светской власти от высшего религиозного авторитета.

Теперь основатель наследственного халифата Омейядов, Муавия (661-680 гг.), не обладающий непрекаемого авторитета (как четыре праведных халифов) среди мусульман, через дипломатии подкупа и грубой военной силы, способствует возвышению своего дома (Абу Суфьяна), некогда самого упорного противника Пророка в годы утверждения ислама. Сын и преемник халифа Али Хасан, посредством подкупа, уступил верховную власть молодого исламского государства ему. Отсутствие духовного авторитета этой династии, узурпаторов в глазах большинства мусульман, проявилось в действиях его преемников. Его сын и преемник Язид (680-683 гг.) открыто пил вино¹, что было кощунственным поступком в глазах правоверных мусульман.

В религиозно-политическом учении о халифате теперь все больше усилился политический аспект над религиозным, так как политическая воля правителя, а не воля Аллаха и его пророка стала доминировать в государственном управлении. Приведем символические примеры: Муавия объявил себя ха-

¹ Бартольд В.В. Ислам после пророка. Отделение церкви от государства. Сунна пророка.// Сочинение. Т. VI. – М.: «Наука», 1966, с. 108.

лифом не в святых городах мусульман- Мекке и Медине, а в Иерусалиме¹, а его преемник безжалостно расправлялся с малочисленной группой поднявшего бунта другого сына халифа Али Хусейном (внуком Пророка!)². Из числа всей плеяды омейядских халифов, правящих почти сто лет в Дамаске, только единственный халиф Умар Абдулализ (717-720 гг.) прославляется традицией за свое благочестие, несмотря на этого факта, он был похоронен в христианском монастыре³.

Таким образом, разделенный на три большого религиозно-политического лагеря, ислам, присоединяя к свое лоно Хорасан, приближался к берегам Амударьи, мобильная кавалерия с его знаменами временами переходила на его восточный берег. В это время отсутствие высокого религиозного авторитета омейядских халифов, курейшитская элита, после репрессии дамаскской власти, против преемников халифа Али, стала консолидироваться вокруг преемников дяди пророка Аббаса. Проаббасидская пропаганда стала распространяться вдали от столицы Омейядов-Дамаска на восток в Хорасане, победа, которой привела не только к смене непопулярной центральной власти, но и кардинальной трансформации всего комплекса религиозно-политического учения ислама.

Светская традиция доисламских арабов в концепции «султанат» и уже исламская концепция «эмират» как не религиозного, а военного предводительства мусульман в последующее были совершенствованы и внедрены на практику.

Последующее чрезмерное расширение исламского супер государства - Аббасидского халифата, а также отпочкование

¹ Бартольд В.В. Ислам после пророка. Отделение церкви от государства. Сунна пророка.// Сочинение. Т. VI. – М.: «Наука», 1966, с. 108.

² Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа.-Душанбе, «Дониш», 2000, с.123.

³ Бартольд В.В. Ислам после пророка. Отделение церкви от государства. Сунна пророка.// Сочинение. Т. VI. – М.: «Наука», 1966, с. 109.

из его лоно первых светских государственных образований, признающих или отвергающих его духовный авторитет, актуализировал вопрос разработки и внедрения новой концепции высшей власти, который не бросал бы вызов концепции «халифата», сакрализованной в исламском мире правлением четырех «праведных халифов». В лоно исламского мира была создана дуалистическая форма высшей власти-эмират (или султанат) и имапат, отличие которых друг от друга состояла в том, кто находится во главе новообразованного исламского государства- султан/эмир или богослов-имам.

Именно военная победа Абу Муслима, приведшей к смене сугубо арабской династии Омейядов наднациональной мусульманской династией Аббасидов, Тахира, приведшего к смене халифа Амина, опирающего на арабов, халифом Мамун-ом, поддержанного хорасанцами, возвышения династии Саффаридов, вопреки воле багдадских халифов, с опорой только на сугубо военную силу, а самое главное, военная победа Исмаила Саманида над халифским наместником Амром Саффаридов, выступили мощным фактором дальнейшей эволюции политико-правового учения ислама о верховной власти. Теперь багдадский халиф не олицетворял собой двуединый авторитет, одновременно выступая как «имам» и как «эмир», а сохранил собой только первое начертание (имам) как духовный лидер всех мусульман. После первых аббасидских халифов (Харуна ар-Рашида и его сыновей- преемников) халифы уже не руководили военными компаниями мусульманских войск в качестве «амир ал-муминин» (военных руководителей), а стали уступать эту ответственную должность хорасанским и варорудским полководцам –эмирам. Вспомним известный случай: подавление вооруженного движения хуррамитов в Азербайджане, находящееся поблизости от столицы халифата, после ряда неудачных попыток, было поручено правителю (афшину) далекой Усрушаны (совр. Иста-

равшан Таджикистана) Хайдару, который своим войском, усиленным хорасанскими соединениями, разгромил их в труднодоступных горных хребтах. Тем самым светский правитель одной из историко-культурных областей таджиков наряду с прославленными основателями таджикских централизованных государств (Тахиридов-Саффаридов-Саманидов) внес свою лепту в дальнейшей трансформации данного учения. В новых условиях светская власть (эмират или султанат) стала переходить поочередно от одного крупного таджикского города в другую (Мерв-Нишапур-Заранг-Бухара). В отличие от Ирана, которая начала тяготеть к шиитской концепции «имамата» признание духовной (религиозной) власти над светской, Хорасан и Вароруд пошли своим путем - создание светских государств при минимальной (символической) духовной власти аббасидских халифов. В условиях чрезмерного расширения Аббасидского халифата, от Пиренеев Европы до границ Китая халифы вместо успешного управления империей посредством хорасанского чиновничества, попали в руки тюркской гвардии в своей резиденции Самарры. В этих сложившихся условиях таджикские удачливые военачальники, продолжая наследия Абу Муслима, первыми в халифате стали взять реальное управление свои руки, создавая фактические самостоятельные государственные образования (эмираты/ султанаты).

В феодальной Европе (абсолютной Франции) существовала традиция, когда умирал король все присутствующие у его одра кричали «Умер король, Да здравствует король». Она отражала суровую реальность, когда высшая власть государства не терпела вакуума, поэтому на престол готовили заранее указанного предыдущим венценосцем престолонаследника. Преемника в кратчайшие сроки готовили к коронации, и ее пышная церемония проходила одной из главных соборов страны. Скоротечность этой церемонии была обусловлена

тем, чтобы другой честолюбивый претендент не смог собрать своих вооруженных единомышленников и бросить вызов естественному стечению обстоятельств.

А как показывает первое столетие владычества Аббасидского халифата, халиф еще при жизни принимал присягу от поданных по отношению к своим сыновьям, по идее правящие по очереди.

В процессе создания и удержания светских (суннитских) по характеру государственных образований (эмират/ султанат) в первое место выдвигается *сабля*, точнее вооруженная сила, которая по воле или, в большинстве случаев, против воли багдадского халифа, утверждала новую власть.

Вероятно всего, авторитет халифа был поколеблен хариджитами, которые, провозгласили, что способности, а не происхождение, должны быть основой земной власти в исламе. Они отрицали власть халифов и отстаивали право вооруженного восстания против любого мусульманина, которого они сочтут отступившим от истинных заповедей Мухаммеда.

Новый создатель преимущественно светского государства действовал не по воле, наставлению или совету халифа, а сугубо по своей харизме, удаче и стечения различных обстоятельств. Крепко держа саблю в своей руке и установив железную дисциплину, порой без рьяной религиозности, захватывая новые и новые города, он перекраивал границу своего ново созданного государства по тяжести удара своего меча. Яркий пример: ответ Амра, основателя государства Саффаридов на представителя халифа в Нишапуре, требовавшего от него инвеституры от халифа на его притязания на власть, указав на свою саблю, что она единственное разрешение, который ему необходим¹.

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. — Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 216-217.

Самым ярким примером главенства военной силы с созданием и удержанием светской власти в лоно халифата является вооруженное противостояние лидеров двух ярких таджикской династии- Саманидов и Саффаринов. Эмир Исмаил, низложенный халифом от власти в пользу эмира Амра Саффарида, контролирующего центра халифата с резиденцией халифа в Багдаде, опорой на своей армии и собственного великодушия, вернул себе сан эмира всего Вароруда.

Каждый раз, когда новый эмир захватывал конкретный город первым делом он шел в главную соборную мечеть и требовал от настоятеля, чтобы он в будущем *хутбу*¹ (молитву) посвящал ему- новому эмиру/ султану. Прочтение хутбы в пользу нового правителя означал переход власти с одного (предыдущего) правителя в другие руки (или новую династию). Хутба в честь здравствующего правителя являлась во многие столетия основным каналом легитимации высшей власти в исламском мире.

Постепенно *хутба* с главной соборной мечети распространялась во все мечети населенных пунктов окрестности города или городов всего государства. Теперь в каждую пятницу, более пятьдесят недели в году, большинство мужское население города и села, собранное в малых и больших мечетях страны, посвящало вслед с настоятелем (имамом) свою молитву (хутбу) во здравие и благополучие царствующей персоны (эмира или султана). Другими словами еженедельно мусульманское общество во главе с духовенством должно было подтверждать свою лояльность существующей власти в стране. Не было исключение из традиций, которое, если и происходило, то на практике это означало отложение (или свержение) властвующей династии.

¹Хутба. Ислам. Энциклопедический словарь.
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/881/%D0%A5%D1%83%D1%82%D0%B1%D0%B0> дата обращения 30.12.2020

2.3. Закрепление статуса великого визира и «дивана визиров» как оптимальный тип государственного управления.

Слова известного советника Чингисхана Елуй Чуцай «сидя на коне можно захватить страной, а сидя на коня нельзя управлять страной»¹ является явной демонстрацией всей сложности создания жизнеспособного государственного образования кочевыми племенами в странах с оседлым населением, а также превосходство государство образующей практики оседлых народов над кочевыми племенами.

Общеизвестно, что в доисламской Аравии просуществовали только две небольшие государственные образования-Гассаниды, тяготеющие к Византии, и Лахмиды, вассалы Сасанидской державы. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что разросшийся в короткое время исламский халифат остро нуждался в новой концепции государственного управления, которой не была в данном (аравийском) полуострове, поэтому древнейшая восточноиранская традиция управления государством при помощи аппарата «великого визира» (воспетого в «Шах-наме») была очень востребована почти во всех регионах обширного халифата. А заслуга Саманидов состоит в том, то они не только возродили эту концепцию государственного управления, но и модернизировали ее до такой степени, что многие элементы дошли до Нового времени.

Вначале стремительно разрастающийся исламский халифат, функционирующий, в основном, за счет доли от военных поступлений, очень был похожих на грабительские набеги, столкнулся с острой необходимостью внедрения государственных институтов. Оно совпало с правлением второго халифа Умара ибн Хаттаба (634-644 гг.), так как подвижная

¹ Митин В.В. Елуй Чуцай и его роль в системе управления монгольской империи.//Псковский военно-исторический вестник. История и археология. Вып.2.- Псков, 2016, с. 102.

арабская кавалерия уже вышла в просторы Ирана на востоке и подошла к границам Византийской империи на западе и на севере. Поэтому та «патриархальная простота, когда «эмир правоверных» с кнутом на спину ходил днем по базару, ночью по пустым улицам Медины и собственноручно расправлялся с виновными»¹, уже не могла справиться объективными потребностями стремительно расширяющейся исламской уммы, одновременно приобретающая черты государственного образования.

Впоследствии этот халиф начал назначать в города казия – судья-чиновника, вершащий правосудие на основе шариата (комплекс предписаний, определяющих убеждения и духовно-нравственных ценностей мусульман). По мнению историков, опирающих на сообщения средневековых мусульманских авторов, мусульманские судьи (кази), назначаемыми халифом или, с его разрешения, визиром или наместников, должны быть подходить по следующим условиям: мужской пол и старший возраст, полное владение умственными способностями, быть свободным (раб исключается), приверженность исламу, целостность лица и слуха (порой слепота не являлась причиной исключения) и знание правовых норм, как в принципах (усул), так и в теории, как и в практической части².

Если второй халиф пытался создать первые атрибуты государственного аппарата в виде *дивана*, то последующие халифы продолжали его усилия по внедрению государственных атрибутов в создаваемый новый вид теократического государства (халифат). А омейядские халифы, пришедшие к власти после четырех «праведных халифов», по сущности были светскими правителями, когда представители духовенства были в оппозиции против них.

¹ Бартольд В.В. Халиф и султан. Сочинения. Т. VI.- М.: «Наука», 1966, с.24.

² Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875, с. 416.

Специалисты отмечают административные способности трех омейядских халифов-основоположника династии - Муавии I (661-680 гг.), Абдумалика (685-705 гг.) и его сына Хишама (724-743 гг.). Во время Муавии Юбширский халифат был разделен на десять провинции:

1. Сирия (Дамаск, Киннасин, Ордонн и Палестина).
2. Куфа (со всем Ираком, включая иранский город Рей).
3. Басра (с Ираном, Систаном, Хорасаном, Бахрейном, Оманом).
4. Армения.
5. Мекка.
6. Медина.
7. Приграничная провинция с Индией (Жерман, Синд, Газна, Кабул и др.)
8. Африка (Ифрикия).
9. Египет.
10. Южная Аравия (Йемен и др.)¹.

Однако денежная реформа была проведена позднее во время правления омейядского халифа Абдумалика, так как вплоть до его правления монеты предыдущих государств имели хождения на территории халифата: в Египте и Сирии, римско-византийские золотые, серебряные и медные монеты, а на бывших иранских владениях, преимущественно сасанидские драхмы, которые были заменены на собственные монеты². Однако государственное управление оставалось по-прежнему простым, где функционировали следующие диваны:

1. Диван ал-харадж, ведомство по сбору налогов, игравший роль прототипа министерства финансов;

2. Государственная канцелярия печати, где каждая депеша, отправленная правителем, была снабжена его печатью;

¹ Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 162-163.

² Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 168-170.

3. Диван ал-расаил, где составлялись все правительственные документы.

4. Диван ал-мостакиллят, государственная арендная касса, где все регистрируется различные налоги, которые государство снимает с использования государственных земель¹.

Необходимо отметить, что этому халифу Абдумалику относится строительство известной мечети Умара в Иерусалиме, одного из трех знаменитых мечетей исламского мира².

А приход к власти Аббасидов был воспринят, по мнению мусульманской традиции, как переход власти от «нечестивых царей» к праведным «халифам»³.

Аббасиды, пришедшие к власти на штыках хорасанского войска, также нуждались в их помощи и содействия в процессе создания качественно новой формы государственного строя имперского характера, так как пределы обширного халифата располагались на территории трех континентов. Необходимо отметить, что к времени правления первых Аббасидов административное деление халифата сильно не изменилось, а главным изменением было то, что Хорасан был выведен из подчинения наместничество Басры и превращен в самостоятельное наместничество⁴. Это означало повышение статуса и авторитета этой восточной области огромного халифата.

Историки сообщают, что третий халиф из рода Аббасидов отметил четыре самых важных инструментов правителя для успешного правления:

1. честный судья (кади или кази),

¹ Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. В.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 174.

²Бартольд В.В. Халиф и султан. Сочинения. Т.VI.- М.: «Наука», 1966, с.17.

³ Там же, с.24.

⁴ Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. В.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 184.

2. честный полицейский,
3. министр финансов со знанием бизнеса (сахиб ал- харадж) и
4. надежный почтмейстер (сахиб ал-барид)¹.

Другими словами количество и назначение *диванов* не претерпел сильное изменение после смены власти в халифате от Омейядов к Аббасидам.

Как было рассмотрено выше, в этом деле ключевой роли играли плеяда мудрых визирей Бармакидов, которые в течение более полстолетия создали такую форму государственного образования, опирающихся на государственных *диванов*. Как подчеркивает немецкий специалист: «налоговое и финансовое администрирование всей империи первый Аббасид доверял обращенному в ислам персу (точнее таджику- М.А.), Халид ибн Бармаку, и поставил его во главе центрального налогового управления (дивана ул- харадж). После этого государственной должности самым важным был должность визира. Это, кажется, имеет персидское происхождение и только появилось у арабов с Аббасидами»².

Эти совершенствованные государственные диваны во главе которого стояла новая (таджикская по происхождению) должность- великий визир, который в свою очередь, создал высококвалифицированной чиновничьей прослойки, состоящих от ярких представителей многих народов-таджиков, арабов, тюрков, сирийцев, евреев и других. Они обеспечивали не только бесперебойное функционирование имперского государственного аппарата, но и подняли исламский мир на новый культурный уровень.

¹ Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 184.

² Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 184-185.

При последним из властных Аббасидских халифов Мутаваккиле (847-861гг.) совершенствование государственной власти, начатого Бармакидами, продолжалось их преемниками, так как количество функционировавших высших государственных учреждений-диванов увеличилось:

1. *Диван ал-харадж*, ведомство налоговых поступлений;
2. *Диван ад-дийа*, ведомство «владений государя»;
3. *Диван ал-зимам*, высшее ревизионное управление;
4. *Диван ал гонд вал-шакирия*, военное министерство;
5. *Диван ал мавали вал- гилман*, канцелярия клиентов и рабов (правлящей семьи).
6. *Диван ал-барид*, почтовое ведомство,
7. *Диван зимам ал-нафака*, управление учета расходов¹.

В последующем упадке политического влияния Аббасидского халифата из-за возвышения Тахиридов, Саффаридов и Саманидов на востоке и ряда других государственных образований на западе, несомненно, дальнейшее совершенствование государственной власти от Багдада перешло в Хорасан и Вароруд.

Славные эмиры Саманидов, опираясь на местную традицию государственного управления (от Парфян, Кушаншахов и др.) и широкого кругозора своих выдающихся визирей, смогли успешно решить эту задачу.

Разветвленная централизованная государственная структура Саманидов, в отличие от Тахиридов и Саффаридов, дает нам относительно полную картину средневекового развитого государственного образования Центральной Азии.

Во главе государства Саманидов стоял самодержавный эмир, олицетворяющий собой «тень Бога на земле». Хотя на

¹ Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 199.

глазах багдадских халифов, отправляющих им инвестиции на правления, саманидские эмиры были их «наместниками», они, несомненно, были в своих владениях самостоятельными главами государства¹. По местным (таджикским) традициям эмиры выступали хорошими и заботливыми «хозяевами» (катхудо), постоянно думающих об обустройстве государства: строительство и поддержание в хорошем рабочем состоянии ирригационных сооружений (каналов и кяризов) и мостов через них; строительство новых населенных пунктов (городов, рабадов, укреплений и пр.) и их украшении красивыми зданиями; поддержание земледелия и т.д.².

Одной из главных задач саманидского эмира был отбор высокопоставленных должностных лиц в лице «вазири бузург» (великого визиря или премьер-министра), имеющих свои корни в «вузург фрамандар» в местных доисламских государственных образованиях. Он возглавлял всю систему разветвленных государственных ведомств, которые даже во времена несовершеннолетних эмирах, обеспечивали непрерывный ритм работы государственных структур.

Саманидская эпоха достигла свою славу не только благодаря заботливому правлению своих высококультурных эмиров, а также слаженной системы государственного управления под руководством мудрых великих визирей из знаменитых домов Джайхани, Балъами и Утби.

Они возглавляли одного из двух крупных государственных аппаратов- *диванов*, числа которых достигло максимума, до десяти, согласно нуждам обширной державы. Специалисты, опираясь на сообщения средневековых авторов, приво-

¹Бартольд В.В. Туркестан эпохи монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.- М.: «Восточная литература», 1963, с. 285.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.- М.: «Восточная литература», 1963, с. 286.

дит их наименования и сферы функционирования этих десяти *диванов*:

1. диван визира;
2. диван «мустауфи» (казначей), аналог диван *хараджей* Аббасидского халифата;
3. диван «амид ал-мульк» («опоры государства»);
4. диван «сахиб-шурат» (начальника гвардии);
5. диван «сахиб-барид» (начальника почты);
6. диван «мушрифов»;
7. диван собственных владений государя;
8. диван «мухтасиба» (контроля общественного порядка и работы рынков);
9. диван «вакфов» (собственность религиозных учреждений);
10. диван «казия» (исламского суда)¹.

Как вытекает из данного перечня, разветвленный бюрократический аппарат Саманидов, несмотря на неразделенность на отдельные ветви власти (на законодательную, исполнительную и судебную), в это время выступал, скорее всего, самым усовершенствованным государственным аппаратом в исламском мире.

Диван визиря, по видимому, осуществлял общий контроль над деятельности всего центрального бюрократического аппарата эмирата, т.е. всеми девяти диванов эмирата.

Диван «мустауфи» (казначей), аналог *дивана хараджей* Омейядского и Аббасидского халифата, занимался содержанием казной эмирата. Пополнение, содержание и расход финансовых ресурсов эмирата были основными функциями данного дивана, выступающий прототипом современного министерства финансов. Служащие данного дивана (казначей-«хазинадоры» и подчиненные им счетчики-«мухасибы») были заняты обеспечением финансовых расходов самого эмира,

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.- М.: «Восточная литература», 1963, с.287.

его двора и войска. Исламские авторы (Низом-ул-Мульк) видели в существовании двух казнохранилищ: когда в одном расходуется текущие финансовые запросы, а в другом неприкасаемый запас, расходуемых в форс-мажорных случаях (война, засуха и т.д.) идеал стабильного государства. Правильность данной мысли мы обнаруживаем, когда во время смены власти и смуты в 942 г. были разграблены хранилище Саманидов, после чего из-за нарушения системы оплаты войску, начались первичные проблемы эмирата. До этого времени, в основном, наемное войско стабильно получало каждый квартал (четыре раза в год) жалование и своевременно выполняло свою роль защиты страны от внешних вторжений и внутренних смут. Теперь появилось недовольство в войско, поколебав один из устоев государства из-за отсутствия неприкосновенного запаса финансовых ресурсов эмирата.

Диван «амид ал-мульк», аналог *дивана ал-расаил* Омейядского халифата, занимался подготовкой официальных документов эмирата. Обширность государства и его разветвленной системы управления, несомненно, повысила значимость данного дивана, названного «опорой государства». Стабильное функционирование десяти государственных ведомств (диванов) и межведомственное согласование приказов и распоряжений эмира и высших чиновников также координирующей роли данной канцелярии. Как нам известно, языком делопроизводства был во времена эмира Исмаила Саманида таджикским языком, а его замена на арабский язык стал причиной убийства его сына-преемника эмира Ахмада. Поэтому мы допускаем, то официальным языком как данного дивана, так и других (возможно, с исключением религиозных вопросов) диванов стал таджикский язык. Руководитель данного дивана—«ходжаи амид» из-за важности данного ведомства считался одним из главных чиновников эмирата.

Диван «сахиб-шурат», хотя был тождествен должности начальника вооруженной охраны (прототип полиции) в Аббасидском халифате, однако отличился от нее постепенным

доминированием в его верхушке тюркскими военачальниками. Как было рассмотрено выше, в первых аббасидских халифах этой важной должности в столице халифата удерживали поочередно представители Абу Муслима, Тахиридов и Саффаридов. Уменьшение число войска местных дехкан (землевладельцев) при одновременном увеличении инонациональной наемной гвардии привело к монополии в этом диване тюркских военачальников. Хотя были в составе этого дивана гражданские должности (аризы), но они были заняты, в основном, выплатой жалованье и наблюдением за исправности дел в войске. Инонациональные военачальники при нарушении системы оплаты войска стали высказать примеры недовольства и неподчинения, а при смертельной опасности государству перешли во вражеский лагерь.

Диван «сахиб-барид»-ведомство «начальника почты» занимался не только своевременной доставкой правительственной депеши от центра к областям, но и информировал центральную власть о реальном состоянии дел в областях эмирата. Историки сообщают о специфической роли данного дивана, который в отличие от других, не подчинялся наместникам эмира, а только центральной власти. Такая обособленность от местных властей способствовал тому, что великий визир и через него эмир своевременно ощупал реальный «пульс» общественно-политической и экономической жизни всех уголков государства. По их мнению, авторитет центральной власти был так высок, что наместники эмира на местах не стремились повлиять на работу местных чиновников по отправку в центр угодной для них информации. Правдивая информация до центра доходила даже из владений самого отдаленного и могущественного (хорасанского) наместника¹.

Диван «муширифов», прототип контрольно-ревизионной структуры (ведомства), вел «наблюдение с высокого места»

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.- М.: «Восточная литература», 1963, с.289-290.

(центра), видимо, за государственными расходами. По сообщению средневековых и современных историков, чиновники данного дивана- наблюдатели (мушрифиды) имели во всех городах и местах своих представителей, которые совместно с казначеями составляли опись дворцового имущества¹. На наш взгляд, в отличие от казначеев, выделяющих денег на различные государственные нужды, наблюдатели вели контроль и мониторинг расходования денег.

Диван собственных владений государя(или государственных земель), вел, вероятнее всего, учет кадастра государственных земель и их целенаправленного использования.

Диван «мухтасиба», был призван для надзирательства за общественным порядком на улицах, чтобы не нарушались предписания религиозных норм, а также работы рынков (базаров), чтобы не обманывали покупателей и т.д. Как подчеркивает немецкий историк к обязанности мухтасиба относились:

1. наблюдать на рынках, чтобы не обвешивали покупателей и весы (гири) были в порядке.
2. предотвратить мошенничества или подделки товаров при продаже.
3. побуждать должников к исполнению своих обязательств.

Но надо отметить, что он только вмешивался по просьбе стороны, и не был уполномочен налагать какие-либо меры пресечения, так же как ему не разрешалось отдавать приказ, который носил чисто судебный характер².

Известный визир Сельджукидов Низам-ул-Мулк в своей известном труде «Сиёсатнаме» («Книга о правлении») также подчеркивает важности этой должности: «Также следует

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.- М.: «Восточная литература»,1963, с.290.

² Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. В.1- Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.c. 423.

назначать в каждый город мухтасиба, чтобы он проверял точность весов и установленные цены, наблюдал за торговлей, чтобы все было правильно. Пусть мухтасиб надзирает за всем, откуда бы что ни привозили и ни продавали на базарах, чтобы не происходило подделки, чтобы были точны гири; пусть мухтасиб применит разрешение на дозволенное и запрещение на недозволенное. Государь и государевы чины должны содействовать тому, чтобы он пользовался значением, это является одним из правил господства, показателем благоразумия, а если бедняки впадут в несчастье, люди базаров будут покупать и продавать, как хотят, одолеет роскошество, станет явным разврат, потеряют значений предписания шариата. Это дело всегда приказывали исполнять одному из приближенных, то ли государеву слуге, то ли старому тюрку; он не делал снисхождения и его боялись равно как знать, так и простой народ»¹.

Диван «вакфов» (собственность религиозных учреждений). Вакфы в мусульманском праве являются имущества, переданные государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход) и не расходуемое (медресе, рабат, караван-сарай и т.д.). Посвящающий своё имущество в вакф называется учредителем вакфа. Этот вид собственности, появившийся в исламском мире с самого начала, приобрел широкое применение и распространился во все уголки халифата. Во времена правления Саманидов он достиг такого размаха, чтобы урегулировать вакуфные отношения было создано отдельное государственное ведомство. Как сообщают специалисты, вероятнее всего, дан-

¹ Низамул-мулк Сиасет-наме. (пер. Б.Н. Заходера). -М.: АН СССР, 1949.// http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Siaset_name/frametext2.htm дата обращения 27.09.2020.

ный диван после правления был упразднен и его полномочия были переданы в диван казия¹.

Диван «казия» (исламского суда) возглавлял *кази казиев*, которого некоторые специалисты сравнивают с должности *мобед мобедан* (верховный жрец зороастрийцев) доисламских иранских государственных образованиях². Как было рассмотрено выше (в предыдущем разделе) мусульманские судьи стали назначаться уже вторым праведным халифом. Во второй половине VIII в., вероятнее всего, со стороны халифа Харуна ар-Рашида века была учреждена должность верховного кази. Как было рассмотрено выше, один из учеников основателя ханафитского правового учения Имама Абу Ханифы, Абу Юсуф получил одним из первых эту высокую судебную должность халифата. Ему было поручено также от имени халифа назначать всех кади халифата и принимать апелляции на их решения. Таким образом, к времени правления эмиров Саманидов эта высокая судебная должность охватила всех крупных населенных пунктов исламского мира, включая их отдаленных владений. Поэтому возникла необходимость создания отдельного *дивана*, предназначенного для создания вертикальной судебной власти эмирата, так как мы не обнаружили наличия данного специального органа в халифате. Хотя прототип данного дивана в форме должности верховного казия халифата, обладающий права назначения всех нижестоящих казиев, существовал, как минимум, со времен Харуна ар-Рашида, в вышеприведенном перечне диванов халифата он отсутствовал. Поэтому создания отдельного специального государственного органа правосудия относится к Саманидской эпохе.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.- М.: «Восточная литература»,1963, с.291.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.- М.: «Восточная литература»,1963, с.291.

Кроме этих десяти относительно слаженно работающих *диванов* в государственном аппарате Саманидской державы функционировал двор эмира (*даргах*). Во главе этого эмирского двора и его многочисленных должностей стоял главный хаджиб («хаджиби бузург»), который руководил работой всех подчиненных. Он являлся одним из ключевых высших сановников эмирата. Второе по значению стоял в *даргахе* должность «начальника эмирской стражи» (сахиб хараса), который стоял ниже чем должность «начальника гвардии» (*сахиб шурта*)¹. Специалисты также сообщают о наличии других должностей в *даргахе*: привратники, стольники и кравчие².

Высшие военные должности в эмирате, особенности, наместников занимали представители владетельных родов (как Чагани и др.) и выслужившие тюркские военачальники (Алп-тегин, Таш, Фаик и др.). Самой первой военной должности эмирата была должность наместника Хорасана, где наместник с титулом *синах-салар* (военачальник) с резиденцией в Нишапуре руководил всеми владениями эмира на левом берегу Амударьи³. Однако постепенное преобладание инонационального фактора в назначениях в высоких военных должностях (*синах-салара*) при объективном уменьшении роли дехканского (землевладельческого) ополчения и возвышения тюркской гвардии в последующем играла роковой роли для дальнейшего существования эмирата. При нарушении системы оплаты войску они, показывая неповиновения, стали тяготеть к указаниям благочестивого духовенства, а не к политической воле эмиров.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.- М.: «Восточная литература», 1963, с.286-287.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.- М.: «Восточная литература», 1963, с.287.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.- М.: «Восточная литература», 1963, с.287-288

А хозяйственными делами двора эмира руководил *вакил*, который по статусу стоял между эмиром и визирем¹.

Духовенство играло важную роль в общественно-религиозной жизни Саманидской державы, будучи самой сильной лоббистской силой в государстве. Тот исторический факт, что верхушка духовенства пригласила эмира Исмаила Саманида на престол Бухары, превратившей впоследствии в столицу обширной державы, несомненно, придал их позиции непререкаемый характер. Ученые -факихи были освобождены от обязанности целовать земли перед эмиром, из их числа выбирали *устода* (позднее *муфтий* или *шайх-ул-ислам*) главы ханафитских богословов. По их совету решались дела и замещались должности во властных структурах эмирата. Этих ученых называли в Вароруде по таджикски *доншиманд*, которым уважительно относились саманидские эмиры². Как показала последующая история, именно тесная взаимосвязь между светской властью эмира и духовной властью бухарских садров составляла главный залог устойчивого развития Саманидской державы. Трещина в этой гармонии, появившейся из-за увлечения четвертого эмира Насра II Ахмада карматской ереси, в последующем выступила одной из главных факторов падения славных эмиров этого единственного таджикского централизованного государства.

Как было рассмотрено выше, бюрократический аппарат Саманидской державы достиг высоких уровней, во главе угла которого стояла слаженная работа десяти *диванов* во главе с мудрым великим визирем. Лучший образ великих визирей плеяды бармакидов-балъамидов был изображен в известном рассказе «Кабуснаме» (глава 40 «Об условиях везирства при царе»), когда отправленный в отставку визир государства от-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.- М.: «Восточная литература»,1963, с.286-288.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.- М.: «Восточная литература»,1963, с.286-288.

казался от предложенной царем благоустроенной земли и потребовал взамен разоренную деревню, чтобы обустроить ее. Царь согласился с ним, но по всему царству не нашли разоренную землю (благодаря заботам этого визиря). Царь понял свою ошибку, попросил извинения у своего визиря и вернул его на его прежнюю должность¹.

Этот вид государственного управления, введений и усовершенствованный до предела саманидскими эмирами выступал образцом для подражания для абсолютного большинства государственных образований, пришедших к нему в смену. Не только непосредственные преемники Саманидов-Караханиды и Газневиды сохранили саманидских диванов как образцы для подражания в регионе Центральной Азии, но и другие их последователи как Сельджуки, перенесли их в Средний Восток (до Босфорского пролива), а Гуриды в полуостров Индостан (до Бенгальского залива).

¹ Кабус-наме. Перевод, статья и прим. Бертельс Е.Э.- М.: Изд-во АН СССР,1953, с. 176

2.4. Возвышение ханафитского толка суннитского ислама в мусульманском Востоке.

Приглашение на должность наместника города Бухары, страдающего междоусобицей и частой смены власти, брата эмира Вароруда Насра будущего эмира Исмаила без войска со стороны горожан во главе с ханафитскими садрами имел символический характер. Высококультурные Саманиды, в свою очередь, выступили в роли не только приверженцев истинного ислама, но и распространителями его ханафитского толка по всему востоку исламского мира, передвигая его границы еще дальше и дальше на север, северо-запад, северо-восток, на восток, на юго-восток.

Теперь подробно рассмотрим процесс вхождения, противостояния и преобладания ханафитского толка ислама в Вароруде и в Хорасане.

Как было рассмотрено выше, к концу правления четырех «праведных халифов», стремительно разрастающаяся мусульманская умма, была разделена на три религиозно-политические лагеря: сунниты, шииты и хариджиты. Первоначально эти течения были распространены во все области халифата. Однако Вароруд и Хорасан, в отличие от Ирана, стал тяготеть к суннизму, из лоно которого до саманидской эпохи, вышли ряда выдающихся богословов.

Необходимо подчеркнуть, что со временем деятельности Абу Муслима и Бармакидов, совпало деятельность другого хорасанского мавали, основоположника одного из четырех мазхабов (правовых школ) суннитского толка ислама- Абу Ханифы, прозванного в исламском мире как «Имоми Аъзам» («Великий имам»). Однако в отличие от первых он не стал служить первым халифам- Аббасидам, за что, по иронии судьбы, он также поплатился с жизнью. Однако своей великой заслугой перед исламом и благодаря стараниям его учеников по популяризации политико-правовых учений (ханафи-

зма) эта правовая школа стала самой распространенной в исламском мире. В процессе распространения, особенно, на востоке, прослеживается также вклад саманидских эмиров.

Родословная имама Абу Ханифы берет свое начало от Нумана ибн Сабита ибн Марзубана, и его дед, продавец шелка (по некоторым данным, из Кабула), принял ислам в годы халифата Умара¹. Он родился в 699 году в городе Куфа в достаточно обеспеченной семье. Абу Ханифа рано начал обучения, однако пришлось прервать его в связи со смертью отца, так как он должен был продолжить семейное дело (продажа шелка). Первое свое богословское образование он получил в родном городе, когда поступил в ученики к Хаммаду ибн Абу Сулейману, одного из сподвижников Пророка. После смерти своего учителя он сам возглавил этот кружок правоведов (факихов) в течение десяти лет, став самым авторитетным богословом и правоведом юга Ирака². Эти кружки, на наш взгляд, были прототипами мусульманской высшей школы. Как подчеркивает специалист: «Ученые первоначально занимались в мечетях и других помещениях с отдельными, обращавшимися к ним любознательными людьми: такова была преподавательская деятельность живших при первых Аббасидах основателей четырех главных толков (мазхаб), на которых разделяется правоверный мусульманский мир, Абу Ханифа в

¹Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. — 400 с. — ISBN 5-98443-025-8. // https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98%D0%AD%D0%A1/%D0%90%D0%B1%D1%83_%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%84%D0%B0 дата обращения 14.09.2020.

²Али-заде А. А. Абу Ханифа. // Исламский энциклопедический словарь. - М.: Ансар, 2007. - 400 с. // https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98%D0%AD%D0%A1/%D0%90%D0%B1%D1%83_%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%84%D0%B0 дата обращения 14.09.2020.

Куфе, Малика ибн Анас в Медине, Шафи'и в Мекке, потом в Каире, Ахмеда ибн Ханбала в Багдаде. Позднее приобретение права на чтение лекций в больших мечетях было обусловлено известными требованиями; при некоторых мечетях возникли своего рода богословские факультеты из которых наибольшую известность получила школа при мечети Азхар, построенной в Каире в X веке, такая же школа существует при Ка'бе»¹.

Свой хадж впервые Имам Абу Ханифа совершил, когда ему было шестнадцать лет, отправившись в паломничество с отцом: там он встретил одного из сподвижников Пророка Абдуллу ибн аль-Хариса.

Абу Ханифа, будучи одним из ярких и самых ранних представителей торгово-ремесленных городских кругов исламского мира, он обосновал и защитил интересы этих кругов, которые выражались в форме религиозно-правовой доктрины, оформленной в последствие в ханафитский мазхаб.

На наш взгляд, один из главных заслуг имама Абу Ханифы в исламской цивилизации состоит в том, что он положил начало письменной традиции в его богословии. По мнению историков, первое сочинение, посвященный догматике Ислама, относится к его перу. На основе семидесяти хадисов ученый написал такой известный свой труд, как «Китаб-уль-Асар». Также он является автором таких работ, как «Китабуль Рад аляль Кадирия», «Алим-уаль-мута'аллим», «Джами' уль Масанид» и «Аль-Фикх аль-Акбар»².

Ему также приписывается новаторство в применении методов исследования вопросов правового характера так, чтобы

¹ Бартольд В.В. Ислам после пророка. Отделение церкви от государства. Сунна пророка. // Сочинение. Т. VI. - М.: «Наука», 1966, с. 111-112.

² Али-заде А. Абу Ханифа. // Исламский энциклопедический словарь. - М.: Ансар, 2007. - дата обращения 14.09.2020.

сближение схоластических разработок, сделанных факихами, с требованиями, которые предъявляет реальная повседневная жизнь, стало возможным.

Имамом Абу Ханифой вместе с его ближайшими последователями была разработана методика, с помощью которой использовались рационалистические принципы «кияса» («суждения по аналогии»), а также принципы «предпочтений» («истихсан») в процессе решения вопросов правового характера.

В своих политических взглядах ученый придерживался легитимного принципа верховной власти, которую всесторонне контролирует мусульманская община.

Будучи выдающимся и высоконравственным ученым он избегал всякой государственной службы, которому его принуждали власти предержажшие. В первый раз, Имам Абу Ханифа отправился в Мекку (в 747-748 г.), поскольку испытывал притеснения от Ибн Хубайры, наместника Ирака, который принуждал его нести государственную службу.

Когда же во власти утвердились Аббасиды, он вернулся в Ирак и там продолжил свою деятельность как ученого богослова и продолжал семейное дело как обеспеченный торговец шелком. Теперь к нему обратился халиф Мансур, когда стал правителем, но имам Абу Ханифа снова отказался. Разгневанный халиф приказал жестоко избить его и заточить в темницу. Свое предложение халиф повторил после этого еще раз, но имам снова отказал и поклялся именем Аллаха, что не примет этого предложения. В результате его подвергли жестокому наказанию. После этого он вновь был брошен в темницу. В это темнице имам и умер в 767 году.

Двое его учеников Абу Юсуф и аш-Шайбани провели внушительную работу по сохранению, систематизации и распространению ханафитского мазхаба. Их метод выне-

сения правовых предписаний был основан на следующих источниках:

1. Коран;
2. Сунна - при тщательном отборе хадисов;
3. иджма - единодушное мнение богословов относительно какого-либо вопроса, которое не может противоречить Корану и Сунне;
4. кияс - суждение по аналогии с тем, что уже имеется в Откровении; сопоставление правовой проблемы с уже решённой;
5. истихсан - предпочтение противоречащего кыясу, но более целесообразного в данной ситуации решения;
6. урф или адат - традиционно распространённые мнения, обычаи.

В отличие от имама Абу Ханифы его ученик Абу Юсуф аль-Ансари после смерти своего учителя (767 г.) переезжает в Багдад и принимает предложения аббасидского халифа Махди возглавить должность судьи (*кади, кази*) халифата в Багдаде. В время правления халифа Харуна ар-Рашида он назначается на высший судебный пост халифата - верховного судьи (*кади аль-кудат, кази казиев*). Таким образом, он за более тридцать лет (767-798 гг.) получает прекрасную возможность широкому распространению ханафитского толка ислама путем назначения судей в провинции, отдавая предпочтение представителям своего мазхаба. В решении сугубо юридических и практических дела он также опирается на ханафитских подходов. Многие основатели других мазхабов (ханбализм и шафиизм) были непосредственно его учениками или последователями. Его дело после его смерти продолжили его сын Юсуф и его ученик Мухаммад аш-Шайбани¹. Это было

¹Али-заде А. А. Ханафитский мазхаб. // Исламский энциклопедический словарь. -М.: Ансар, 2007. - 400 с. // <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98%D0%AD%D0%A1/%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%82%D1%81%D0%BA%D0>

судьбоносное время для внедрения и расширения ханафитского толка правоверного ислама в пределах халифата, особенно в его восточных окраинах.

Халиф Мамун (813-833 гг.), в отличие от своего отца Харуна ар-Рашида, поддержал вольнодумный мутазилизм против правоверного учения. Мутазилитское представление о сотворенности Корана было принято аббасидским халифом Мамуном, который сделал его обязательным догматом. Противники мутазилизма, подверглись преследованиям своеобразной инквизиции, зачастую носившим фанатический характер. Эта инквизиция, свирепствовавшая в течение полувека, вызвала сильное смятение среди верующих. Мутазилизм, который начал с либерализма, закончился нетерпимостью. Но третий преемник Мамуна, халиф Мутаваккил (847–861 гг.), решил отказаться от религиозного свободомыслия и повел борьбу против мутазилитов и мистиков. Эта борьба оказалась весьма упорной. Распри между правоверными сторонниками традиции и мутазилистами-рационалистами ещё долго продолжали разрывать мусульман¹.

В это время в защиту правоверного ислама стал бывший мутазилит, будущий суннитский авторитет, басриец Абулхасан Аш'ари (873-935 гг.), который в 912 году по-рывает с мутазилизмом и начинает жесткие дискуссии с ними. Он доказывал, что единобожие мутазилитов в действительности есть возвращение к дуализму, учению о двух творцах: боге, творце добра, и дьяволе, творце зла. Против теории о сотворенности Корана (слово божьего) Аш'ари выдвинул довод, что творение не может распространяться на самого творца: поэтому творец вечен вместе со своим словом и всеми своими качествами².

%B8%D0%B9 %D0%BC%D0%B0%D0%B7%D1%85%D0%B0%D0%B1
дата обращения 14.09.2020.

¹ Бартольд В.В. Мусульманская догматика. Секты. // Сочинение. Т.VI.-М.: «Наука», 1966, с. 124-125.

² Бартольд В.В. Мусульманская догматика. Секты. // Сочинение. Т.VI.-М.: «Наука», 1966, с. 125.

Такое было положение дел в религиозных диспутах в исламском умме к времени прихода к власти Саманидских эмиров. Как было рассмотрено выше, уже в крупных городах Вароруда во второй половине IX века, когда какой-то города страдал от междоусобицы и смуты, то на ух управления выступили религиозные люди во главе с известными факихами. Так было во время восшествия на должность наместника Бухары эмира Исмаила Саманида, когда горожане во главе с сыном знаменитого ученого (факиха) Абу Хафса, Абу Абдуллаха, пригласили его без войска в город. Известность этого богословского рода, по мнению В.В. Бартольда было в том, что один из городских ворот, расположенный ближе к их дома, носил название «Хакк-рох» («Дорога к истине»), которому горожане обращались за разрешением сомнительных споров¹. Он подробно описывает восшествие на престол Бухары эмира Исмаила Саманида: «Исмаил прибыл в Кермине, где был встречен самым Абу Абдаллахом, что, по словам историка, значительно успокоило его насчет будущего: «Он понял, что, что бы не сделал Абу Абдуллах, жители города не в состоянии отменить его». Вероятно, при посредничестве Абу Абдуллаха Исмаил заключил договор с обладавшим около того времени Бухарой эмиром Хусейном б. Мухаммедом ал-Хавариджи; судя по этому прозванию он был одним из хариджитских предводителей, вероятно одним из сподвижников Я'куба. Согласились на том, что эмиром в Бухаре будет Исмаил, а Хусейн —его помощником; на этом присягнуло все войско. В первую пятницу месяца рамазана (25 июня 874 г) в Бухаре была прочитана хутба на имя Насра б. Ахмеда вместо Я'куба б. Лейса. Через несколько дней после этого совершился въезд Исмаила в Бухару; Исмаил тотчас нарушил свое сло-

¹ Бартольд В.В. Географический очерк Мавереннахра. // Сочинение. Т. I. М.: «Восточная литература», 1963, с. 152-153.

во, велел заключить Хусейна в тюрьму и сделался единственным правителем города»¹.

Как вытекает из этого сообщения, во-первых, мусульманские суннитские ученые-богословы (факихи) в Бухаре за полутора столетия заняли непререкаемый авторитет, а, во-вторых, хариджиты, несмотря на их опору на войско, не имели общественную поддержку, поэтому новый эмир, при согласии первых, без особого труда, отправил в заключение руководителя вторых. В пользу этой мысли свидетельствует жизнь и деятельность другого Абу Абдуллаха, одного из знаменитых собирателей хадисов Пророка таджикского Имама Мухаммада Бухари (810-870 гг.). Имам Бухари посвятил всю свою жизнь сбору хадисов. Он слышал хадисы от более чем тысячи шейхов, сам он записал 200 тысяч хадисов от его преподавателей и информаторов. Из этого обширного океана хадисов (800 тысяч) он собрал самые достоверные из них только 7275, включая и повторяющиеся. Они составляли его книгу «Ас-Сахих», которая стала наиболее популярной среди всех других собраний. Он работал над своей книгой в течение шестнадцати лет. Ас-Сахих Бухари примечателен ещё и тем, что это первый сборник хадисов, составленный по принципу мусаннаф («классификация хадисов по сюжетам»). Его труд «Аль-Джами‘ ас-сахих» является одним из шести основных суннитских сборников хадисов, а, некоторые исследователи, считают эту книгу Имама аль-Бухари самой достоверной исламской книгой после Корана².

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Сочинение. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с. 281.

² Brown Jonatan. The Canonization of Al-Bukhari and Muslim. BRILL, 2007. // https://books.google.com.tj/books?id=OWvCQAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=The+Canonization+of+AlBukhari+and+Muslim&hl=ru&source=gbs_book_similarbooks#v=onepage&q=The%20Canonization%20of%20Al-Bukhari%20and%20Muslim&f=false дата обращения 15.09.2020.

Как вытекает от деятельности этого выдающегося богослова из столицы Вароруда и Хорасана, за более сто лет распространения ислама в регионе, здесь появилась плеяда великих исламских мыслителей, которые не только равнялись своим западным (иракских и аравийских) коллегам, но в некоторых направлениях превзошли их. Исламское право и мистика (суфизм) приобрели здесь собственные корни и постепенно распространились в новые земли ислама. Суфизм как мусульманский аскетизм, подвижничество и мистицизм, производным из вышеуказанной «скамы» (где сидели и дискутировали аскеты-сподвижники Пророка) или от «шерсти» (власяницы этих аскетов)¹ имел также свой хорасанско-варорудский вариант.

Если в сборе хадисов пророка выделялся Имам Мухаммад Бухари, то в формировании исламского мистицизма (суфизма) в Вароруде выделился его ученик другой таджикский богослов Абуиса ат-Тирмизи (824-892 гг.).

Он родился в городе Термезе, где получил традиционное образование, занимаясь с 8 лет религиозными науками. Абуиса ат-Тирмизи в 28 лет совершил хадж в священную Мекку, при этом совершенствуя свои знания в общении с известными богословами и суфийскими наставниками. Вернувшись домой, он продолжил изучение суфизма у своих учителей из числа хорасанских шейхов: Абу Тураб ан-Нахшаби, Йахья аль-Джаллаа, Ахмад Бен Хадравайхи и др.

Аскетический образ жизни Хакима Абуисы ат-Тирмизи вызывал уважение местного населения, и вскоре около него возникла группа учеников. Однако его деятельность не нравилась местным властям и правоверным факихам, и опасаясь преследований, Ат-Тирмизи был вынужден покинуть родину. Он сначала уехал в Балх, а затем в Нишапур.

Его главный вклад в развитие суфизма - работа «Хатм ал-авлия» (Печать святых), где он разработал доктрину о свя-

¹ Суфизм. Энциклопедия Кругосвет. // <https://www.krugosvet.ru/enc/religiya/sufizm>. дата обращения 19.09.2020.

тых. Согласно этой теории, святые управляют миром: Ат-Тирмези приравнивал их к посланникам Бога и пророкам.

В этой книге он впервые в мусульманском мире писал о Логосе, используя для его обозначения слово зикр. Ат-Тирмези утверждал, что святость (вилая) ограничена во времени, поскольку она, подобно пророческому дару (нубува), отмечена печатью, которая должна проявиться при конце света.

Кроме этого трактата, он написал около 80 работ, в которых рассматривается значение мистического опыта практикующих суфиев. Его учение «о душе» (ее состояниях, «движениях»), о методах самосовершенствования и обуздания низменных инстинктов, о роли страдания как средства очищения свидетельствовали о глубоком знании психологии человека. В дальнейшем эти труды в восточноиранском суфизме были признаны классическими.

Ат-Тирмези считал, что высшим доступным человеку знанием является мистический «гносис» (ма"рифa), или «хикма»), который он отождествлял с «божественным светом», заключенным в сердцах людей. Он различал обычное знание ("илм), сводящееся к пониманию положений шариата, и «гносис», благодаря которому постигается тайный смысл самой «божественной сущности». Традиционное знание можно обрести в процессе обучения, в то время как ма"рифa - это дар Божий, которым отмечает избранных. Сфера и время применения "илм ограничены, а ма"рифa не имеет пределов. По мнению ат-Тирмези, «гносис» дарован лишь тем людям, чьи помыслы устремлены к Богу и которые обладают душой, очистившейся от мирских привязанностей. Такими людьми являются суфии, обладающие «аль-аулия"», т.е. «святые», отличающиеся от прочих верующих¹.

Как вытекает из жизни одно из виднейших представителей варорудско-хорасанского суфизма Хакимаат-Тирмези в

¹Абдаллах аль-Хаким ат-Термези. // <https://arboblar.uz/ru/people/abdallakhal-khakim-at-termezi> дата обращения_15.09.2020.

первое столетие исламской жизни, отмечается конкуренция между суннитскими (ханафитскими) богословами (близких к власти) и суфиями, которые посвящали свою жизнь служению Богу. Они боролись за умы и сердца простых мусульман, первые с опорой на власть, а другие (суфии) за общественную поддержку простых мусульман. Как подчеркивает специалист: «под влиянием заботливости Корана о бедных и нищих возникло предание, что сам Мухаммед окружил себя бедняками (факирами), для которых была поставлена особая скамья- *суффа*- рядом с мечетью; из «людей суффы» вышло несколько передатчиков преданий о пророке и его жизни. В завоеванных арабами странах, где до ислама были распространены христианство, манихейство и буддизм, бедность и подвижничество ставились еще выше и могилы прежних подвижников почитались наравне с могилами пророков и мучеников. Для благочестивых мусульман подвижничество и тесно связанный с ним культ святых были такими преимуществами, от которых ислам не мог отказаться в пользу неверных»¹.

Таким образом, после столетия общественно- политической и религиозной жизни таджиков в лоно исламского мира в Саманидской эпохе в его пределах распространилось и постепенно укрепилось правоверное направление суннизма (ханафизма), разработанного великим мусульманским мыслителем с хорасанскими корнями Имамом Абу Ханифы. Здесь также формировался собственный вариант исламского мистицизма (суфизма). Однако было необходимо время для их примирения и сближения.

В это время, несомненно, жесткая конкуренция трех направлений ислама (суннизма, шиизма и хариджизма) не могла не коснуться пределов Саманидов. Ересь в виде мутазилизма и карматства, вторглись также в Хорасан и Вароруд,

¹ Бартольд В.В. Ислам. // Сочинение. Т. VI. -М.: «Наука», 1966, с. 114.

где уже правили саманидские эмиры. Как 4 было рассмотрено выше, «золотой век» правления Саманидов во время правления внука эмира Исмаила эмира Насра II (914-943) был прерван увлечением самого эмира карматством, когда местные мусульманские богословы, превратившиеся в верхушку исламского общества, требовали исправление положение дел. Как сообщают историки, эмир Саманидов поручил факихам, указавшим ему на успех деятельности еретиков, составить руководство по вероучению для народа¹. Данное руководство, вероятнее всего, была книга известного таджикского богослова Абулкасима Самарканда (умер 953г.) «Ас-Савод-ул-аъзам» была написана на арабском языке и правительство Нуха II Мансура (976-997) поручило его перевод для доступного для местного населения на таджикский язык². Данное руководство дошло до нас в его поздней доработанной версии³.

Постепенно Саманидская держава стала местом не газиев (борьцов за веру) с различных уголков исламском мира, но и родиной подготовки исламских мыслителей. В Вароруде появились первые в исламском мире- *медресе* (высшие учебные заведения), которые, вероятнее всего, продолжая традиции, Дом мудрости мудрых визирей Бармакидов в Багдаде, стали готовить местных богословов. Образование первых медресе в Саманидских владениях демонстрирует той заботы их эмиров не только о земных потребностей своих подданных, но и расширению их кругозора и образовательного ценза. Академик Бартольд, опираясь на местные предания, сообщает о функционировании не менее 17 медресе втором по значению города Вароруда в Самарканде, которые готовили высококвал-

¹ Бартольд В.В. Ислам. // Сочинение. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 126.

² Рамазонов М. Абулкасим Хаким Самарканди и древний персидско-таджикский перевод произведения «Ас-Савод-ул-аъзам» // Вестник ТНУ. Серия филологических наук. № 4-7 (2017) – Душанбе, 2016, с. 254-257.

³ Бартольд В.В. Ислам. // Сочинение. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 126.

лифицированных богословов-философов. Среди них в эпоху жесткой борьбы с шиитскими течениями (первая половина X в.) выдвинулись в первые ряды теоретических споров Абулкасим Самарканди, автор руководства для вероучения, ставшим в Вароруде основополагающим, и Абумансур Матуриди (870-940 гг.), основатель собственной богословской школы¹.

Они вскоре не только взяли вверх над шиитскими миссионерами (Фатимидов), но и разработали и усовершенствовали относительно стройную философско-религиозную доктрину (калам) правоверного (суннитского) ислама.

Абумансуре Матуриди принадлежит, по сообщению специалистов, развернутый комментарий к Корану «Та'вилāt ал-қур'ан», толкование к теологическому трактату «ал-Фикх ал-акбар» («Большой фикх») Абу Ханифы, «Шарх ал-Фикх ал-акбар» и «Книга о единобожии» («Китаб ат-таухид»). Если ашариты разрабатывали свое учение как серединное между мутазилизмом и традиционализмом, то он и его ученики занимали срединную позицию между ашаритским и мутазилитским подходом. В отличие от ашаритов (и мутазилитов), Абумансур Матуриди признает извечность атрибутов, присоединяя к семи из них, выделенным ашаритами, восьмой - творение («таквин»). Он, как и мутазилиты, допускал у человека свободы выбора, отстаивал объективный и рациональный характер нравственных принципов².

Таким образом, за более столетнее блестящее правление славных саманидских эмиров, Вароруд и Хорасан кардинально превратились, от первоначального «дар аль куфр» («территория неверных»), «дар аль харб» («территория войны (с неверными)») в высококультурной области «дар ал ислам»

¹ Бартольд В.В. Ислам. // Сочинение. Т. VI. - М.: «Наука», 1966, с. 126.

² Матуриди. Электронная библиотека ИФ РАН. // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff7ec1742c7c8a9ed5da> дата обращения 19.09.2020.

(исламского мира)¹. Теперь в саманидские владения стремились не только разношерстные «солдаты удачи» (газии), видевших смысл жизни в покорения земли неверных и заодно, мечтавших разбогатеть в разграблениях побежденных народов, а все больше людей для приобщения высоким идеалам по постижению собственного и божественного «Я». Первые учебные заведения (медресе) мусульман, созданных в этой державе, количество которых только во второй по величине города (Самарканде) доходило до две десятки, начали утолять их жажду в новых знаниях. В это время, за исключением далекой мусульманской Испании, где также наблюдалась некоторые искры исламского культурного огня, Саманидская держава, заменившая огня (изустного) зороастризма в письменный взлёт человеческой мысли, поднял факел просвещения до такой высоты, которого не достигла до сегодняшнего дня ни одна страна мусульманской цивилизации.

Несмотря на этого историко-культурного феномена, после образования трещины между светскими саманидскими эмирами и бухарскими садрами, из-за увлечения четвертого эмира Насра II карматством, последующим эмирам не удалось воссоздать общественную гармонию с благочестивым духовенством. Вольнодумство, присущих многим высококультурным саманидским эмирам, порой сталкивалось с той части благочестивого духовенства, у которых наблюдалось скудость рационального мышления. Эта часть духовенства, нашли своих первых верных послушников и последователей в лице инонациональных гвардейцев, которым как новым

¹Али-заде, А. А. Дар аль-ислам и Дар аль-харб // Исламский энциклопедический словарь. — М. : Ансар, 2007. // https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%98%D0%AD%D0%A1/%D0%94%D0%B0%D1%80_%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC_%D0%B8_%D0%94%D0%B0%D1%80_%D0%B0%D0%B%D1%8C-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B1 дата обращения 19.09.2020.

адептам, было присуще, прежде всего, непререкаемый авторитет своих наставников (пиров). При нарушении функционирования государственной казны по оплате из труда и заслуг, они быстро стали орудием в руках этих садров.

В это время правоверный ислам (ханафитский толк суннизма), распространяясь во все уголки Саманидской державы, стали выходить далеко за их пределами. На северо-востоке от этой державы в бескрайних просторах Великой степи многочисленные карлукские и огузские (туркменские) племена стали переходить от язычества и других религий (включая степного христианства или буддизма) в ислам. Караханидское кочевое государство, образованное в Хафтруде и расширявшее в сторону восточной части Таримского бассейна, в религиозно-культурном плане стал тяготеть к приобретающей святости Бухаре. На юго-востоке бывшие слуги-гвардейцы Саманидов- Газневиды, испытующие трепет перед бухарскими садрами, также нашли в их лице своих религиозных руководителей, начали распространять этот вид ислама в огромный Индийский полуостров.

Тем временем бухарские садры, тяготеющих к имамату (верховенство духовной власти) и недовольных от вольнодумного эмирата, стали думать перенести свой духовный авторитет над инородной гвардией, над которыми их власть соперничала с эмирской властью, к инонациональной, но послушной к их воле, династии из-за рубежа. Сразу две династии (Газневиды и Караханиды) начали жесткое соперничество за получения благословения не из традиционного Багдадских халифов, а от бухарских садров, за великое наследие Саманидов, клонящихся к закату.

Саманиды ушли из исторической арены, но их «руководство по вероучения» (ханафитский толк суннитского ислама) для народа, разработанного со стороны выпускников перво-классных высших учебных заведений (медресе), впервые в истории, созданных в этой благословенной земле, не только

остались нетронутыми, но и совершенствовались дальше. Это «руководство» Саманидов для правоверных мусульман, разработанного в жесткой конкуренции с другими философско-религиозными учениями обширного халифата, дошло до нас. Оно, не поставленного никогда под сомнения со стороны их близких и далеких преемников, а, наоборот, совершенствовавшийся и оберегавшийся, как «зеницу ока», свидетельствует о непререкаемой роли Саманидов как «отцов-основателей» ханафитского толка суннитского ислама.

2.5. Упрочение политики “таджикско-тюркский синтез”.

Брачный контракт, предшествовавший перед свадьбой тюркского вельможи и красавицы-согдианки, обнаруженного среди юридических документов с горы Муг¹, дает нам оценить состояния таджикско-тюркского синтеза к началу VIII века, который уже имел к этому рассматриваемому времени, как минимум, более 150 летней истории. Этот юридический документ отвергает того распространенного в регионе мнения, что семейно-брачные отношения между таджиками и тюркскими народами стал возможным только после принятия ими наднациональной религии - ислама.

Вароруд в долгие столетия был неотъемлемой части великого Турана (земля старшего сына легендарного пешдадидского шахиншаха Фаридуна-Тура), где в середине первого тысячелетия произошли кардинальные трансформации, менявшей, среди прочего, и этнический состав этого обширного региона. Создание Тюркского каганата (середина VI в.), самого крупного государственного образования Евразии до монгольского периода, привело к формированию политики «согдийско- тюркского синтеза». А заслуга Саманидов в том, что они, с учетом завершения этногенеза таджикского народа, подняли эту созидательную политику в центре Евразии в новый уровень- на уровень «таджикско-тюркского синтеза».

Степная традиция свидетельствует о происхождении тюркских племен от рода Ашины². Наше внимание привлекло сообщение специалистов о женитьбе детей «волчицы» из рода Ашины, прародителя тюркских племен, на женщинах Турфана, предшествовавших задолго до создания Тюркского

¹ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. -М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, -222 с.

² Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. //Страны и народы Востока, т. X. 1971. С. 126.

каганата¹. В это время в Таримском бассейне преобладало согдийское население, которое эмигрировав с Вароруда со времен «Антидэвовской реформы» ахеменидского шахиншаха Ксеркса, создали разветвленной сети своих торгово-экономических колоний в Таримском бассейне, включая Турфанского оазиса². Таким образом, мы допускаем, согдийское население Турфанского оазиса сыграло ключевую роль в этногенезе тюркских народов (как вытекает из вышеприведенной легенды тюрки женились на турфанских, т.е. на согдийских женщинах), что, несомненно, повлиял на культурные традиции и язык новообразующей племени.

Одним из ярких свидетельств преобладание в составе древнего населения Таримского бассейна, включая Турфанского оазиса, восточноиранских (согдийского, сакского, бактрийского и др.) народов являются – обширная сеть подземных каналов-кяризов. Это уникальное ирригационное сооружение, протянувшего с берегов Персидского залива до границ Монголии, приобрело в своей западной границе, в засушливом Турфанском оазисе, небывалый размах. Дело в том, что Турфанский оазис, скованный двумя великими пустынями Евразии, с востока Гоби и с запада Такла-Маканом, мог выжить и процветать только благодаря внедрению этого ирригационного чуда предков таджикского народа, переселивших в эти края задолго до древних китайцев. Необходимо отметить, что кроме Таримского бассейна (современного СУАР) ни в одной из 23 современных провинциях Китая не суще-

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004, с. 87.

² Мамадазимов А. Выход на мировую арену согдийской дипломатии во времена Тюркского каганата (VI-VII вв.).//Вестник ТГУПБП, №3 (59)-Худжанд, 2014, с.157-163; Кузнецов Б.И. Кто основал религию бон?// Центральная Азия и Тибет..Т.1. История и культура востока Азии.- Новосибирск: Наука,1972,с.132-134.

ствуется такой тип ирригационного сооружения. Попутно напомним, что нынешнее тюркское (уйгурское) население Таримского бассейна стало массово заселять эти местности только после 840 года, когда Уйгурский каганат, с резиденцией на севере Монголии, был разбит Кыргызским каганатом¹. Кяризы, дошедшей до настоящего времени в колоссальных масштабах, и самое главное, содержание их в прекрасном рабочем состоянии в настоящее время, прежде всего это инженерный гений предков таджикского народа (согдийцев).

Как отмечает исследователь: «Середина I тыс. до н.э. ознаменовалось для земледельческих стран Средней Азии новым подъемом ирригационного хозяйства. Как выявили археологические исследования VI - IV вв. до н.э. стали временем усиленного строительства мощных магистральных каналов, подводивших воду к землям, лежавшим вне зоны естественных разливов рек. В сфере культивации оказались, наряду с используемыми, значительные новые территории. Так, зафиксированы каналы и поселения этого времени в Кобадиянском оазисе и в долине Вахша (Таджикистана- М.А.). Вероятно, в ахеменидское время начали строить первые крупные системы кяризов (подземных оросительных каналов). Их сооружение в немалой степени связано с хозяйственной политикой ахеменидских царей, всячески поощрявших освоение целинных залежных земель; недаром Полибий, писавший о «парфянской пустыне» во II в. до н. э. и упомянувший существование там подземных каналов, отметил, что все они построены «при персах». Геродот повествует о громадном водохранилище, контролируемом персидской администрацией, построенном в долине реки Акес (Теджен или Мургаб), вода из которого сбрасывалась на поля лишь за дополнительную к обычным податям оплату. Об обширной

¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.- М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 591-592.

оросительной сети в долине Политимета (Зеравшана) пишет Страбон»¹. Как вытекает из этого отрывка, что в своей восточной миграции (в Таримский бассейн и Хафтруд) согдийцы и бактрийцы, брали собой не только образцы традиционного сельхозинвентаря², но и перенесли существующие у них уникальные ирригационные технологии, включая технологии рытья кяризов (подземных оросительных каналов), внедренной уже в «ахеменидский период», в самый засушливый регион Евразии.

О широком расселении согдийских колоний в Таримском бассейне и в сопредельных территориях (Монголии, Тибет, Ганьсу Китая) свидетельствуют также памятники согдийского письма, обнаруженных в Бугутской (VIв.) и Карабалсагунской (IXв) надписях в Монголии, переводы буддийских текстов из коллекции Пелльо, из Дуньхуана и на камне в Ладакхе (Тибет, Китай) и другие источники³.

Согдийско-тюркский синтез был так силен, что многие исследователи (Фрай Р., Хауссиг Х.В.⁴, Кляшторный С.Г. и многие другие) выдвигали, наряду с монгольским (Бичурин) и разнородным (Гумилев) происхождением племени Ашина, серьезную гипотезу о ее восточноиранском происхождении. Некоторые из них (Х.В.Хауссиг и С.Г.Кляшторный) допускают связь между именем рода Ашина и древнеперсидским *axšaēna* - «синий»/«небесный»⁵, отсюда и позднее второе

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004, с. 51.

² Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. Вост. лит., 1995, с. 103-105.

³Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. // Страны и народы Востока, Т. X. 1971. С. 121-146.

⁴Haussig H.W. Byzantinische Quellen über Mittelasien in ihrer historischen Aussage // Prolegomena to the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979.S. 55-56.

⁵ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. - СПб: 2005, с.79-80.

название тюрков Ашина как «кёк-тюрки» («синие тюрки»). В качестве одного из гипотетических прототипов имени Ашина тюрколог С.Г. Кляшторный также выделил сакское «asana»-«достойный, благородный»¹. А вышеприведенная Бугутская надпись ярко свидетельствует о том, что официальным языком первых Тюркских каганов был согдийский язык. Таким образом Турфанский оазис с горой Алтай стал колыбели не только тюркского этногенеза, но и согдийско-тюркского синтеза, дававший мировой цивилизации весомого вклада. Как отметил ведущий российский тюрколог: «именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков. В Алтае род ашина постепенно консолидировал вокруг себя местные племена. Новый племенной союз принял наименование тюрк»².

К середине VI века вождь тюрков Бумын, приняв титул «великий ябгу», начинает освобождать свой народ не только господства жужань, но и начинает великие завоевания. Об исключительной роли согдийцев в Тюркском каганате знали не только его подданные и соседи, но и в Китае, так как первым послом, прибывшим в 545г. в ставку Бумына, китайский двор государства Тоба Вэй сделал Ань Нопанто, согдийца из Ганьсу³.

В основании Тюркского каганата (самоназвание- Тюрк эль) выдающийся роль играл также брат и соправитель Бумына Истеми – хакан, который преследуя своих злейших врагов- жужань на запад, совершил завоевательные походы в Хафтруд, Вароруд и Северный Кавказ. А сыновья Бумын – хакана (Муган и Таспар), преследуя другую часть жужань до

¹ Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина). // Новое в советской археологии. / МИА № 130. М.: 1965. С. 280.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004, с. 87.

³

Кореи и Северного Китая, установили фактические данные отношения над северокайскими государствами (Северная Ци и Северная Чжоу). Если согдийское слово «ашина» означало «синий», употреблялось в начале, то со второй половины VI в. термин «тюрк» получил широкое распространение. Иногда использовались словосочетание обоих «синие тюрки». Согдийцы называли создателей новой империи как «турк» и в множественном числе- «туркут» (или туркют)- «тюрки». Эту согдийскую форму заимствовали сначала Китай («туцзюе») и позже Византия, так как дипломатические отношения, включая дипломатическую переписку между тюрками и китайцами и тюрками и византийцами, осуществлялись при активном участии согдийцев и согдийского письма. Позднее это название стал распространяться и среди других народов (иранцев, арабов, тибетцев и т.д.)¹.

Создание огромной кочевой империи тюрков не мог не привести ее включения в мировые политико-экономические отношения раннего средневековья, в первую очередь, с окружающим миром- Китаем, Ираном и Византией. В международных отношениях того времени одна из их главных задач состояла борьба за контроль маршрутами и узловыми пунктами шелкового пути.

Таким образом, к концу VI века, когда Тюркский каганат стал хозяином Таримского бассейна, Хафтруда и Вароруда и сделал двух северокайских государств своими данниками, согдийцы вышли в главные роли в торговле шелком, распространив свой контроль от города Пайкенда (правый берег Амударьи) до Чанъань (столицы Суй, Тан) в основном маршруте и от берегов Волги до Дуньхуана по северному маршруту. Этому способствовало вхождение центральной Согдианы (Вароруда) в состав Тюркского каганата, теперь не только

¹ Мамадазимов А. Выход на мировую арену согдийской дипломатии во времена Тюркского каганата (VI-VII вв.).//Вестник ТГУПБП, №3 (59)-Худжанд, 2014, с.158.

согдийские колонии Таримского бассейна и Хафтруда, но и его политический центр с Самаркандом был в составе этой обширной степной империи. Теперь согдийско-тюркский синтез, сформированный в дальних подступах согдийских колоний и в колыбели тюркского мира, был перенесен в политический центр самой Согдианы.

Создание огромной степной империи сопровождалось также разграблению многих городов и стран северной Евразии и накоплению огромных материальных ресурсов, включая предметы роскоши (шелка, фарфора и т.д.). Данное обстоятельство привело к возвышению согдийских купцов, будучи стоявших у основ создания и расширения Тюркского каганата. А включения собственной Согдианы с мощным текстильным производством в состав каганата также усилило ее позиции во всем каганате¹.

Экономическое благополучие Варурода и его главного района- Согдианы, основанного в посреднической международной торговле и мощным текстильным производством, ориентированного также на внешний рынок, наряду с высокой культурой, опирающейся на собственную письменности, позволили играть заметную роль в международных сношениях того периода².

Таким образом, в второй половине VI века острая необходимость реализации шелка своих мастерских, а также транзит китайских (и таримских) шелков, а также накопившийся в своих новых сюзеренов-союзников- тюрков шелка в виде дани и добычи, выдвинула Согдиану вступить в дипломатические связи с могущественными державами того времени- Сасанидским Ираном и Византией. Согдийский купец Маниах, мани-

¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, Петербургское востоковедение, 2004, с. 100.

² Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.208.

хей, получив одобрение от верховного правителя Тюркской империи Истеми хакана, сперва отправляется в Иран. Когда двор сасанидского шахиншаха, после проведения специального заседания, отказывается пропустить согдийско-тюркской торгово-дипломатической миссии на запад, и после этой неудачной миссии организуется уже вторая миссия в столицу Византийской империи¹.

На наш взгляд, вторичное руководство посольством ко второй мировой державе того времени со стороны Маниаха (когда первое не увенчалось успехом), свидетельствует о том, что Согдиана имела широкую автономию в составе Тюркского каганата и согдийцы занимали особое положение в вершине данной кочевой империи.

Данное посольство согдийца Маниаха, направляемый в Константинополь со «скифской грамотой» и «шелка не малой ценности», имело двойной миссии, во-первых, найти надежного военного союзника в лице императора Византии для совместного выступления против Сасанидов на юге и жужань (превративших на аваров в Европе) на севере, а во –вторых найти покупателя на согдийский шелк в лице богатого Византийского двора.

Интересно анализировать, на каком языке была эта «скифская грамота», описанная византийскими историками, данного согдийско-тюркского посольства в Византийской империи? Исследователи считают ее «согдийской грамотой» и в качестве веского доказательства приводят вышеупомянутой- Бугутской надписи из Монголии: «стела с надписью была вооружена на кургане с захоронением праха одного из первых тюркских каганов Таспара (правил в 572-581 гг.), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись

¹ Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.209.

сделана на согдийском языке. Большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов; они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чем прямо сообщают иноземные источники; они строили оседлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежавшими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно; главным образом через согдийцев тюрки познакомились с достижениями других цивилизаций Среднего и Передней Азии»¹.

Как сообщают историки, посольство Маниаха успешно достигло через северный маршрут шелкового пути (через Кавказ и Черное море) и было принято с почетом со стороны самого византийского императора Юстина II. Византия не только довольствовалась подписанием мирного договора, но и с согдийским посольством Маниаха, отправила в 568 г. ответное посольство во главе с киликийцем Зимархом, «стратигом (военачальником - М.А.) восточных городов» империи, видимо, чтобы удостоверится в могуществе государства тюрков и изобилия в его стране².

Они вернулись в «страну, населенные согдийцами, где тюрки предлагали им (византийцам) приобрести железо», т.е. в Хафтруд, где тогда имел свою резиденцию тюркский каган. В итоге этого посольства был составлен военный союз Византии и Тюркского кагана против Ирана, а также было решено отправить второе посольство на запад. В связи с тем, что Маниах умер, его сын Тагма, еще юноша, согласно воле кагана занял второе по достоинству место в посольстве. Он занял его

¹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники – М.: «Наука», 1964, с 169.

² Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М., . Изд. АН СССР, 1947, с.210.

и по наследству и потому, хан считал Маниаха близким и преданным ему человеком¹.

С посольствами Маниаха и Тагмы (сына Маниаха) на запад и византийца Земарха на восток установились согдийско-тюркско-византийские дипломатические отношения. Согдийско-тюркская дипломатия «дальнего действия» установила непрерывных контактов в обширной Евразии.

Кроме того был установлен за эти годы мирного сосуществования товарный обмен между оседлыми восточно иранскими народами (согдийцы, бактрийцы, ферганцы и др.) и тюркскими племенами, когда их текстильные и иные ремесленные изделия обменивались на молочно-товарные продукты кочевников. Кочевые народы также обеспечивали согдийцев, снаряжающих торговых караванов по протяженным маршрутам шелкового пути, не только вьючным транспортом (верблюдами, лошадьми, мулами и т.д.), но и вооруженной охраной.

Эти контакты были так продуктивны, что согдийцы создали ряд своих городов на правом берегу Сырдарьи, распространивших от среднего течения этой великой реки до берегов крупного озера Иссык-куль Притяньшаня. По сообщению специалистов, «только в Чуйской долине в VI-VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных согдийцами, тюрками, сирийцами, персами»². Образ жизни пестрого населения правобережья Сырдарьи был так похож на образ жизни оседлого населения Вароруда (точнее Согдианы). Знаменитый буддийский монах Сюань-цзань, проходивший этот протяженный маршрут в первой половине VII века от Аксу Таримского бассейна через перевал Тянь-Шань в районе Иссык-Куль до Железных

¹ Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М., . Изд. АН СССР, 1947, с.211.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. -СПб, Петербургское востоковедение, 2004,с. 103.

ворот (до границы Согдианы с Бактрией) не заметил особую разницу. Всю эту обширную область он называет «Сули», т.е. Согдианой¹.

В это время когда уже сложился согдийско-тюркский синтез с запада пришли арабы с новой религией-исламом, поэтому, как было рассмотрено выше, Согдиана оказалась, в отличие от других таджикских областей, в союзе с тюрками, самое упорное сопротивление новым пришельцам. Как было указано в начале данного раздела, согласно юридическим документам с горы Муг, уже практиковалась в просторах Согдианы и Бактрии тесное согдийско-тюркское взаимопроникновение и взаимодействие. Поэтому сопротивление Согдианы в тесном союзе с тюркскими племенами против арабских пришельцев было самым продолжительным из всех историко-культурных оазисов таджиков.

А после утверждения ислама не торговый город Самарканд, а Бухара стала постепенно сосредоточием исламских богословов. Если таджикский военачальник Абу Муслим спас не только Вароруд, но и всего Турана от экспансии китайской Танской империи при Таласской битвы (751 г.), то Саманиды не только устранили потенциальную угрозу от Великой степи, но, самое главное, занялись культуртрегерской миссией в ее широких просторах.

Большой интерес саманидских эмиров северным землям, где доминировали тюркские племена, был заложен изначально, когда двое из четырех братьев из первых саманидских правителей получают земли (Шаш и Фергану) для правления, непосредственной границы с землями этих «иноверцев». А старший из братьев Нух, правитель Самарканда и старший в возвышающей династии, уже в 840 году совершает поход в Исфиджаб (совр. Шымкентская область Казахстана), заново соединив бывшие согдийские поселения правобережья Сыр-

¹ Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи). –М. “Восточная литература”, 2012, с. 40.

дарьи с остальной частью Вароруда. Это завоевание привело не к кровавым последствиям, а его присоединение к культурным областям ислама, так как местная тюркская династия сохраняла свою власть и имела большие привилегии в отправки податей Саманидам¹.

А дом Ахмеда Саманида, правителя Ферганы, возвышавший среди других братьев, придавали также особое внимание процессам, происходящих в Великой степи. Если один из первых правителей из дома Саманидов Нух совершил поход на тюркские земли правобережья Сырдарьи чтобы прекратить набеги тюркских племен во внутренние области Вароруда, то уже через полстолетия второй эмир Исмаил Саманид совершает военный поход уже то города Тараз. На этот раз основной целью этого похода была не предотвращения набегов, а уже распространения ислама среди тюркских народов, так как он несторианской церкви города превращает в соборную мечеть.

Теперь согдийско-тюркский синтез, разрушенный в первые годы арабского нашествия, был не только восстановлен, но поднят позднее на более высокий уровень-таджикско-тюркского синтеза через принятия обоими народами ислама.

Эта была историческая миссия Саманидов и многочисленных исламских донишмендов, распространивших среди многочисленных тюркских племен мусульманскую культуру.

Этот таджикско-тюркский синтез выступал не только залогом культурного взлета Востока исламского мира, но и началом его распространения в обширные регионы мира. Когда тюркские народа завоевали и создавали крупные государственные империи, то для их упорядочивания и обустройства после завоевания и последующего подъема призывались таджикские управленцы, которые вносили туда стабильность и блеск.

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.270.

2.6. Усовершенствование практики меценатства над «людьми пера».

Слова известного знатока Центральной Азии Льва Гумилева: «Именно таджиков возглавила местная династия Саманидов и созданная им культура блистала как алмаз, по сравнению с которым все прочие оправа»¹ более точно и лаконично описывает роль этой высокообразованной династии по усовершенствованию блестящей практики меценатства над интеллектуальной части своего народа. Хотя во многих мусульманских государствах мы наблюдаем данную практику заботы над людьми творчества и науки, но в Саманидах она была возведена в ранг приоритетной государственной политики.

Известный востоковед В. В. Бартольд утверждает: «Характерно, что такое торжество культуры побежденных над победителями было одержано именно в буддийской части Ирана; на тот же буддийский Иран указывает известия о возникновении типа мусульманской высшей богословской школы-медресе, о родине первых в Средней Азии мусульманских мистиков-суфиев, о возрождении в Средней Азии персидского языка и литературы»².

На наш взгляд, достижение таких высот науки, культуры и литературы, прежде всего, стал возможным благодаря отмене «проклятия» письменности в зороастризме, когда письмо было объявлено «недозволенным» и повсеместно практиковалась изузстная передача информации. Включение зороастрийцев- предков таджикского народа, практиковавших, в основном, устной передачи информации, к числу «народов письменности» со стороны авторитета ислама стал одним из

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. –М.: 1992, с. 208

² Бартольд В.В. Арабское завоевание и Туркестан при Саманидах.// Сочинения Т. II. Часть I.-М.: Восточная литература, 1963, с. 119.

главных катализаторов превращения Вароруда и Хорасана центром науки и культуры в Саманидский период.

Функционировавшая до ислама устная традиция - передача информации между поколениями устно, по памяти, с соответствующими способами варьирования, к сожалению, оставляющими простор для искажения и импровизации. Если у других народов мира до приобретения письма именно в устной форме хранились и передавались от поколения к поколению социальный опыт, знания о прошлом, то у предков таджикского народа она сохранилась долгое время из-за зороастрийской традиции. Устная история в форме легенд, эпоса и генеалогических списков была самой ранней формой исторического сознания древних народов, а поздняя истинная кодификация священной книги зороастрийцев «Авесты» является свидетельством данной практики.

Изустная традиция может в большой степени удаляться от реальности, широко используя мотивы и художественные средства, а также, реальные исторические события, приукрашиваются и дополняются плодами народной фантазии. Устная традиция сыграла большую роль в развитии религий, особенно, в зороастрийской религии, где первоначально не практиковалась записи текстов. Запись текста была равнозначна его «кодификации», которая подразумевала запрет на внесение изменений. Поэтому, чтобы записанное не поколебало авторитет уже существовавших письменных текстов, комментарий должен был оставаться устным. Так, например, нет единства среди исследователей как по определению как родины, так и времени жизни первого пророка монотеистической религии- зороастризма Зороастра (Зардушта)¹. Поэтому каждый серьезный исследователь аргументирует свою датировку жизни этого первого пророка таджикского народа.

¹ Мамадазимов А. Политическая история таджикского народа.-Душанбе, «Дониш», 2000,с. 46-53.

Признанный эксперт зороастризма М. Бойс склонна датировать период жизни Зороастра серединой II тыс. до н.э.¹. Мы склонны к правдоподобности позиции российского эксперта И.В. Пьянкова, опирающегося на критическое рассмотрение зороастрийской традиции, когда реальная дата приходит к более позднему времени (660-583 гг. до н.э.)². Академик Бободжон Гафуров, автор известной монографии «Таджики», допускает, что Бактрия была областью «где одним из первых очень рано распространился зороастризм»³. А знаток древней Арианы И.В. Пьянков, тщательно реконструируя маршрут похода Зороастра в древнюю Бактрию, приход к заключению, что его прародиной была Согдиана⁴.

Даже после появления в Иране, Хорасане и Вароруде письменности, тысячелетия основным способом передачи зороастрийских текстов был устный, хранителями текста были священники (мобеды). Хотя согласно пехлевийским источникам, откровение, полученное Заратуштрой от Ахура Мазды, было собрано еще его царственным покровителем Кави Виштаспом (правителем древнейшей Бактрии) и записано на 200 тысячах воловьих шкур, которые при Александре Македонском, были уничтожены огнем, а другая часть из них был переведен на греческий язык⁵. Подлинный письменный текст Авесты имеет достаточно позднего происхождения (III в. до

¹ Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи.-М.: «Наука», 1988, с.27.

² Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: Проблема места и времени.// Вестник древней истории, 1996, №6, с. 16-17.

³ Гафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. - М.: «Наука», 1972, с. 52-53.

⁴ Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: Проблема места и времени.// Вестник древней истории, 1996, №6, с. 11-16.

⁵Цит. по Зендавеста. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. // <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%97%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0> дата обращения 05.10.2020.

н.э.)¹. Несмотря на того исторического факта, что известная традиция записи появилась лишь при поздних Сасанидах, когда в V-VI в. для записи книги был изобретён специальный фонетический авестийский, но и после этого авестийская традиция сохранила, в основном, изустную традицию до появления ислама.

Таким образом, к времени появления ислама и его распространения по Ирану и историко-культурных областей предков таджикского народа (Хорасана и Вароруда) накопилась за более две тысячелетия громадный пласт информационного материала о разносторонней жизни предков таджикского народа. Несмотря на их временного и пространственного искажения они дожили до своего времени масштабного письменного изложения.

Хотя доисламский период согдийский и бактрийский язык достигли определенного успеха, когда на этих языках буддийские, несторианские и манихейские тексты широко распространились на больших регионах восточной Евразии, однако доминирующая религия- зороастризм наших предков со своей изустной традиций сковывал энергию народа к его переходу к письменной фиксации того колоссального научно-культурного багажа, накопленного тысячелетиями культурной жизни в сердце Евразии.

К времени распространения ислама зороастрийская религия создала относительно крупную доминирующую прослойку государственных сановников-священнослужителей (мобедов), носителей тысячелетней традиции устной передачи огромного багажа историко-культурного и иного материала, и не все они остались в лоно своей религии. Их постепенный переход к исламу сопровождался поэтапным бурным ростом мусульманской культуры. Эта мысль найдет свое подтвер-

¹ Васильев Л.С. История религий Востока. Учебное пособие для вузов. -4-е изд.-М.: «Книжный дом Университет», 1999, С.64

ждение в описании жизни и творчестве одного из первых из множества иранско-арабских писателей Рузбиха Дадое (ок. 724-759 гг.). Этот представитель знатного иранского рода, приняв от отца совет перехода в ислам и поступления в государственную службу, принимает исламского имя Абдуллах ибн Мукаффа. Получив необходимого образования на арабском языке в городе Басра, центра восточного наместничества халифата, поступает к арабам на службе. Будучи секретарем у Исы ибн Али, дяди халифа Мансура, он занялся переводом на арабский «Категории» Аристотеля, «Худай-наме» (прототип «Шах-наме») и «Калилу и Димну». Последнее сочинение, с его версии, было переведено на многие языки мира¹. Главная заслуга этого писателя в том, что он выступил пионером из огромного числа иранских мыслителей первых годов распространения мусульманской культуры, объединивших в своем творчестве лучшие образцы древних народов-иранцев, индусов и греков. Абдуллах ибн Мукаффа перевел «Худай-наме» с пехлевийского языка на арабский, после чего она стала доступна всему мусульманскому миру, но до нас он не дошёл. Эта была первая попытка создания главного письменного памятника иранских народов, принятая за более 250 лет до творения великого Фирдоуси.

После твердого утверждения ислама на востоке халифата, как было рассмотрено выше, мудрые визири Аббасидского халифата, бывшие буддисты Бармакиды, начали целенаправленно исправлять историческую несправедливость по отношению к предкам таджикского народа (отсутствие полноценной письменной традиции) и посредством письменной фик-

¹Ибн-эль-Мокаффа//Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. - СПб. 1890-1907.// <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%98%D0%B1%D0%BD-%D1%8D%D0%BB%D1%8C-%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%84%D1%84%D0%B0> дата обращения 05.10.2020.

сации направлять в нужное русло тот небывалый культурный подъем предков таджикского народа. Масштабная переводческая деятельность научной мысли прошлого древнегреческого, сирийского, индийского и других народов под руководством Бармакидов и начала письменной фиксации устного огромного наследия таджикского народа создали ту твердую основу, на которой стала опираться стремительно прорывающаяся таджикская научная мысль.

Необходимо подчеркнуть, что изустная традиция предков таджикского народа отчасти пригодилась также в развитии мусульманской культуры, так как выучивание текста священного Корана и изустное собирание хадисов Пророка не только приветствовалось, но и высоко ценилась в исламской умме. Наши предки, вчерашние мавали, придав структуре ислама четкую и завершенную форму через формирования правовых школ (ханбализм и ханафизм), вскоре заняли свое высокое место в исламской духовной культуре.

Внедрение и распространение арабской письменности охватил не только самых арабов, но и других народов, включая иранских народов. По сообщению историков, оно привело к формированию новоперсидского языка и на его основе новой поэзии, охватившей как персидскими, так и арабскими размерами.¹ По мнению исследователя академика Бартольда, вероятнее всего, первым иранским стихотворением было приветственное стихотворение, произнесенного при въезде будущего халифа Мамуна (813-833 гг.) в Мерв (резиденция Хорасанского наместничества) со стороны Аббаса ибн Тархана с варорудскими корнями². Однако это стихотворение было из области панегирики, которая, к сожалению, распространилась позднее повсеместно.

¹Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 176-177.

² Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с.177.

Добрую традицию меценатства над людьми «пера» Бармакидов позднее освоили Тахириды и через их посреднической роли (превращение Нишапура в культурный центр халифата) переняли высокообразованные Саманиды. Культурная эстафета «Багдад-Нишапур-Бухара» позволила не только поддержания этой традиции эмирами дома Саманидов, но и его доведения до кульминации в Вароруде и Хорасане.

Здесь необходимо подчеркнуть, что исключительная роль первых мусульман (*мухаджиров* и *ансаров*) в процессе распространения начального ислама привела к их пренебрежению к новым мусульманам- *мавали* (*рабов, клиентов*), большинство которых были из востока халифата, которых они уничижительно называли- *аджами* («немой», «неараб»)¹. Несомненно, как было рассмотрено выше, восточно иранские народы, прежде всего таджики, принимая новую религию, одновременно принимали всяческие меры по сохранению своего родного языка. В этом общенародном движении родилось культурное движение под названием- «шуубия» (араб. «народы»), которого известный немецкий иранист Бертран Фрагнер справедливо считает воспринимать как «народное коллективное сознание»². Это «народное коллективное сознание», возглавляемое мудрыми Бармакидами, так хорошо работал, что *аджами* в Центре халифата превратилось от первоначально уничижительного названия к гордому самоназванию таджикского народа, что и выдающие халифы (Харун ар-Рашид) стали завидовать им. Как отметил специалист: «(они) говорили о себе как о наследниках высокой культурной традиции и могли с чувством превосходства дистанциро-

¹Фрагнер Б. Персофония. Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии [пер. с нем.Э.Н. Сагетдинова]. — М.: Фонд Марджани, 2018, с.33.

² Фрагнер Б. Персофония. Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии [пер. с нем. Э.Н. Сагетдинова]. — М.: Фонд Марджани, 2018, с.34.

ваться от обнаруживающих скромность культурного багажа сыновей арабской пустыни»¹.

Таким образом, ко времени правления Саманидов, наличие централизованного государства, опирающийся на большой слой традиционной элиты в лице дехкан (крупных землевладельцев) и богатых купцов (контролировавших шелковый путь), при проведении взвешенной налоговой политики, выступил той твердой основой, на котором формировалась знаменитая практика меценатства над «людьми пера».

Общеизвестно, что «меценатство» происходит от имени знатного римлянина Гая Мецената, который был покровителем поэтов и художников². Со временем меценатами стали называть богатых покровителей культуры, искусства и науки. Многие из них вошли (как семейство Медичи во Флоренции) в историю культуры наравне с выдающимися художниками, учеными, писателями, ибо способствовали развитию их творчества, процветанию искусства, приобщению широких масс к лучшим культурным достижениям.

На наш взгляд, вклад саманидских эмиров на Востоке не меньше заслуг знаменитого дома Медичи на Западе, так как размах их деятельности выходил далеко за пределами одного города, целой страны, одного региона.

Как сообщает Низам ул-Мульк эмиру Исмаилу Саманиду был присущ не только забота над людьми «пера», а вообще, обо всех подданных государства, так как он имел привычку выезжать на коне в зимние месяцы в близлежащие

¹ Фрагнер Б. Персофония. Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии [пер. с нем. Э.Н. Сагетдинова]. — М.: Фонд Марджани, 2018, с.34.

² Меценат.// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. — СПб. 1890—1907.//

<https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9C%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%82> дата обращения 05.10.2020.

дворы, чтобы убедиться о ситуации просителей, приходящих в эмирский дворец с различными жалобами или просьбами¹. А главная заслуга Исмаила Саманида в том, что он создал обширной и стабильной державы, с первоклассной бюрократией, которая в это время (X в.) считалась одной из самых благоустроенных, что заманивало сюда множество «людей пера»².

А время правления его внука Насра II (914-943) считается «золотым веком» Саманидской эпохи. К времени начала его правления саманидская бюрократия уже утвердилась и она, несмотря на несовершеннолетия эмира (ему был всего восемь лет) и борьбу за власть ближайших родственников эмира, функционировала четко и стабильно. В этой стабильности, продолжавшейся почти треть столетия, был свой секрет-правления от имени эмира двух знаменитых великих визирей – Абу Абдуллаха Джайхани (914-922, 938-941) и Абулфазла Балъами (922-938). Они были, в основном, ответственны за расцвет литературы, культуры и науки в Саманидской державе. Великий визирь Джайхани был всестороннее просвещенным человеком и известным географом, однако его географическая работа («Книга о путях и странах») не сохранилась до нас, но их отрывки были включены в работы других средневековых авторов. Он собирал географические сведения от паломников, купцов и других, путешествующих по исламским странам или по шелковому пути. Однако его интерес не ограничился только географией и он занимался другими науками своего времени, труды которых также, к сожалению, не сохранились. Занятие самого великого визиря процветающей Саманидской державы современными науками, при упадке

¹ Низам уль-мульк. Сиясетнаме.

² Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с.177.

культурного значения Багдада, послужили превращению Бухары с центром науки исламского мира, куда начали стекаться множества ученые, астрономы и другие «люди пера»¹. Абуфазл Балъами, сменивший Джайхани на посту великого визиря Саманидов, также был всесторонне образованным человеком и продолжил практику своего предшественника в покровительстве людей науки и культуры.

Из всего перечня науки и литературы самых высоких высот достигла таджикская литература, освободившаяся от «проклятия письма» зороастризма и созданная на основе единого таджикского языка (новоперсидского) языка. Основоположник таджикской литературы Абуабдулло Джафар Рудаки (ум. 941 г.), рожденного в горном селении центра Саманидской державы (Панчруд Заравшана), из-за своих незаурядных поэтических и музыкальных способностей был приглашен ко двору эмира Насра II. Его творчество в эмирском дворе, кроме сочинения великолепных стихов, также охватило наставничество над молодыми поэтами, собранного во дворе эмира, поэтому не только его современниками, но и выдающиеся таджикско-персидские поэты последующих веков считают его своим Учителем (Устомом)². Ярким примером достижения небывалых высот таджикской литературы уже при жизни ее основателя Рудаки послужил исторический случай. Эмир Наср II, инспектирующий своих западных владений в Хорасане, задержался на несколько месяцев в городе Герате и никто (ни великие визири, ни его военачальники, ни его жены) не мог уговорить его вернуться в свою столицу, только

¹Cambridge History of Iran.V. IV.-Cambridge, Cambridge University Press, 2008. s. 142; Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. - М.: Альпина Паблицер, 2017, с. 229-230.

² Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. –Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 512-514

Рудаки смог это сделать, символично воспевая величия то места (Джуи Муллиён) в Бухаре, где расположены дворец и диваны эмира в благородной Бухаре¹.

Необходимо отметить, что среди современников великого Рудаки как Абулхасан Шахиди Балхи, Абушакур Балхи и сотни других поэтов и Робиа Балхи, первой известной нам поэтессы, творили на родном таджикском языке². Этот исторический факт свидетельствует о той поэтической атмосферы саманидской эпохи, вовлекающей в свою орбиту также представителей прекрасного пола.

А кульминацией высоко полета таджикской литературы саманидской эпохи, несомненно, является бессмертная поэма «Шахнаме» великого Фирдоуси, аккумулирующей в себе почти трех тысячелетнего изустного творчества предков таджиков, начиная в легендарных таджикских шахиншахов (Пешдадидов) до последних доисламских династий (Сасанидов). Если «Сборник стихов» (Куллиёт) Абуабдулло Рудаки был создан при дворе самого эмира Саманидов, то «Шахнаме» Фирдоуси было создано при меценатстве саманидского наместника Абудмансура Абдураззака в городе Тусе³. Оно означало постепенное распространение практики меценатства от центра до всех уголков обширной державы. Авторы «Кембриджской истории Ирана» сообщают о том, что «ученые были желанны в бухарском дворе, так и в провинциальных дворах Саманидов, копировавших традицию Бухары.

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 229.

²Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. –Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 514.

³Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. сангл. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 234.

Поэты и рассказчики историй также были желанны, наиболее известным среди них был Дакики»¹. Ему, первому автору попытавшему изложить в стихах эпические предания таджикского народа, как и многим другим мыслителям того времени, был присущ вольнодумства, который «открыто говорит, что предпочитает всему прочему вино, губы возлюбленной и учение Заратуштры»². Абумансур Дакики начал свою творчество в дворе чаганианского наместника (граница южного Таджикистана и Узбекистана) и его широкие знания об эпической истории предков таджиков стали известны в Бухаре и эмир Нух II (976-977 гг.) пригласил его в свой двор. Здесь он получил поручения от эмира создать на основе широко распространенных среди таджикского народа эпических легенд создать «Книгу царей» (Шахнаме). Однако при собирании, по некоторым данным от 1000 до 20000 стихов, он пал от рук реакционных религиозных сил эмирата. Эта подготовленная Абумансуром Дакики часть сказаний впоследствии была включена в «Шахнаме» великого Фирдоуси³.

Историки, сравнивая состояния таджикско-персидской литературы в период правления иранских династий- Саманидов и их современников Буидов (правящих в центре Ирана), отмечают ее превосходство в Вароруде и Хорасане. Академик Бартольд пишет: «Буиды не принесли с собой из прикаспийских областей никаких литературных традиций, всецело подчинились арабской литературе и были совершенно равнодушны к персидской. Из персидских поэтов их государства

¹Cambridge History of Iran. V. IV.-Cambridge, Cambridge University Press, 2008, s. 154 ;

² Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с.178.

³Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. –Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 515.

ни один не получил известность; в то же время персидская поэзия продолжала развиваться в государстве Саманидов и их преемников в восточноиранских областях, Газневидов»¹.

Творение бессмертного «Шахнаме», куда были включены и первичные сборники Дакики, свидетельствует о характере того времени, когда таджикский народ, сформированный в единое из нескольких частей, завершил переход от устной традиции зороастризма в письменной фиксации всего научно-культурного и эпического наследия своих предков. Вышеуказанный специалист особо подчеркивает: «В мировой литературе оно (Шахнаме-М.А.) стоит совершенно одиноко, так как все остальные великие народы переживали эпоху расцвета своей политической жизни в такое время, когда обаяние эпоса уже было уничтожено книжностью»².

Таджикская литература, поднятой до небывалых высот уже при ее основателе (Рудаки) держался там еще несколько столетий не только в Вароруде и Хорасане, но и достигая берегов Бенгальского залива на юго-востоке и Босфорского залива на западе, благодаря продолжению саманидских традиций со стороны их преемников в лице бенгальских и сельджукско-османских султанов.

Всестороннее занятие географией и регионоведением при дворе эмира, инициированного великим визирем Абу Абдулло Джайхани, автором «Книга путей и государств», и послужило причиной приглашения ко двору в Бухаре многих ученых-географов, среди которых выделился Абузайд Балхи, ученик знаменитого философа аль-Кинди. Он составлял географические карты и комментарии к ним. Его труд дошел до нас по редакции двух других известных географов Абуисхака Истахри (ок. 951 г.) и Абулкасима ибн Хаукала (ок. 976 г.),

¹ Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с.179.

²Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с.179.

живших на западных областях халифата и поочередно посетивших Вароруд¹. Одним из известных географов того времени был Шамсиддин Абу Абдуллох Макдиси (ок. 985 г.), который положительно отзывался о труде великого визиря. Он писал: «Автор собрал иностранцев, расспросил их о царствах, как к ним проникнуть, каковы дороги к ним, также о высоте звезд и о длине тени в их стране, чтобы таким образом облегчить дело завоевания областей, знать пути к ним, также чтобы твердо знать звезды и круговращение небесного свода. Известно, как он разделил мир на семь климатов (поясов) и для каждого климата определил звезду»². Значение роли визиря Джайхани был так высок, что последующие географы сравнивали его с известным географом Ибн Хордадбехом, и использовали их труды для расширения географических знаний того времени. Повсеместное увлечение и занятие географией в саманидском периоде не могло не привести к появлению известного сочинения «Худуд-ал-олам» («Границы мира» неизвестного автора), где в центре обитаемого мира автор разместил Вароруд и Хорасан. Данное сочинение, написанное на таджикском языке (в 982-983 гг.), посвященный одному из саманидских вассалов, гузганского владетелю Абулхарису Мухаммаду ибн Феригуну, обладает в отличие от арабских сочинений, выходя за пределы исламского мира, ставит Вароруд и Хорасан в центр обитаемого мира³.

История также развилась в этой эпохе стремительно и разносторонне. К началу правления Саманидской державы приходилось изложение на арабском языке истории до мусульманского периода и первых годов распространения исла-

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. К. I.-М.: 1964, «Наука», с. 56-57.

²Цит. по Бартольду В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. К. I.-М.: 1964, «Наука», с. 57.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. К. I.-М.: 1964, «Наука», с. 58.

ма со стороны Мухаммада Табари, иранца-выходца из Табаристана (прикаспийская область Ирана, принадлежавшей Саманидам), в сочинении «История царей и пророков». Сближение иранских преданий с библейскими сюжетами составляли основу данного сочинения всемирной истории¹.

Здесь необходимо подчеркнуть, что изложение всемирной истории основывалась в ираноцентризме, так как мировой монархией признавалась не римская или китайская, а иранская (Ахемениды, Сасаниды). За этим народом признавался превосходство над всеми народами в государственном управлении, а за греками (и индийцами) в науке, за тюрками во военном деле, за китайцами в промышленности, а за арабами только в красноречии²

Вскоре Саманидский двор считал необходимым перевода данного сочинения (Таърихи Табари) на таджикский язык. Великий визирь державы сын знаменитого визиря Абуфазла Балъами Абуали Мухаммад Балъами в 963 году, взялся за перевод на таджикский язык этого известного исторического сочинения Табари. Он эту свою переводческую деятельность объяснил тем, чтобы «эмир и его окружения, а также те, кто хотел читать и понять смысл этой книги, не испытывали трудности (ли неудобства)»³.

Одним из видных историков Саманидской эпохи был Абубакр Наршахи (ум. 959), автор известного труда «История Бухары» на арабском языке (был переведен на таджикский язык в 1128 г. со стороны Абумансуром Кубави). Это историческое сочинение является незаменимым источником соци-

¹Бартольд В.В. Мусульманский мир. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 255-256.

² Бартольд В.В. Мусульманский мир. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 255.

³Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. –Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 506-507.

ально-политической жизни Бухары и областей Вароруда этой славной эпохи по сей день¹.

Эта традиция описания истории отдельного города или региона, заложенного Абубакром Наршахи и его предшественником Абуабдуллахом Бухари (ум. 924), была продолжена другими авторами. Историки сообщают о следующих авторах и их сочинениях: Абу Абдуллаха ал-Гунджар (ум. 1021) о истории Бухары; Абубакра Мансура Берсахи о истории Бухары; Абусаид ал-Идриси (ум. 1015) об истории Бухары и Самарканда; Абухафс Умар ан-Насафи (ум. 1142) об истории Самарканда; Абулхарис ал-Версини (ум. 927) «Книга о соперничестве людей Кеша и Несефа»; Абуабдуллах ал-Бейи ан-Нисабури (ум. 1014) о истории улемов города Нишапур (в VIII т.); Абуахмад ал-Кади (ум. 957) об истории Хорезма (Ал-Кафи) и др.²

Традиция изложения исторических событий, заложенных Табари, Наршахи и других историков саманидской эпохи выступил образцом для последующих поколений, продолжавшихся много столетий.

Абунаср Фараби (870-950 гг.), яркий представитель тюркского мира, великолепно воспользовавшийся таджикотюркским синтезом и культурным превосходством востока ислама, выступал достойным продолжателем научного наследия Аристотеля. Рожденной в семье тюркского военачальника он вместе занятия военным делом выбрал самообразования и в поисках достойных наставников совершил поездку и Дамаск и Багдад. В столице халифата он соприкоснулся к высоким наукам, включая наследия греческих мыслителей античности. Он, будучи великим философом сочинял на арабском языке и среди его многих трудов выделяется

¹Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. – Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 515.

²Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. К. I.-М.: 1964, «Наука», с. 60-62.

«Взгляды жителей совершенного града». Об устройстве правления, он был такого мнения «если все качества необходимые для правителя соединятся в одном лице, то этому лицу и должна вручена власть, если такого человека нет, то необходимо образовать комиссию из несколько человек чтобы если не каждый в отдельности, то все вместе обладали нужными качествами»¹. Об аскетическом образе жизни² и о незаурядных способностях Абунасра Фараби, свидетельствует сообщение (анекдот) исследователя из «Книги о нравах философов» о встрече буидского министра с ним. Министр Исмаил ибн Аммад долгое время искал встречу в великом философом, даже обещая награду тому, кто его приведет. Однажды в дом визиря пришел Фараби в одежде тюрка и присутствующие смеялись над ним и одновременно упрекая привратника, пустившего его. Через некоторое время он заиграл в лютне и своей игрой нарочно погрузил в сон все собрание; потом он ушел, написав в лютне «Абу Наср Фараби пришел, вы над ним насмеялись; потом он ушел; он погрузил вас в сон и исчез». Везир до конца жизни на забыл это происшествие»³. Это его музыкальное увлечение стал одним из причин жарких споров, идущих, как минимум с XIII века: был Фараби таджиком или тюрком? Ибн Халликан (1211-1282), писавшего через 200 лет после его смерти, что аль-Фараби - тюрк. По мнению современного специалиста: «при отсутствии каких-либо очевидных доказательств «тюркской гипотезы» можно отметить, что музыкальным инструментом, на котором играл аль-Фараби, с системой настройки, которую он так тщательно проанализировал, несомненно, была иранская лютня, распро-

¹Цит. по Бартольд В.В. Культура мусульманства. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 168.

²Бартольд В.В. Ученые мусульманского «ренессанса». Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 620.

³Бартольд В.В. Ученые мусульманского «ренессанса». Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 627.

страненная в то время в Центральной Азии и Иране и ставшая образцом для струнных щипковых инструментов от Гибралтара до Китая. Его музыкальный анализ включает в себя много терминов, употребляемых в согдийском и других иранских языках, но ни одного слова тюркского происхождения. Выдающийся исследователь греческой и арабской философии Димитри Гутас отметил, что и в других своих работах аль-Фараби использует ряд согдийских слов, но, ни одного слова из тюркских языков»¹.

Этот титан мысли Великой степи, рожденный в тюркской военной семье, воспитанного в высококультурной таджикской (согдийской) среде и творивший в арабском языке, был не только продолжателем идей Аристотеля, а поднялся на тот уровень полета мыслей, не ниже этого известного древнегреческого мыслителя.

Развитие точных наук в саманидской эпохе также не оставался от гуманитарных наук. Средневековый автор Са'алиби описал научную атмосферу столицы Саманидской державы Бухары: как «обителью славы, Ка'бой владычества, местом собрания выдающихся людей эпохи»².

Мощное развитие математика получило благодаря занятием Абуабдуллаха Мухаммеда Хорезми (780-850 гг.), совпадающей к времени перехода власти от Тахиридов к Саманидам. Этот великий математик, трудясь в столице халифата в течение почти полувека в Мерве и Багдаде, по сообщению исследователя: «систематизировал алгебру и дал ей название, в процессе предложив доступный метод для решения линейных и квадратных уравнений, который фактически и определял алгебру в течение следующих 500 лет. Он открыл область

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 191-192.

² Цит. по Бартольд В.В. Введение. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с. 54.

сферической тригонометрии, убедил арабов, а затем и европейцев принять индийскую (сейчас неверно называемую арабской) десятичную систему чисел, ввел в употребление ноль и отрицательные величины. Метод, который он разработал для выполнения арифметических действий с использованием индийских (арабских) чисел, привел к тому, что его имя, полученное от искаженной латинской формы, стало названием концепции алгоритма, более известного сегодня как точные инструкции, позволяющие компьютеру проработать огромные объемы данных для достижения нужных результатов. Помимо многих других достижений, аль-Хорезми собрал данные о точных значениях широты и долготы для 2402 мест на Земле - значительно больше, чем кто-либо до него»¹.

Великий астроном Абу Махмуд Худжанди, выходец из северного таджикского города на берегу Сырдарьи, также как Абуабдуллах Хоразми приобрел славу не только в халифате, но и в мировой науке. Он поистине считается изобретателем важного астрономического инструмента- астролябью. Абу Махмуд Худжанди, обучившись в Бухаре, позднее переехал ко двору Буидов, западных соседей Саманидов, со столицей в Рее (вблизи совр. Тегерана). Здесь он, по сообщению исследователей, «соорудил свой новый тип секстанта для определения угла между плоскостью земной орбиты и плоскостью земного экватора (так называемое «наклонение эклиптики»). Измерив высоту меридиана Солнца во время двух солнцестояний, Худжанди смог прийти к заключениям относительно наклона оси, результаты которых были намного точнее, чем у кого-либо ранее. Помимо вклада в астрономию аль-Ходжанди также приписывают доказательство теоремы синусов для

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 176-177.

сферических треугольников - уравнения, связывающего длину сторон треугольника с синусами его углов»¹.

Великий математик Абулвафъ Бузджани (940-998), выходец из Хорасана, сначала занимался наукой в Багдаде и позднее переехал в саманидское владение в Хорезм, где продолжил математическую традицию, заложенного здесь Абуабдуллаха Хоразми. По сообщению историков, он подготовил труд о математике, полезный для торговцев и государственных служащих. В нем содержались конкретные советы по расчету земельных налогов и денежным вложениям. Также в числе его работ книга о геометрии для ремесленников и еще одна - о практической математике. Поскольку индийская система исчисления еще не была принята, Бузджани описывал свои советы словами или в форме, требующей лишь наличия линейки и компаса. Метод разработки таблиц синусов и тангенсов позволили ему добиться результатов, которые оказались точны до восьмого десятичного знака в отличие от трех знаков, бывших у Птолемея. Применяв теорему синусов к сферическим треугольникам, Бузджани открыл путь для создания новых методов навигации в открытом море².

В Хорезме вырос талантливый ученик Бузджани астроном, математик, знаток тригонометрии Абунаसर Мансур ибн Ирак (960-1036 гг.). Он был наследником правящего дома Хорезмшахов. Он взялся за решение запутанных задач сферической астрономии, изучая «Сфеерику» Менелая Александрийского (70-140 гг.), а затем перешел к тригономет-

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 185.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 267-268.

рическим вычислениям Птолемея с хордами, в процессе приблизив тригонометрические функции к тем, которые известны нам сегодня¹.

Медицина также получила свое дальнейшее развитие. Если мы узнаем, что руководителем одной из первых больниц, построенных мудрыми Бармакидами в столице халифата Багдаде, стал представитель индийской медицины, то в скором времени мы становимся свидетелями, что медицинские науки стали бурно развиваться в местной почве. Али ибн Сахль Раббан ат-Табари(838-870), из Хорасана, который был первопроходцем в области педиатрии. Как отмечают специалисты: «Табари, из известной еврейской семьи из Мерва, изучал непосредственно душевное здоровье, психологические источники некоторых болезней и возможность лечения определенных состояний посредством терапевтического разговора между доктором и пациентом - в общем, психотерапию»². А его ученик знаменитый Закария ар-Рази из города Рея (865-925 гг.), по сообщению исследователей, показал наибольшую смелость в применении инструментов логики и разума к религии. Ар-Рази известен как первый истинный экспериментатор в медицине и наиболее образованный практик медицины до Ибн Сины. Он обучался в Мерве, его учителями были выходцы из Центральной Азии, наместник, отправленный Саманидами в Бухару, начал писать его великий сборник медицины. Ар-Рази был «отцом» иммунологии, первым, кто описал отличия оспы от кори, первым, кто написал об аллергии и

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 268.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 189-190.

о педиатрии (в работе «Болезни детей»). Он полностью посвятил себя работе с пациентами, и им глубоко восхищались за его преданность обществу, которому он служил¹.

Умственная борьба двух титанов Саманидской эпохи. Взлет человеческой мысли в Саманидской эпохе был таким потрясающим, что она, широко выходя за рамки мусульманской культуры, внесла в общечеловеческой мысли неоспоримый вклад. Рассмотрение творчества двух титанов мысли, первый из которых был воспитан во дворе саманидского наместника на северо-западе державы (Хорезме) и второй непосредственно в научных кругах и библиотеке самого сердца государства.

Старший из них, Абурайхон Беруни родился в 973 году вблизи города Хорезма, который в своем двадцатилетнем возрасте уже проводил астрономические наблюдения². Однакогражданская война в его родине³ заставил его покинуть Хорезм и примерно 995 году он прибыл в городе Рей (вблизи совр. Тегерана Ирана) и через два года был призван ко двору правителя Зияридской династии Кабуса Вашмгира. Здесь он подготовил свой первый серьезный труд «Хронология (история) древних народов» и посвятил его своему благодетелю Кабусу. Эта была первая попытка описания всех известных календарей и летоисчислений с древнейших времен. К 1010 году ему удалось вернуться к двору Абулаббасу Маъмуну, сына бывшего саманидского наместника, создавшего свое государство после падения Саманидов. До захвата Хорезма в 3 июля 1017 года грозным Махмудом Газнави, основателем

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. сангл. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 189-190.

²Cambridge History of Iran. Volume IV.-Cambridge, Cambridge University Press, 2008, s. 393;

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. К. I.-М.: 1964, «Наука», с. 293.

государства Газневидов на бывших левобережных землях Саманидов, он здесь продолжил свою государственную службу и плодотворное творчество¹. После подчинения Хорезма власти султана Махмуда он с некоторыми другими учеными по его требованию переехал в Газну. Абурайхон Беруни сопровождал войско Махмуда Газнави в Индию, где он проявил большой интерес к индийской культуре и языку (санскрит). Кульминацией его изучения индийского субконтинента стал его известный труд «Индия», оставившийся полным описание индийской религии, фольклора, философии, мифологии. Он обладал кроме родного хорезмского наречия таджикского языка, арабским, иранским, сирийскими, греческим и индийским (санскрит)². Его незнания тюркского языка свидетельствует о трех исторических фактах:

1. несмотря на формирования единого таджикского языка, еще сохранились в перифериях Саманидской державы, наречия данного языка, включая хорезмского наречия;

2. во дворе как Маъмуна в Хорезме, так и дворе султана Махмуда в Газни продолжали практику своих предшественников (Саманидов) по использованию таджикского языка в делопроизводстве и культуре (наряду с арабским);

3. к началу XI века самая северо-западная таджикская область еще сохранила свое восточноиранское наречие и преобладание тюркских наречий в этих краях наступило позднее.

По сообщению специалистов его перу принадлежит не менее 148 трудов в различные области: от минералогии до астрономии³, однако большинство из них ждут своих исследователей и своего издания до сих пор.

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. К. I.-М.: 1964, «Наука», с. 337.

²Cambridge History of Iran. Volume IV.-Cambridge, Cambridge University Press, 2008, s. 394-395;

³Cambridge History of Iran. Volume IV.-Cambridge, Cambridge University Press, 2008, s. 395;

Второй, младший из титанов Абуали ибн Сино, родился пр. 980 году в селении Афшин вблизи от Бухары в семье чиновника одного из 10 диванов (диван ал-харадж) Саманидской державы. Его отец, выходец из Балха, благодаря многолетней службы в бюрократической системе централизованного государства, после рождения сына, чтобы дать ему всестороннее образование перевелся на службу в центральное ведомство. Незаурядные способности самой юноши и высокая научная среда Бухари позволили ему уже в 18-летнем возрасте освоить абсолютное большинство наук того времени, включая медицину. Успешное лечение эмира Нуха II (976-997) позволили молодому Абуали ибн Сину получить доступ к знаменитой библиотеке эмира и расширить свой кругозор до небывалых высот¹.

Вскоре после угрозы Саманидской державы со стороны двух государств (Караханидов и Газневидов) он перевелся на службу к двору Маъмуну в Хорезме, а после требования к себе на службу со стороны султана Махмуда бежал на запад и скитался в иранских городах Гурган, Рей, Казвин, Исфахан и Хамадан. Несмотря на скитальческой образ жизни он ставил огромное письменное наследие, среди которых особое место занимает «Ал-канун ал-тиб» («Канон врачебной науки»)².

Научно-полемиическая переписка между двумя титанами эпохи Саманидов (Абурайхона Беруни и Абуали ибн Сино)³ ярко демонстрирует того исторического факта, наука, под-

¹Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. –Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 519.; Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 239, 251.

²Гафуров Б. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. К.И. –Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 519.; Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 252.

³ Бартольд В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с.181.

держанного со стороны высокообразованных эмиров и их эрудированных наместников, была поднята в Вароруде до небывалых высот. Анализ научно составляющей части данной переписки со стороны специалистов показывает о высоком уровне развития науки Саманидской эпохи, когда ведущие ученые спорят о массе и весе небесных тел; о гравитации на Земле; об аномалиях температуры Солнца и Земли; о вакууме; о возможности эллиптического движения небесных тел наряду с линейным и круговым; о множества миров; о различиях между физическим миром и метафизикой; о роли наблюдения и количественного анализа в достижении истины; о не цельности и завершенности созданного (Богом) мира; о соотношении между абстрактным мышлением и материальным миром и многим другим¹.

Рассмотрение этого образца научных дискуссий, дошедших до нас, демонстрирует того культурно-исторического фона, что Беруни, Сино и их современники выступают не только продолжателями идей древнегреческих мыслителей Аристотеля, Платона и других, но и, опорой на их наследия, новаторами во многих сферах науки, особенно, в астрономии, алгебре, всемирной истории, географии, этнографии, медицине и других. Как справедливо отмечает специалист: «христиане раньше и лучше мусульман ознакомились с произведениями греческой науки; но движение этой науки вперед и создание образцов для дальнейшей научной работы было делом мусульман. Даже самый передовой из восточнохристианских народов, сирийцы, не выдвинули ни одного ученого, который мог бы сравниться с Фараби, Ибн Синой, Бируни и Ибн Рушдом»². Другим словами, народы Вароруда (таджики

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Пер. с англ. -М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 255-259.

² Бартольд В.В. Культура мусульманства. Сочинения. Т. VI.-М.: «Наука», 1966, с. 152-153.

и тюрки) были на голову выше сирийцев и даже византийцев, выступавших наследниками древних греков, в продвижение научной мысли в средневековья.

Необходимо подчеркнуть, что в приобретении широких энциклопедических знаний Абуали ибн Синой и других мыслителей той эпохи немаловажную роль играла знаменитая библиотека эмиров Саманидской державы. Так описывает свое знакомство с этой уникальной библиотекой Абуали ибн Сина: «Я вошел в дом со многими комнатами; в одной комнате были книги по одной из наук. Я прочитал список древних [авторов] и спросил то, что мне было нужно. Я видел такие книги, которые многим людям неизвестно даже по названию; Я никогда не видел подобного [собрания книг] ни раньше, ни после»¹. Если учесть, что после падения дома Саманидов этот ученый много путешествовал, будучи в академии Мамуна/Сахля в Гургандже, столице Буидов в Исфахане, Багдаде и других крупных городах исламского мира, где он не нашел подобного «собрания книг», что ярко свидетельствует о том историческом факте, что саманидские эмиры не только материально поддерживали «людей пера», но и создали соответствующей образовательной базы для расширения их кругозора.

Таким образом, наличие эмирской библиотеки, толерантность к научным диспутам и деятельность большого количества ученых при дворе эмира в Саманидской эпохе был превращен в первоклассный эталон для подражания, что ее приемники Газневиды и Караханиды боролись не только за ее территории, но и за ее культурное наследие. В этой ожесточенной борьбе султан Махмуд Газневи вышел победителем, так как он, требуя в свой двор от двора хорезмшахов этих двух титанов, получил одного (Бируни), который с другими учеными содействовал блеску двора этого удачного военачальника-султана.

¹Цит. по Бартольд В.В. Введение. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с. 54

Этот опыт подражания Саманидскому опыту покровительства людям «пера», приведшему к кульминации «мусульманского ренессанса», был настолько глубоким и заразительным, что он широко распространился другими государственными образованиями в Центральной Азии и в сопредельных регионах мира до Нового времени.

2.7. Патронаж Саманидов над Великим шелковым путем.

Одна из блестящих книг, посвященных Великому шелковому пути называется «Золотые персики Самарканда», автор которого из всего колоссального перечня товаров, перевозимых в этом мировом торговом пути выбрал именно этот золотистый фрукт, а из многочисленных городов прошлого, выбрал столицу легендарной Согдианы- славный город Самарканд. Почему? Постараемся ответить пространно.

До эпохи формирования Великого шелкового пути древний мир уже знал ряд искусных народов, которые формировали и расширили межгосударственную и региональную торговлю. Наряду с египтянами, ассирийцами, индийцами, иранцами и другими народами древности, предки таджиков (согдийцы, бактрийцы, саки и др.) были активно вовлечены в международную сухопутную торговлю.

Шелковый путь образовался не на пустом месте, эта мировая торговая дорога выступила, по меньшей мере, преемником пяти региональных торговых путей:

1. Лазуритовый путь;
2. Нефритовый путь;
3. Царская дорога
4. Скифо-сакский путь;
5. Путь из Бактрии в Индию¹.

Известный российский археолог В.И. Сарияниди сообщает о функционировании в первой половине I тысячелетия до н.э. Лазуритового пути, по которому в древности, добываемую в Бадахшане благородную шпинель лазурита, доставляли в Иран, Месопотамию, Сирию, Египет и другие сопредельные страны. О значительных объемах перевозок этого очень востребованного драгоценного камня из Хорасана в

¹Мамадазимов А. Великий шелковый путь. История становления, расцвета и распада. -Душанбе, «Сино», 2014, с. 17

Месопотамию, свидетельствует тот исторический факт, что ассирийский правитель Тиглатпаласар III (VIII в. до н.э.) обложил подвластные области ежегодной данью во внушительном размере 9 тонн лазурита¹. Чтобы более ясно оценить данный объем, необходимо представить торговый караван, состоявший из 40 бактрийских верблюдов (верблюжья поклажа, в среднем состоит из 225 кг. груза), ведомый бактрийским купцом,двигающийся из Бадахшана через Бактрию, Маргиану, Герат, Гирканию, Мидию в Ассирию или Вавилон, а порой через эти древнейшие государства в Сирию, Палестину и, далее в Египет.

В V в. до н. э. лазурит стал проникать в древний Китай², однако не нашел там широкого применения, где продолжает доминировать с древнейших времен до настоящего времени другой полудрагоценный минерал – нефрит.

Несколько восточнее от конечного пункта Лазуритового пути в Бадахшане (через высокогорный Памир), из Хотана во внутренний Китай действовала торговая дорога, носившая название «Нефритовый путь», по которому возили этот минерал. По мнению российского исследователя: «Когда появился в Китае хотанский нефрит, сейчас сказать невозможно. Но уже было доказано, что во второй половине II тысячелетия до н.э. хотанский нефрит ввозился в Китай. Так, значительная часть из более семисот изделий из нефрита, обнаруженных в могиле Фу Хао в Аньяне, датированной временем правления У-дина (1238-1188 гг. до н.э.), была изготовлена из хотанского нефрита. Вообще число находок нефритовых изделий чжоуского и раннеханьского периодов (X-I вв. до н. э.) намного превосходит находки более поздних периодов. Этот любопытный и несколько парадоксальный факт можно частично объяснить западным происхождением чжоусцев, по видимому, имевших связь с населением Восточного Турке-

¹Любо- Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 88-100 с. 88 ???

²Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. - М. «Вост. лит.», 1981. с. 450

стана и впоследствии мигрировавших на восток»¹. Наличие относительно тесных связей древнекитайского государства Чжоу с северо-западными (варварскими) племенами *жунов* и *ди* приводится также в специальной главе о доме Чжоу и известным древнекитайским историком Сыма Цянь². Возможно также, что после ухода чжоусцев на восток, торговля нефритом отошла к сакским (иранским) племенам (кит. *ди* и *юечжи*), Они доставляли добываемый нефрит из Хотана (северном склоне Кунлуня) через Ганьсуйский коридор во внутренний Китай ко двору чжоуского вана (правителя).

Здесь необходимо отметить, что в отличие от других центров древнейших цивилизаций в древнем Китае нефрит занимал особое место, которое в других центрах принадлежало золоту. В Китае издревле бытует изречение «Золото имеет цену, нефрит же бесценен». В этой древнем государстве из нефрита изготавливались государственные регалии. Они играли важную роль в религиозных церемониях и украшали быт. Любовь и восхищение этим полудрагоценным камнем, который привозили издалека, отражены во многих памятниках литературы того времени³. Японский исследователь Эгами Намио убедительно доказал, что посредниками в торговле нефритом выступали юечжи (саки – кушаны - М. А.), до III в. до н. э., занимавшие обширные территории Западной Ганьсу и Восточного Туркестана. Об этом сообщает трактат «Гуань-цзы»: «На севере народ юйши (юэчжи) использует в быту нефрит», «Нефрит происходит с гор на границе с народом юйши»⁴.

¹Любо- Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.-М.: «Наука», 1994, с. 212

²Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. – М.: Восточная литература, 2001. с. 179-185.

³Любо- Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.-М.: «Наука», 1994, с. 212

⁴Цит. По Любо- Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути.-М.: «Наука», 1994, с. 213.

Вполне возможно, что в данной торговле наряду с саками - юэцжи, принимало участие чуть позднее согдийцы, начавшие переселение на восток из-за последствий «Антидэвовской реформы» ахеменидского шахиншаха Ксеркса (в 486 г. до н. э.) в Таримский бассейн и к северным границам Тибета¹. На наш взгляд, одной из вероятных причин окончательной победы в Китае периферийного государства Цинь, находившегося на северо-западе от других шести государств Поднебесной (Китая) в конце эпохи Чжаньго («Борющихся царств»), воспринимающееся среди других как «полуварварская» страна, состоит в том, что внутри Китая оно контролировало торговлю нефритом, очень востребованным всеми древнекитайскими государствами².

Древние иранцы времен Ахеменидской империи, создав обширную мировую империю, охватывающую три континента - Азию, Африку и Европу, впервые объединили почти все очаги древних цивилизаций (кроме Китая) в единую транспортную коммуникацию. Обширная территория империи от берегов реки Инд на юго-востоке и берегах Сырдарьи на северо-востоке до берегов реки Дунай (западного Причерноморья) на северо-западе и пустынь Нубии на юге выступила мощным стимулом развития торговли как внутри нее, так и с запредельными территориями. Они стали заботиться не только о сухопутной торговле в рамках обширной империи, но вышли на восточное и южное Средиземноморье, создав морской союз с финикийцами, стали усиливать и морскую торговлю. Они не только заботились о состоянии древних дорог, создав первую в мире государственную почтовую службу, но и строили новые дороги.

¹ Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. Вып. 16.- М. «Наука», 1975, с. 133

² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. – М.: «Наука», 1975. с. 39

Из серий древних дорог, функционировавших в пределах империи, особо выделяется Царская дорога, связывающая столицы империи город Сузы (вблизи Персидского залива) через месопотамские города с бывшей столицей Лидии (малоазиатское, греческое государство, завоеванного Киром Великим) - Сарды. Именно соединение Нефритового и Лазуритового путей с ахеменидской Царской дорогой выступило, во многом, началом функционирования шелкового пути его основным (центральным) маршрутом.

На северной стороне по евразийским степям почти параллельно географическому соединению этих трех региональных путей (Нефритового, Лазуритового путей и Царской дороги) до возникновения шелкового пути функционировал Скифо-сакский путь, проходивший, в основном, по современным южнороссийским и казахстанским степям.

Еще в глубокой древности древние греки выступили конкурентами финикийцев в морской торговле, создав свои торговые фактории не только в акватории Средиземноморья (в Сицилии и т. д.), но и в бассейне Черного моря. Здесь на северных берегах Черного моря греки установили взаимовыгодный торговый обмен с иранскими кочевыми племенами, которые по Скифо-сакскому пути транспортировали античные товары далеко в Сибирь, Алтай, Таримский бассейн (Синьцзян Китая), доходя до берегов Хуанхэ. В обмен они от них получали хлеб, ячмень, мех, шерсть и другие товары первой необходимости или предметы роскоши.

На наш взгляд, название этого степного пути как «Скифо-сакский путь» более подходит, так как в отличие от Лазуритового, Нефритового или Шелкового путей в нем не доминировал какой-либо конкретный товар (лазурит, нефрит, шелк, мех, хлеб или иной товар), а древние торговцы, которые выступили основными торговыми агентами этой торговой дороги. Тем более «отец истории» Геродот особо подчеркивал активность скифских народов в нем, а как известно, скифы на

востоке имели название - саки, поэтому целесообразнее назвать этот древнейший торговый путь именем его открывателей и основных пользователей. Примерный маршрут этой северной торговой дороги, берущий свое начало с северного берега Черного моря проходил вдоль берегу реки Дон и через южнороссийских степей, юга Уральских гор, казахстанских степей и джунгарских ворот выходил к Алтайским горам¹. О наличии торгового пути через ареал расселения скифосакских племен сообщают также и другие исследователи. Согласно мнению ведущего российского специалиста по хазарской проблематике «еще в VI в. до н.э. скифские и греческие купцы из Причерноморья путешествовали по степям вплоть до сказочной страны агриппеев, находившейся, по мнению Томашека, на северных склонах Тянь-Шаня. Во времена Плиния существовал путь от северных берегов Каспийского моря на восток через пустынные земли, населенные лишь дикими зверями и скифами-людоедами, в страну серов, т.е. в Северный Китай»².

Походы Александра Македонского на Восток среди различных последствий имели одно явное преимущество, так как географическое мировоззрение античных мыслителей было расширено до бассейнов рек Сырдарья, Инда и близлежащих к ним географических регионов. Греческие и македонские торговцы, обслуживающие эту огромную армию и последующие армии его полководцев, активизировали сухопутную торговлю между Балканским полуостровом, Средним Востоком и Центральной Азией. Образование Селевкидской державы, Греко-бактрийской и греко-индийских государственных образований вместо кратковременной империи Александра Македонского своими постоянными потребностями в

¹Любо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 89

²Артамонов М. И. История хазар. –Л. Изд. Гос. Эрмитажа. 1962. с. 402.

греческих товарах также поддерживали интенсивные торговые связи между Западом и Востоком.

На наш взгляд, со времен существования греко-бактрийских и индо-греческих государственных образований, возможно, еще ранее стал функционировать «Путь из Бактрии в Индию». Отец - основатель шелкового пути, китайский посланник Чжан Цянь, прожив год в Бактрии (в 127 г. до н. э.) обнаружил на местных рынках бамбук и китайские ткани¹. О существовании древнего торгового пути из Бактрии в Индию и наличие одного из узлов торговых центров на берегу Амударьи сообщают также античные авторы. «Аристул даже объявляет Окс (Амударьи- М. А.) самой большой из виденных им в Азии рек, кроме индийских. По его словам, эта река судоходна (и он, и Эратосфен заимствовали это известие у Патрокла) и много индийских товаров привозят вниз по течению в Гирканское море (Каспийское море- М. А.); отсюда их переправляют в Албанию (совр. Азербайджан- М.А.), через реку Кир (совр. Кура- М. А.) и следующие затем местности доставляют в Евксинский Понт (Черное море- М. А.)»².

Ко времени формирования шелкового пути Древний Рим, выступающий преемником морской (финикийской, греческой и египетской) торговли, стал непосредственным соседом по торговле с Парфянской державой, которая, в свою очередь, аккумулировала в себя наследие месопотамской и ахеменидской (сухопутной) торговли. А саки-кушаны, отступая на запад под натиском бывших своих вассалов гуннов, перейдя Тянь-Шань и особенно, Памир, неосознанно, соединили Нефритовый путь с Лазуритовым путем, которых в новом месте нашел Чжан Цянь. Отчет о западном походе к сакам -

¹Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М. : Вост. лит., 2010, с.202

² Цит. по Мукашева Р.Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности// Древний Восток и античный мир. - М. МГУ, 1972, с. 12.

юэцжи, особенно о наличие на западных странах статных коней, так необходимых ханьцам (самоназвание китайцев) в борьбе с грозными кочевниками, совершающими набеги, стал непосредственным поводом отправки большого китайского посольства (119 г. до н. э.) в эти страны. Эти посольства, в распоряжении которых было огромное количество шелка, стали первопроходцами этого легендарного шелкового пути¹.

Необходимо подчеркнуть, что формирование шелкового пути во всемирно - историческом плане совпало с образованием обширных древних империй Евразии. Эти два процесса шли параллельно и дополняли друг друга.

Образование обширных государственных образований с относительно устойчивой внутренней политикой способствовали расширению торговых связей от берегов Желтого моря до берегов Средиземноморья. Роль приводного ремня древнего мира, состоящего, в основном, из пяти империй (Хань, кочевая империя гуннов, Кушаншахи, Парфия и Рим) играл шелковый путь, который постепенно все больше притягивал их потенциал и ресурсы в свою орбиту. Наличие обширных государственных образований и их внешнеэкономическая деятельность в течении более трех столетий обеспечили устойчивость этого трансконтинентального торгового пути. Однако в последующие великие переселения народов (с II в. н. э.), охватившие также Великую степь, начали оказывать давления на функционирования шелкового пути.

В эти столетия колоссальных перемещений кочевых народов, сопровождавшие с многочисленными набегами и грабежами караванов и узловых центров шелкового пути, главным залогом его бесперебойного функционирования выступили многочисленные согдийские колонии, расположенные начиная от Ферганы и Хафттруда через Таримский бассейн и Ганьсуйский коридор, до столицы древнего Китая.

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М. .: Вост. лит., 2010, с.202

Часть бактрийцев и согдийцев, входящих в состав Ахеменидской державы (XII и XVI сатрапии) вынужденных переселиться на восток в Таримский бассейн из-за несогласия с религиозной реформой ахеменидского шахиншаха Ксеркса (в V в. до н.э.)¹, несколько оживили социально-экономическую, а затем военно-политическую ситуацию в новом месте обитания. Ученые археологи, на основе результатов археологических полевых работ в древних слоях в Таримском бассейне, подтверждают восточную миграцию земледельцев из Вароруда².

Одно из выдающихся достижений древнего оседлого населения Таримского бассейна, дошедшей до настоящего времени в колоссальных масштабах, является – прорытие подземных каналов-кяризов (отсутствующих в других провинциях современного Китая) и, а самое главное, содержание их в прекрасном рабочем состоянии. Эта древнейшая система орошения Востока имеет распространения от Персидского залива Ирана через Вароруд и Хорасан до восточных окраин Таримского бассейна (Турфан)³.

Необходимо подчеркнуть, три исторических аспектов, которые вынудили согдийских колоний выйти в один из главных ролях в функционировании и расширении Великого шелкового пути:

Откочевка далеко на запад саков-кушан из Ганьсуйского коридора (Китая) до северной Бактрии, тем самым оставив согдийским колониям задачу поддержания маршрута Нефритового пути, позже шелкового пути;

Запрет на эмиграцию китайцев за границу во время древних и средневековых государственных образований;

Сугубо дипломатическая роль торговых караванов Китая, рассматривающий отправку и прием торговых караванов как механизм налаживания и поддержания даннических связей.

¹ Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. Вып. 16.- М. «Наука», 1975, с. 299

² Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. Восточная литература, 1995, с. 103-105.

³ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, 2004.с. 51.

Поэтому с функционированием шелкового пути началась, с одной стороны (с востока) административная колонизация Ганьсуйского коридора и Таримского бассейна ханьцами и, с другой стороны (с запада) началась торгово-коммерческая колонизация региона со стороны согдийцев, проникнувших сюда задолго до начала этой международной торговой дороги. Данное взаимопроникновение и взаимодействие ханьцев и согдийцев по восточному маршруту шелкового пути (Ганьсу и Таримский бассейн), как свидетельствует достижения множества наук (археология, нумизматика, лингвистика, религиоведения, ирригация, политической истории и др.), в основном, носили мирный и взаимодополняющий характер. Специалисты красноречиво описывают постепенного вхождения согдийцев в посреднической международной торговле¹, распространения их торговой активности из Таримского бассейна в Западный Китай², а также их освоения крупных древнекитайских городов, включая его столицу, став известными в древнекитайских хрониках и исторических записках с китайскими фамилиями (Ань, Кан, Ши, Хэ, Ми и др.)³.

Здесь уместно подчеркнуть, что как свидетельствует этот отрывок известного специалиста по изучению шелкового пути, уже ко II веку, т.е. к начальному периоду функционирования этой мировой торговой пути, согдийцы основательно освоились в столицах империи Хань, став известными уже с китайскими фамилиями Ань (выходец из Парфии, позднее из Бухары), Кан (выходец из Самарканда) и многие другие. Они, в основном, удерживали доминирующее положение в каче-

¹ Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI), -М., . Изд. АН СССР, 1947, с. 206.

²Любо- Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 96.

³Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX- XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983, с. 247.

стве купцов-дипломатов в маршрутах шелкового пути более тысячелетия. В пользу этой мысли говорит сообщение другого российского специалиста, описывающее торговые дела и дипломатические связи в Китае времен «Пяти династий и десяти царств» (907- 960 гг.): «Среди согдийцев на первом месте по численности стоят выходцы из Бухары, носившие фамилию Ань; дальше идут представители Чача (или Шаш - совр. Ташкент - М.А.) (фамилия Ши) и только один посол был из Маймурга (фамилия Ми)»¹.

Таким образом, предки таджикского народа, особенно, согдийцы внесли весомый вклад в становлении и расцвета Великого шелкового пути и их язык превратился в язык межнационального общения (*lingua franca*) вдоль маршрутов этого трансконтинентального торгового пути. Упорное сопротивление Согдианы, одного из древнейших таджикских культурно-исторических областей, арабскому нашествию, было также, во многом, связано желанием сохранения своего торгово-экономического доминирования в восточных маршрутах этого международного торгового пути.

Согдийская торговая предприимчивость была широко известно всем народам древности и раннего средневековья, одну из примеров мы наблюдали выше в отправке торгового посольства тюркских каганов во главе с согдийским купцом Маниахом в столицу Византийской империи. Следующим примером может послужить характеристика согдийцев одним из знаменитых китайских (буддийских) монахов Сюань Цжанем «и отцы и дети помышляют о выгоде, богатство – в большом почете. Между знатными и простолюдинами с виду нет разницы- несмотря на большие богатства, они одеваются и питаются очень просто. Земледельцев и торговцев здесь

¹ Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX- XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983, с. 247

поровну»¹. Другими словами, когда этот буддийский паломник странствовал в начале VII века из Китая в Индию через Туран и Хорасан, торговцы Согдианы были многочисленным и составляли особое сословие в государстве.

Здесь можно провести некоторой параллели в действиях правителей Мекки и Согда. Если фактический правитель Мекки Абу-Суфьян долго противился созданию исламского общества и государства, видя в нем угрозы транзитному потенциалу своего священного города, то его сыновья и внуки, получили большую выгоду, став мусульманами и создав первую династийную империю-Омейядский халифат в Дамаске. Так и согдийские цари, видя угрозы себе и своих многочисленных торговых колоний вдоль шелкового пути со стороны арабского вторжения с флагом ислама, упорно сопротивлялись им, призывая в помощь всех своих союзников. А Саманиды, их преемники в престоле Согдианы, наоборот, получили максимум выгоды от транзитного расположения своей державы, расширив ее на север (Исфиджаб) и на юг (Систан), установив полный контроль во всех (трех) маршрутах и ответвлениях сухопутного шелкового пути.

Теперь в новых условиях, обширная Саманидская держава, пришедшая на смену небольшого Согдийского царства, установившего контроль над узловыми центрами шелкового пути, по сути, выступила правопреемником его исторической миссии, поднимая ее до глобального масштаба.

Отрадно осознать, что основную статью пополнения казны государства Саманидов за более сто лет своего славного правления составляла не грабительские набеги и вторжения в соседние государства или чрезмерный налоговый гнет своих подданных, а планомерное установление и удержание контроля над сухопутными маршрутами Великого шелкового пути на территории Турана, Хорасана и Бактрии (Тохаристана)

¹Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи). –М. “Восточная литература”. 2012. С. 40

с максимизацией таможенных пошлин. По сообщению известного американского ираниста Ричарда Фрая одной из важных источников пополнения казны Саманидов была работоторговля из тюркских рабов, которые к этому времени высоко ценились в Багдаде¹. Общеизвестно, что халиф Муътасим (833-84 гг.), брат халифа Мамуна, рожденной от тюркской наложницы халифа Харуна ар-Рашида, чтобы противопоставит власти хорасанской гвардии, стал рекрутировать из пленных тюркских рабов (Турана) собственной гвардии. Данная практика впоследствии получила широкое применение не только в столице халифата, но и его перифериях от Самаников на востоке до Фатимидов и последующих государств на западе. Поэтому огромный спрос на тюркских гулямов из-за их высокой выносливости и воинских качеств соответственно привел к оживленной работоторговле ими и так как основным источником их поступления из Великой степи, граничащей с Саманидской державой, приносили ее казне баснословные поступления.

Несомненно, основными источниками поступления Саманидов была и оставалась международная караванная торговля с Китаем. К времени возвышения Саманидской державы Танская империя (618-907 гг.) Китая находилась на зените своей славы, когда в ее столице (Чанъан) проживало 2 млн. человек! Как сообщает американский специалист Э. Шеффер: «со своими без малого двумя миллионами податного населения Чанъань была десять раз более многолюдным городом чем Гуанчжоу, расположенный на другом конце этой длинной сети рек и каналов. Пропорционально этому было больше и число иноземцев, живших в столице. Но здесь международная прослойка по своему составу была совсем иной, чем в южном порту. В столице жили главным образом выходцы с севера и с запада- тюрки, уйгуры, тохаристанцы, согдийцы,

¹Fray R. The Samanids.// The Cambridge History of Iran. V.4. –Cambridge University press, 2008, S. 150.

тогда как Гуанчжоу наполняли жители Тяма (район совр. Вьетнама- М.А.), кхмеры (камбоджийцы- М.А.), яванцы (жители острова Явы совр. Индонезии- М.А.) и сингалезцы (один из народностей совр. Шри-Ланки-М.А.). Но, правда, и в Гуанчжоу и в Чанъани жили много арабов, персов и индийцев. В целом иранское население были многочисленным. Танское правительство даже имело Ведомство сартхаваков (буквально, «погонщиков караванов»), чтобы блюсти их интересы»¹.

Создание и функционирование специального ответственного правительственного ведомства, которое регулировало деятельность караванной торговли, где доминировали согдийцы, свидетельствует не только о важности данного вида международной торговли для Танской империи, но и о ее размахе в годы возвышения Саманидской державы.

Здесь необходимо подчеркнуть, что В. В. Бартольд предполагает, что именно из этого санскритского термина “сартхавак” (“sarthavaha” или “sarthabaha”), означающий “погонщик караванов” берет начало название “сарт”, который впоследствии, выходя из узкого понятия “купец”, стал нарицательным именем всего оседлого городского населения Вароруда. Согласно его мнению, “в турецкой литературе XI века встречается слово “сарт”, но не в качестве народного названия, но как нарицательное имя, в смысле “купец”. Монголы в XIII в. употребляли образованного от этого корня слова «сартак» и «сартаул» в смысле «таджик» и «мусульманин», причем называли “сартаками” не только иранцев, но и турок-мусульман. Отуреченные потомки монголов в Туркестане (Вароруде- М. А.) в конце XV века употребляли слово «сарт» в смысле «таджик», противопоставляя язык и литературу сартов языку и литературе турок»².

¹ Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. - М. «Вост. лит.», 1981.с. 37

² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. -Л. Изд. АН СССР. 1927, с 18-19.

На наш взгляд, название «сарт», появившийся примерно одновременно с этнонимом “точик” (таджик), выходя из узкопрофессионального назначения, распространяясь на представления таджикского оседлого и городского населения Вароруда, пережило эпоху шелкового пути и дожило до начала XX века. Оно, положительно дополняя этнонима «точик», одновременно подчеркивало его традиционный образ жизни, а также его культуртрегерскую функцию.

Во время правления Саманидской династии согдийские и хорасанские торговцы доминировали не только в восточной окраине Великого шелкового пути, но они доходили до его западных окраин-мусульманской Испании. О чем информирует нас известная в исторической науке явления как «еврейско-хазарская переписка»¹.

Эта переписка состоялась между еврейским сановником испанских (андалузских) халифов Абдурахмана (912-961) и Хакима (961-976) Хасдая ибн- Шафрута и хазарского царя Иосифу (государство, расположенного в X в. европейском побережье низовья реки Волги). Она сообщает нам о ценнейшей информации о том, что многочисленные караванные купцы (сартхаваки) из Хорасана и соседних стран достигали далекой Испании со своими различными товарами и попутно выполняли также функции посильных для высших сановников различных государственных образований.

Первое письмо испанского сановника Хасдая ибн Шафрута написано примерно в осени 961года, в котором он сообщает хазарскому царю подробные сведения о своей стране, ее географическом положении и торговых сношениях испанского халифата, а также высказывает свою необычную радость по случаю получения им известия о действительном существовании независимого еврейского царства в отдаленной Хазарии. В свою очередь он просит царя сообщить ему,

¹Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, -134 с.

каким путем прибыли евреи в Хазарию и как именно произошло обращение хазар в еврейскую веру.

В своем ответном письме, царь Иосиф сообщает разные данные о происхождении хазар, их переход в еврейство и некоторые данные о стране и условия жизни в ней.

Сообщение испанского сановника Хасдая ибн Шафрута о торговых сношениях его государства имеет большое значение для нас: «так что приходит (в нашу страну) купцы из (отдаленных) краев земли и стекаются в нее торговцы изо всех городов и из далеких островов, из страны Египетской и из остальных верхних областей (стран, расположенных на востоке от Египта - М.А.). Они доставляют (в нее) благовония и драгоценные камни и все драгоценности Египта и она ведет торговлю с царями и властителями. Царствующий над нами царь собрал запасы серебра, золота и драгоценностей и массу богатств, подобных которым не собирал ни один царь, живший до него. Доходы его от купцов Сеннаара (Ирака – М.А.), торговцев Хорасана, купцов Египта и торговцев ал-Хинда (Индии – М.А.) из года в год достигают 100000 золотых (золотой динар - 4,25 гр. – М. А.) такова постоянная сумма его доходов каждый год, и эта сумма получается только от многочисленных купцов, приходящих (в нашу страну) из всех стран и их островов. Все их торговые отношения и все их дела идут не иначе, как через меня и по моему слову. Хвала и благодарение богу, сделавшему для меня (это) по великой милости своей, когда цари земли услышали о величии и могуществе его, они стали подносить ему приношения и искать его расположения посредством даров и драгоценностей, в их числе цари Ашкеназа (Германии - М. А.) царь Г-б-лимов, т.е. ал-Саклаб'ов (славян Чехии или Польши - М.А.) царь Кустантинии (император Византии – М.А.) и другие цари»¹.

¹Цит. по Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, с. 63.

Как вытекает из этого письма таджикские (варорудские и хорасанские) купцы в годы расцвета Саманидской державы охватили такую дальнюю страну, как Андалусия в Пиренейском полуострове. Самое интересное то, что сообщение о существовании Хазарского государства этот андалусский чиновник получил от торговцев Хорасана, «- (так продолжалось дело), пока не доставили мне известие посланцы, (пришедшие из) Хорасана, купцы, которые сказали, что существует царство у иудеев, называющихся именем ал- Хазар»¹.

Как стало известно, что во время Саманидской державы купцы из Вароруда и Хорасана, успешно продолжая торговую практику Согда, постепенно стали расширять ее не только в традиционном восточном направлении шелкового пути. Они, умело воспользовавшийся обширностью исламского халифата, охвативший и северной Африки и Пиренейского полуострова, стали осваивать и его западные окраины шелкового пути, доходя до берегов Атлантического океана. Таким образом, в годы правления Саманидской державы таджикские купцы установили свой контроль по всему сухопутному маршруту Великого шелкового пути, от берегов восточного (Тихого) океана до западного (Атлантического) океана, тем самым создав единую систему мировой торговли средневековья.

¹Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, с. 63

Глава III. РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТРАТЕГИИ САМАНИДОВ ПО МИРУ.

3.1. Саманидская традиция от Гурганджа до Гургана.

Уже в последние годы Саманидской державы, когда она все меньше сопротивлялась вызовам междоусобиц и внешнего вторжения, ее стратегия по использованию таджикского языка в делопроизводстве; сохранение ведущей роли великого визиря и бесперебойное функционирование государственных диванов; предпочтения суннитского эмирата/султаната над шиитским имаматом; поддержка ханафитского толка суннитского ислама; укрепление таджикско-тюркского синтеза; патронаж над Великим шелковым путем, и, особенно, меценатство над «людьми пера», не только дошла до окраинных ее областей, но и возбудила ревности ее грозных соседей.

До начала дележа колоссального социально-политического и культурно-экономического Саманидского наследия со стороны его грозных соседей-преемников, эта саманидская стратегия, превратившаяся в повседневной практики не только продолжалась, но и дала свои «провинциальные блески» в двух его отколовших частях - в Хорезме и Гургане. Даже в годы усиления угрозы дальнейшего существования Саманидской державы не только в ее центре, но и в отдаленных провинциальных городах продолжались взаимопроникновения и взаимодействия высоких идей и ценностей рационализма, которая, с боями, уступала свое главенствующее место в общественной жизни представителям реакционного духовенства («людям чалмы»).

Поддержание баланса между глубоким рационализмом лучших умов таджикского народа и других народов обширной державы и внешним блеском и ритуальными нормами, по сути, реакционного духовенства со стороны славных эми-

ров стала высшим эталоном для подражания сначала со стороны их просвещенных наместников, получивших свою независимость. Затем она стала престижной практикой для всех последующих династий, установивших свою власть в Вароруде и Хорасане, а также соседних регионах Евразии.

По сообщению историков, в тяжелые годы междоусобиц в Саманидской державе осени 996 года наместник Саманидов в Хорезме Абулаббас Маъмун Мухаммад, воспользовавшись удобной военно-политической ситуации, устранил от власти своего конкурента хорезмшаха, вассала Саманидов Абу Абдуллаха Хорезмшаха и овладел его владениями и титулом (хорезмшаха)¹. Находящийся в некоторой отдаленности от основного театра военных действий Хорезм даже после смены власти в Вароруде сохранил свою лояльность Саманидскому дому, когда преемник Абулаббаса Абулхасан Али Маъмун не только принял последнего из славных эмиров Саманидов Исмаила II Мунтасира, но и помог ему собрать войско, чтобы снова отвоевать престол предков².

На наш взгляд, лояльность хорезмского дома Маъмуну Саманидам и сохранение стабильности в Хорезме, далеко от мест бесконечных стычек и сражений за великое наследие Саманидов, послужило одной из основных причин переезда многочисленных «людей пера» из Бухары и других областей державы в столицу Хорезмшаха Абулхасана в Гургандж.

Абулаббасу Маъмуну и двум его сыновьям удалось создать собственное государство (Маъмунидов) с титулом хорезмшаха и в течение двух десятилетий превратить его не только стабильным и процветающим, но и культурным центром всего Вароруда. Караханиды, пришедшие к власти в Бухаре и всего Вароруда на основе молчаливого согласия реак-

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: Восточная литература, 1963, с.324.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: Восточная литература, 1963, с.330.

ционного духовенства, конкурирующих с учеными за внимания саманидских эмиров, стали доминировать, в основном, в архитектурных проектах государства. В остальном пальма первенства перешла к Хорезму.

Реакционное проявление духовенства также стало проникать даже в Хорезм, когда просвещенный хорезмшах Маъмун был убит в 997 году, в том числе, за свои увлечения наукой и литературой. Два его сына-преемника поочередно продолжали эту традицию Саманидов, принятого его отцом-вассалом у этой славной династии. Как утверждает специалист: «Наличие огромного количества книг и тот факт, что семья правителей оплачивала работу переводчиков, сделали библиотеку центром притяжения для писателей и различных ученых. Фактически она приняла эстафету у сгоревшего книгохранилища Саманидов в Бухаре»¹. По мнению данного специалиста главная заслуга расцвета культурной жизни Хорезма принадлежит визиру Абухусейну Сахли, который подчеркивает: «Именно к ас-Сахли пришла идея проводить научные вечера во дворце Мамуна в северной части города. Они были похожи на собрания у Бармакидов в Багдаде и на интеллектуальные вечера в Мерве, Балхе, Нишапуре или Бухаре. Наряду с декламациями стихов и обсуждением новых работ там происходили обсуждения и споры разного рода, организованные таким образом, чтобы подчеркнуть талант присутствующих там ученых. Единственным отличием этих собраний от других подобных было то, что именно на них присутствовали два величайших мыслителя Средневековья - Бируни и Ибн Сина, не говоря уже о множестве других выдающихся поэтов, писателей и ученых. Во время своего недолгого существования «академия Маъмуна» была интеллектуальным центром ми-

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 275.

ра»¹. Поэтому вернее и справедливее было бы назвать эту «академию», в отличие от «Академии халифа Мамуна», «академией Маъмуна-Сахли», так как начиная от мудрых Бармакидов, пошла традиция великих визирей руководить непосредственными делами по приданию блеска царственному двору посредством материального и морального покровительства над «людьми пера», которая получила в саманидский период наивысшей кульминации.

По сообщению узбекских специалистов, в этой академии многонациональным и многоконфессиональным коллективом велись научные изыскания во многих направлениях: от математики до астрономии².

После распада Саманидской державы и ослабление Буидов другому саманидскому вассалу на юго-западе, получившего независимость правителю Гургана Кабусу Вашмгиру (в. 998) удалось установить дружеские отношения с грозным Махмудом Газневидом. Это обстоятельство позволило ему превратить свое небольшое государство в один из центров постсаманидского покровительства «людям пера». Он в своем 17 летнем вынужденном изгнании в Хорасане и Вароруде вынужден был получить всестороннее образование и даже стать известным специалистом в арабской эпистолографии, а также сочинял стихи в таджикском и на арабском языках. Его двор после падения Саманидов, как и двор хорезмшаха Маъмунидов, превратился в центр сосредоточения поэтов и ученых, которым он стал покровительствовать. Два титана саманидской эпохи Бируни и Абуали Сино также в некоторые время были под его покровительством. Он своим религиоз-

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 275.

² Хоразм Маъмун академияси/Под ред. Б. А. Абдухалимова. - Ташкент, 2005. С. 104

ным верованиям он был суннитом и преследовал деятельность шиитов и мутазилитов в своих владениях¹.

Логическим завершением этого великолепного периода жизни самой юго-западной области Саманидской державы, на наш взгляд, стало известное назидательное сочинение («Кабус-намэ») внука эмира Кабуса Вашмгира Кей-Кабуса, посвященного своему сыну Гиляншаху².

«Кабус-намэ» по своему содержанию стоит между шуубитскими позициями и восхвалением правления султана Махмуда. С одной стороны автор сочинения преклоняется перед мудростью сасанидского шахиншаха Ануширвана, горделиво возводит свой род к легендарным витязям иранской эпопеи, с другой стороны родственными узами был связан с «борцом за веру» султаном Махмудом, его родичи склонились перед этим завоевателем.

Языком своего произведения, получивший на Востоке большую популярность, был не гилянский свой диалект, а устоявшийся к тому времени таджикский язык (дари). Известный российский востоковед Е. Бертельс, осуществлявший перевод этой книги на русский язык писал: «автор «Кабус-наме»-выходец из народности гилянцев, древнего населения южного побережья Каспийского моря. Вместе с тем автор, также как и вся его семья, был на протяжении долгого времени тесно связан с культурным кругом Саманидов. Можно с уверенностью считать, что язык, на котором написана книга, не был в то время литературным языком Ирана, а использовался почти исключительно в саманидских владениях, в основной массе населенными таджиками, это язык-Рудаки и Фирдоуси»³.

¹ Madelung W. The minor dynasties of northern Iran.// Cambridge History of Iran. Vol. IV.- Cambridge University Press, 2008, s. 215.

² Кей-Кавус «Кабус-наме»/ перевод Е. Бертельса. <https://booksee.org/book/599932> дата обращения 20.12.2020

³ Предисловие. Кей-Кавус «Кабус-наме»/ перевод Е. Бертельса. <https://booksee.org/book/599932> дата обращения 20.12.2020.

Эта мысль одного из ведущих российских специалистов свидетельствует о том историческом факте, что становления общепризнанной таджикско-персидской литературы, шла не параллельно с мусульманской культуры (с запада на восток), а наоборот, с востока на запад (с саманидских владений к будидским землям).

Построенная в 1006-1007г. гробница Кабуса Вашмгира в Гургане, дошедшая до нас, считается самым первым образцом таджикско-мусульманской архитектуры¹. Этот образец архитектуры Прикаспия и мавзолеев Саманидов в Бухаре, увенчанные прекрасным куполом (*гумбазом*), выступали также прекрасным эталоном для последующих архитектурных сооружений в регионе и за его пределами.

¹ Бартольд В.В. Культура мусульманства. Сочинения. Т.VI.-М.: Наука,1966, с.183.

3.2. Газневиды и Караханиды – первые правопреемники Саманидов .

Оба государства, пришедшие на смену Саманидской державы- Караханиды и Газневиды, формировались в орбите ее просвещенной политики. Усиление Караханидов, в основном, является результатом миролюбивой культуртрегерской политики Саманидов, когда принимающие от их рук новую религию-ислам многочисленные тюркские племена, постепенно консолидируясь, были втянуты в разносторонние отношения с огромным мусульманским миром. А государство Газневидов является непосредственным продуктом централизованной экономической политики Саманидов, когда частно-земельные владения (аристократическое дихканство) пришли к упадку и им на смену пришли крупные города¹. Поэтому саманидская армия, первоначально опирающаяся на ополчение многочисленных (таджикских) дихканских владений, после снижения их мощи после расширения государственной бюрократии, постепенно перешла к рекрутированию тюркских гулямов. Постепенно из числа этих усердных и амбициозных офицеров (*висакбаши*) вышли не только удачливые военачальники-наместники (*хаджиб, сипахсор*) и удельные князья-вассалы (Симжуриды и др.), но и создатели государств (Алптегин, Себуктегин и Махмуд).

Саманидские эмиры, придерживающиеся таджикско-тюркского синтеза, создали четко разработанную служебную лестницу для тюркского воина, когда он поступивший первоначально в пехоту армии эмира, постепенно, показывая усердия и храбрость, поднимался по военной службе до высших чинов в державе.

В деле продолжения Саманидской традиции (стратегии) между этими двумя государствами -преемниками больших

¹Бартольд В.В. Арабское завоевание и Туркестан при Саманидах.//Сочинения. Т.II.Часть I- М.: Восточная литература, 1963, с.122-123.

успехов достигло именно Газневидское государство. Это обстоятельство имеет ряд объективных причин:

-во-первых, как султан Махмуд, так и его предшественники (наместник Хорасана Алптегин и саманидский эмир Газни Себуктегин) вышли из среды централизованной бюрократической системы Саманидов и остались верными их традиций, а после распада державы, переняли их полностью у себя;

-во-вторых, они до конца были верными саманидским эмирам, несколько раз спасавших саманидских эмиров от внутренних беспорядков, устроенных удельными князьями типа Фаик, Бегтузун, Абуали Симджури и других. Как сообщают историки, даже первое владение Алптегина в Газни, созданное в 962 г. и потерянное его сыном и преемником Исахак в 965 г., было возвращено ему благодаря помощи саманидского правительства¹. А саманидский эмир Газни Себуктегин и его сын Махмуд более двадцати лет (977-999 гг.) стояли на страже саманидских эмиров против взбунтовавших наместников и вассалов. Только в последнее время, когда распад государства приобрел необратимый характер, тогда они включились в борьбу за саманидское наследие и включили хорасанское наместничество в свое государство². Летом 999г. Махмуд не принял традиционного саманидского титула наместников Хорасана (сипахсолора), а от себя назначил на этой должности своего брата Насра³, что означало окончательный переход власти на левом берегу Амударьи Махмуду.

- в третьих, население Хорасана и прилегающих областей на левом берегу Амударьи, является преимущественно

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.- М.: Восточная литература, 1963, с.311-312.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.- М.: Восточная литература, 1963, с.322-328.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.328.

таджикское, оседлое, которое сохранило свою лояльность преемникам Саманидов в лице Газневидов, бывших их вассалов. А в Вароруд с Караханидами из Великой степи хлынули разношерстные племена, превратив страну в место междоусобиц. В Хорасане стало возможно распространение со стороны Газневидов почти все элементы саманидской стратегии: использование таджикского языка в делопроизводстве; сохранение ведущей роли великого визиря и бесперебойное функционирование государственных диванов; предпочтение суннитского эмирата/султаната над шиитским имаматом; поддержка ханафитского толка ислама; дальнейшее укрепление таджикско-тюркского синтеза; патронаж над Великим шелковым путем, и, особенно, ярко выделялся меценатство над людьми «пера».

Как подчеркнул знаток Газневидской империи профессор К. Э. Босворт: «Полностью оставив свои языческие степные корни, Газневиды с энтузиазмом восприняли персидско-исламские (таджикские- М.А.) правительственные традиции, которые они нашли актуальными на своих недавно приобретенных территориях. Этому процессу принятия способствовала преемственность административного персонала с предыдущими режимами. Когда Махмуд захватил Хорасан, большинство саманидских чиновников остались на своем посту и просто передали свою верность новому правителю. Так, первый визирь Махмуда, Абу'л-Аббас аль-Фадл Исфара'ини, раньше был секретарем у Фаика (мятежный военачальник Саманидов- М.А. Некоторые чиновники, например кази Ширази, который был гражданским губернатором северной Индии в начальной части правления Масуда, имел опыт службы у Буидов. Подобные обученные люди приветствовались в администрации Газневидов, особенно, потому что расширение империи под руководством Махмуда расширило сферу ее де-

тельности и объем работы, с которой ей приходилось справляться»¹.

Другими словами, после утраты саманидской династией политической власти, не произошла тотальная зачистка или увольнение чиновников из ее знаменитой централизованной бюрократии, а она была востребована со стороны последующих династий, где усердствовали султаны Газни, так как им для управления новых земель были опытные администраторы.

В первые годы своего правления Махмуд Газневид, занятый с упорядочиванием и укреплением власти своей династии в борьбе со своим братом, с завистью смотрел в сторону Хорезма, где бывшие местные саманидские наместники-Маъмуниды, временно забрали к себе эстафету саманидской вождеденной просвещенной политики.

Махмуд Газневид, принявший титул султана (титул светского правителя) в подражания Саманидам, придал пышность своему двору и восстановил все государственные порядки своих предшественников-кумиров у себя в Газни, некогда периферийном саманидском наместничестве. Наиболее известность из числа великих визирей, приобретших в саманидской эпохе непререкаемый авторитет и незаменимость во главе государственных *диванов*, у султана Махмуда в долгие годы приобрели Абу'л-Аббас аль-Фадл Исфара'ини и Абулкасим Мейменди².

Однако мы обнаруживаем в административной системе султана Махмуда не все десять диванов, а пять ключевых из них: «по своей структуре администрация Газневида явно происходит из Саманидов в Бухаре. Было пять великих государственных департаментов: *дивани-вазорат*, департамент

¹ Bosworth С.Е. The early Ghaznavids. //Cambridge History of Iran. Volume IV.- Cambridge University Press, 2008, s.181.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.І. -М.: Восточная литература, 1963, с.337.

визиря, занимающийся финансами и общим управлением; *дивани-рисолат* главного секретаря, связанный с официальной и дипломатической корреспонденцией; *дивани-арди* - диван или военный секретарь, занимающийся сбором, организацией и оснащением армии; *дивани-ишраф*, главный мушриф, связанный с внутренними коммуникациями и системой шпионажа; и *дивани ваколат*, диван вакили хас, или контролер королевского двора, занимающийся управлением королевским дворцом и управлением имуществом короны. Все эти отделы были прерогативой персидских (таджикских-М.А.) секретарей, которые продолжали в них традиции и методы своего ремесла. Хотя султаны прислушивались к советам своих должностных лиц, они не обязательно принимали их, поскольку их власть теоретически не ограничивалась никакими другими людьми¹.

Пока султан Махмуд занимался укреплением устоев своего государства одновременно удерживал до 1017 года Маъмунидов Хорезма в орбите своей политики посредством брачной дипломатии, когда оба сыновья- преемники основателя государства Маъмунидов – Абулхасан Али и Абулаббас были женаты в сестрах султана Махмуда².

В 1017 году султан Махмуд удачно воспользовавшись междоусобицей в правительстве хорезмшахов Маъмунидов, разлагавшего из-за усилившего натиска с его стороны, вслед под предлогом наказать «убийц своего зятя- законного правителя», вторгся с 100 тысячной армией, усиленной 500 боевыми слонами в эту, отдаленной от его столицы, страну. Султан не только включил эту страну в состав своего государства³,

¹ Bosworth C.E. The early Ghaznavids. //Cambridge History of Iran.Volume IV.- Cambridge University Press, 2008, s.181-182.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М. :Восточная литература, 1963, с.337.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М. :Восточная литература, 1963, с.338-339.

но и, взяв с собой большинства участников академии Маъмуна/ Сахля во главе со знаменитым Абурайхоном Беруни, вернулся в Газни. С этого момента первенства меценатства над «людьми пера» перешел от Вароруда, к этой периферийной области Хорасана, находящейся у «ворот Индии». Как напоминает специалист, «правители Газни неустанно напоминали остальному миру, что их правление основано на утонченной и культурной модели Саманидов»¹.

А после первого удачного военного похода в Вароруд султана Махмуда (1025 г.) по просьбе одного из сторон, враждовавших между собой караханидских правителей, и изгнания узурпатора бухарского и самаркандского престолов Али-тегина, стал выставлять себя в сношениях с халифом как полномочным правителем всего востока (как «истинный преемник Саманидов»). Халиф обязался иметь сношения с Караханидами только через султана Махмуда².

Как и фактический основатель Саманидской державы эмира Исмаила Саманида султан Махмуд также, согласно общению средневековых и современных историков, обладал незаурядными способностями. Специалисты отмечают следующие качества султана Махмуда как неутомимая энергия, твердой воли, гениального ума, чувство законности, покровительство ученым, поэтам и улемам, увлечение архитектурой и садоводством, редкое использование к смертной казни, а также тщеславие, близорукий фанатизм и проявления деспотизма³. Нас, прежде всего, интересует такие его качества как

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017, с.320.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.338-348.

³ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с.319- 351; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М.: Восточная литература, 1963, с.349-355.

соблюдения законности в государстве, когда «даже конфискации имущества опальных старались придать характер законной покупки»¹. Эти качества также очень востребованы в нашем регионе по сей день.

Несомненно, главная заслуга султана Махмуда, даже при наличии отрицательных черт, была продолжения саманидской традиции покровительства над «людьми пера». Здесь главное, на наш взгляд, не мотив (тщеславие или искренность), а ее результат, когда высокий полет мысли, в основном, таджикских мыслителей, начавший в Багдаде, продолженный в Мерве, Бухаре, Нишапуре, Тусе и других городах Вароруда и Хорасана, не угас, а нашел дальнейший свой полет в отдаленном Газни.

Из многочисленных «людей пера», собранных во дворе султана Махмуда Газневида, как из выходцев хорезмской академии Маъмуна/Сахла, так и других научных кругов, несомненно, личность Абурайхона Беруни стоит особняком. Он, один из трех титанов Саманидской эпохи (Абуали Сино и Абунаsr Фараби), успешно продолжил свою научную деятельность и в новой столице. Если доскональное научное изучение нашего региона (древней Арианы- Вароруда) на западе берет свое начало с военных походов Александра Македонского, а современная египтология начинается с военного похода Наполеона в Египет, то индология в Центральной Азии (и во всем мире) начинается с военных походов султана Махмуда. Сопровождавший его этих походах Абурайхон Беруни, тщательно изучает древнеиндийский язык-санскрит, традиции и этнопсихологию индусов². В итоге появляется его фундаментальный труд «Индия», главная цель которого была «определить наивысшие достижения индийской мысли в раз-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения.Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.355.

² Гафуров Б. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. К.1. –Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 584.

личных научных сферах и проследить их источники»¹. Этой задачей успешно справился этот великий ученый, благодаря его «полевым исследованиям», когда он в протяжении долгих лет жил среди индусов, наблюдая за их повседневной жизнью.

Таким образом, великий ученый, живя в годы военных походов султана Махмуда, прекрасно осознавая о перспективе тесного соприкосновения между мусульманами и индусами, среди прочего, подготовил руководства для тех, которые вслед за этими(и последующими) походами пребывал в этот субконтинент для обустройства создаваемых новых государственных образований.

Творчество этого великого ученого было так плодотворно, что он написал более 180 трудов, из которых до нас дошли 22 из них, а также современные ученые допускают, что его географические и астрономические исследования привели его к мысли о наличии новых населенных континентов (Америк), которые были обнаружены по происшествии более 450 лет спустя².

Историография, начатой со знаменитым Табари, продолженная в саманидской эпохе (Наршахи и др.), нашла своей логического продолжения в этот постсаманидский период. Легендарная «Шахнаме» великого Абукаси́ма Фирдоуси, многовековая устная традиция предков таджикского народа, подробно и всестороннее изложенная на бумаге в первый раз, стоит в этом перечне особенно высоко. Фундаментальная поэма, имевшей как легендарной и исторической частей, начатая в саманидский период, была завершена в первых газ-

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с.320.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017, с.341-356.

невидских султанах и, по сложившийся традициям, была преподнесена султану Махмуду. Специалисты отмечают несколько вариантов последующего взаимодействия между великим поэтом и грозным султаном¹.

Придворным историком при султани Махмуде был араб из иранского Рея Абунаsr Утби, который описал хронологию и особенности его правления в известном историческом трактате «Таърихи Ямини»². Один из известных историков этой эпохи был Абусаид Гардези, который написал в 1048-1052 гг. на таджикском языке знаменитый исторический трактат «Зайн-ул-ахбор»³. А знаменитым историком этого периода истории Хорасана был Абулфазл Байхаки (995-1077 гг.). Он, будучи чиновником в один из диванов Газневидов (диван ул-расоил) в течении 19 лет, изложил свои наблюдения в своем 30-томном сочинении «История Масъуда» (сына и преемника султана Махмуда), небольшая часть которого дошла до нас⁴.

По мнению ведущего британского специалиста, после правления султана Махмуда были и другие правители, которые продолжали традиции Саманидов и первых Газневидов: «империя Газневидов в восточном Афганистане и северной Индии процветал во время сорокалетнего правления Ибрагима, и султан имел отличной репутации покровителя науки и религии, благодаря которому построены многие мечети, медресе и общественные здания. Он построил несколько новых крепостей в Пенджабе, а после 1076-7 гг. поручил управление Индией своему сыну Сайфу аль-Даула Махмуду, покровите-

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017, с.338-339.

² Гафуров Б. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. К.І. – Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 584.

³ Там же с. 585.

⁴ Там же с. 585.

лю известного поэта Масъуди Салмана»¹. Другими словами саманидская стратегия, взятая на вооружения первыми султанами Газни, выходцев из саманидской культурной среды, не были изменены или отвергнуты последующими, а была продолжена успешно.

В отличие от Газневидов, выходцев из военной бюрократии Саманидов, Караханиды, преимущественно кочевое государство, были их северными и северо-восточными соседями, испытывавшие на себе мощное культурное влияние своего соседа-предшественника в политическом олимпе Вароруда. Это культурное воздействие имело следующие аспекты:

-во-первых, первичное государственное образование карлуков-караханидов сложилось в Хафтруде, где имелись десятки согдийских городов, где уже много столетий шел согдийско-тюркский синтез, перешедший в таджикско-тюркский синтез в эпоху Саманидов;

-во-вторых, кочевые племена были вовлечены интенсивные и взаимовыгодные торгово-экономические отношения с централизованной Саманидской державой, которые, несомненно, существенно влияли на жизненный уровень кочевых племен и их социально-политических образований²;

-в-третьих, из Вароруде в Хафтруд шел не только движение газиев (борцов за веру), но и множество исламских миссионеров, которые вели в кочевьях иноверных племен деятельность, направленных на их приобщения к исламскому миру. Несомненно, были пытливые умы из этих кочевий, которые продолжили свои богословские поиски в медресе Бухары, Самарканда и других крупных городов Вароруда и Хо-

¹ Basworth С.Е. The political and dynastic History of Iranian World (A.D. 1000-1217)// Cambridge History of Iran. Volume V. - Cambridge University Press, 1968, s. 93-94

² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым», 1969, с. 93-103.

расана и новым религиозным багажом возвращались в свои кочевья или города;

-в-четвертых, по мере увеличения числа мусульман на территории государства Караханидов, несомненно, их традиционные элиты (ябгу, шады, тегины и ханы) также стали все больше тяготеть к исламу. Постепенно в течение десятилетий между кочевой элитой и бухарскими садрами Вароруда сложились патрон-клиенталистские отношения (отношения «пир-мюрид»), свойственного традиционному исламу, где доминирующее положение имели не первые, а вторые (религиозные авторитеты).

Бухарское духовенство, некогда пригласивший на бухарский трон Исмаила Саманида, распространившее позднее свое влияние, из-за централизаторской политики саманидских эмиров, не только повсеместно по всей территории державы, но и в сопредельные земли, постепенно охладило к представителям этой уточненной династии. Его недовольство было вызвано тем, что саманидские эмиры были увлечены не только распространением правоверного ислама, а больше внимания обратили к высоким наукам, всячески поддерживая людей науки и культуры. Нам известно, первоначальное негодование и подстрекательство реакционной части духовенства военной верхушки саманидской гвардии против вольнодумства просвещенного Насру II (914-943гг.), был своевременно погашен со стороны его сына-будущего эмира Нуха.

В следующий раз бухарские садры, завоевавшие умы и сердца простых подданных саманидской державы, кроме его двора, государственных диванов и «людей пера» (ученых), стали нацеливаться на распространение своей мощи и государственной власти. Теперь они пошли еще дальше, призывая правителей соседнего (кочевого, т.е. религиозно покорного) государственного образования на военный поход на «сердце» Вароруда. Даже забота Саманидов о религии и ее представителях в виде разработки религиозного руководства пра-

воверного (суннитского) ислама против мутазилитов и карматов (со стороны местного известного богослова Матуриды), рассмотренного выше, не остановило их от вероломства и предательства по отношению к их покровителей – просвещенных саманидских эмиров. Как справедливо подчеркивает авторитетный исследователь: «суеверные кочевники, сравнительно недавно принявшие ислам, были более усердными почитателями религии и ее служителей, чем культурное правительство»¹. Поэтому, когда официальное духовенство (имам-хатибы) Саманидов призвало население о мобилизации, оно, в свою очередь, обратилось к неофициальному духовенству (так называемым «факихам»). Оно, мотивируя борьбу двух государств не «за веру», а за «благ сего мира», не советовало им «подставлять себя для убиения»² и населения великой державы в судьбоносный час отступило (несмотря на того известного факта, что мужское население Вароруда повсеместно носило с собой оружие). Нам неизвестны факты «подкупа» этой части духовенства Караханидами³, однако допускаем, что в их общественном сознании доминировало не национальные идеи (принадлежности с саманидами к одному народу), а наднациональные ценности («все мусульмане-братья»), тем более они давно стали тяготеть от рационализма и высокого просвещения эмиров, великих визирей и «людей пера». Теперь «люди чалмы» из-за национальной близорукости и реакционности, отдавая свою национальную государственность, поднявший таджикского народа в число один из передовых народов тогдашнего мира, давший миру основной части «исламского ренессанса», в

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.329.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М.: Восточная литература, 1963, с.329.

³Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения.Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.329.

«алтарь жертвенности» истории. Теперь великолепный Вароруд и Хорасан постепенно, при суеверных иноземных правителях, превратились в периферию мирового развития.

В отличие от Газневидов, внедривших у себя саманидских традиций централизованной бюрократии, «у Караханидов, как у кочевых империй, понятие о родовой собственности было перенесено из области частноправовых отношений в область государственного права»¹.

Несмотря на преобладания кочевого характера нового государственного образования Караханидов, они, входя на регион с преимущественно оседлым населением, не могли полностью игнорировать элементы саманидской стратегий.

Таджикский язык сохранил свой статус официального языка государства, хотя оно имело полицентричный характер, когда столица государства, согласно кочевым традициям, стала часто меняться от Баласагуна, Узгенда к Кашгару и обратно, таджики составляли основной состав гражданской бюрократии. Хотя верховный глава государства носил кочевой титул «хана», его представители в оседлых городах (Бухара, Самарканд и др.) носили саманидские титулы «эмир», которые в каждый удобный случай стремились к отпаданию от политического центра.

Несмотря на то, что Караханиды переняли от Саманидов и их официального духовенства ханафитский толк суннитского ислама, как и абсолютное большинство населения Вароруда и Хафттруда, их отношения с неофициальным духовенством, по сообщению историков, оставались во всем протяжении их правления натянутыми. На наш взгляд, такой характер натянутых отношений между новой властью и традиционным духовенством, предавших своих прежних правителей, имеют следующие причины:

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения. Т.1.-М.: Восточная литература, 1963, с.330.

-во-первых, пригласив новых хозяев в бухарский (варорудский) престол послужных кочевников и относительно мирно передав им верховную власть, бухарские садры хотели выступить в роли их религиозных (духовных) наставников (пиров), направляющих их в «истинный путь». Другими словами, они хотели, активно участвовав в дележе «пирога» власти, «откусить» кусок пожирнее». А Караханиды, не переносив верховную власть от старых столиц в Бухару и Самарканд, дали понять, что они не готовы в дележе с ними высшей власти, тем самым, оставив их у «разбитого корыта», в качестве потенциальных изменников своей родины и династии;

-во-вторых, искреннее приняв ислам, Караханиды, типичные кочевники в прошлом и в настоящем, не могли полностью порывать с собственными наследиями. Употребление «непозволенной» пищи и напитков, открытое участие их женщин в государственные дела, не персонифицированный, а родоплеменной подход к властной структуре государства и многое другое шокировало это традиционное духовенство, воспитанное в иных ценностях;

Тем временем, в течение первых сорока лет междоусобиц, с включением в них как газневидских султанов, так и сельджуков предводителей, в результате которого варорудские (бухарские и самаркандские) караханидские эмиры получили свою самостоятельность от хафтрудских и таримских сюзеренов, влияния духовенство в этих вооруженных перипетиях были минимальны¹.

А когда самостоятельный караханидский правитель Бури-тегин, получивший титул Тамгач-хана Ибрагима в 1046 году (с резиденцией в Бухаре и Самарканде) то его отношения с традиционным духовенством, приобретшего абсолютного доминирования в повседневной жизни, стал тесными и, одновременно, натянутыми.

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. - М.: Восточная литература, 1963, с.332-348,356-364.

Историки, скрупулезно исследовавшие этот двуединый регион (Вароруд и Хорасан), отметили тенденции усиления мракобесия и нетерпимость в первом (Вароруде) к представителям науки. Как пример, они приводили жития влиятельного хорасанского шейха Абусаида Мейхани, к которому в начале своей упорной борьбы с султанами Газни пришли на поклон Сельджукиды. Этот шейх отличился также терпимостью к людям знания. Он имел разговор с ибн Синой, после чего шейх заметил: «То, что я вижу, он знает», а философ в ответ сказал: «То, что я знаю, он видит». Такое отношение известного богослова к философу, столь ненавистному представителям правоверия (Низам уль-Мульк запретил преподавания философию в «Низамиях»¹), как отмечает историк, замечательным. Те шейхи, которыми пришли в столкновение Каракханиды, по-видимому, по мнению историков, не отличились таким миролюбивым характером².

По сообщению средневековых историков (Ибн Асир), Тамгач-хан Ибрагим был благочестивым правителем, который не предпринимал никаких фискальных (налоговых) мер, без согласования в факихами (с исламскими правоведами). Даже такой благочестивый правитель пришел в столкновение с духовенством, в результате которого был казнен шейх, имам Абулкасим Самарканди, несмотря на недовольства местного населения этим крайним шагом хана, народ был на стороне светской власти³.

Специалисты отмечают государственный подход к управлению делами страны, забота о подданных и тяга к со-

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с.380.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: Восточная литература, 1963, с.373-374.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: Восточная литература, 1963, с.375-376.

циальной справедливости данного караханидского хана. В пример приводят случай с мясниками, пришедших к нему жалобой о малой выгоды от продаж и в обмен на повышения цен предложили ему 1000 динаров. Хан согласился на их предложения и после повышения цен на мясо запретил под страхом смерти покупать мяса. Мясники терпели большие убытки, а народ в складчину покупали мясо и делили между собой. Теперь они снова обратились к хану, тот согласился к возвращению к первоначальной цены, но с выплатой очередной оплаты в казну (еще 1000 динаров). В итоге хан отметил: «Нехорошо было бы, если бы я продал всех своих подданных за 1000 динаров»¹. Воистину государствоведческий подход к управлению страной и забота о своем населении, а не о его привилегированной части, востребованные и в наши дни. Этому правителя также приписывается успешная борьба с разбойниками, проявляющиеся и распространяющиеся в нестабильные времена междоусобиц: «однажды он увидел надпись в самаркандской цитадели «Мы подобны луку: чем больше срезают, тем больше мы вырастаем». Он велел в ответ написать: «Я стою здесь подобно садовнику: сколько бы ни выростало вас, я вас вырываю». Вскоре хан нашел способ «с корня вырывать» эту проблему»².

Его сын и преемник Шамс уль-мульк, взошедший в трон после отречения от власти его отца (1068г.), продолжил политику отца о заботе над народом. Он продолжал кочевой образ жизни, когда к зиме находился со своей армией вблизи Бухары. При этом он распорядился, что его воины не бесчинствовали и не притесняли местных жителей, когда после захода солнца ни один его воин не должен был оставаться в черте города. Несмотря на это, борьба между светской и религиозной

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. - М.: Восточная литература, 1963, с.375.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. - М.: Восточная литература, 1963, с.374-375.

властью в караханидском государстве продолжалась, и хан в начале своего правления казнил в Бухаре имама Абуибрахима ас-Саффара, который «побудил хана исполнять предписания религии и удерживал его от запрещенного»¹.

Во время правления его преемника Хизр-хана (с 1080 г.), по сообщению средневековых и современных историков, была почти полностью восстановлена саманидская традиция покровительства над поэтами. Они приводят в пример обычай государя и вельмож Вароруда ставит в залах аудиенции подносы с золотом и серебром; во дворе самого хана было четыре таких подноса и на каждом из них 250 динаров; однажды все четыре подноса достались одному поэтому².

А во время правления его преемника хана Ахмада, противостояние светской власти с духовенством дошло до своего апогея. В начале правления этого хана был казнен визирь Абунаसर Касани, бывший главный казий у предыдущего хана. Молодой хан стал притеснять населения и шафиитский факих Абутохир ибн Илк от имени народа призвал в страну сельджукского султана Маликшаха. В 1089 султан занял Бухару и затем Самарканд, отправив плененного хана в свою столицу (Исфахан), дошел до Узгенда (бывшей южной столицы Караханидов). Сюда пришел с выражением покорности кашгарский хан, согласивший читать хутбу и чеканить монеты сего именем. Султан, оставив своего наместника, вернулся в свою столицу. Через некоторое время Маликшах вернул хана Ахмада в трон в Вароруде, где против него встало духовенство и примкнувшие к нему часть военной верхушки. В 1095 году, самаркандские факихи и казии обвинили хана в сношениях с еретиками-дейлемийцами (шиитами) во время его пребывания в Иране и вынесли фетву о его низложении. Вскоре, низ-

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения.Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.378.

²Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения.Т.1.-М.:Восточная литература, 1963, с.378-379.

ложенный с престола, Ахмад-хан встал впервые в истории Вароруда перед судом духовенства и не признал себя виновным. Судьи посчитали улики достоверными и приговорили его к смертной казни (задушить тетивой лука)¹.

Таким образом, традиционное духовенство, за почти сто лет истории послужившее уходящей саманидской эпохе, превратилось не только в мощную силу, способную не только сменить власть (путем призыва правителя соседнего государства), но и путем выноса смертного приговора даже высшему светскому правителю государства. На наш взгляд, это обстоятельство нельзя назвать балансом между светской и религиозной властью в Вароруде, а резкое снижение терпимости к вольнодумству и рациональному подходу в жизни. Результатом данного обстоятельства мы наблюдаем отсутствие в этой (караханидской) эпохе плеяды великих ученых и мыслителей, очень характерной в предыдущей саманидской эпохе.

Однако высокий полет мысли саманидской эпохи не прервался полностью, часть «люди пера» ушли ко двору султана Газни, а местная интеллектуальная мысль еще продолжала творить. Сверх этого в таджикской литературе наряду с поэзией, начала развиваться проза. К ценным произведениям данного типа относятся «Синдбаднаме» Захирии Самарканди и «Чахор мақола» («Четыре беседы») Низоми Арузи Самарканди².

Вторичный блеск просвещения Вароруда был достигнут только через 300 лет во время великих Темуридов, когда его пламя взвыла вверх перед долгим и мучительным угасанием до Нового времени.

Несмотря на противостояния варорудских караханидов с традиционным духовенством (ханафитский толк сунниз-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. - М.: Восточная литература, 1963, с. 379-380.

² Фафуров Б.Ф. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. К. I. - Душанбе, «Ирфон». 1998, с. 590-591

ма), их хафтрудская и кашгарская ветвь внесли достаточный вклад в постепенном превращении буддийского Таримского бассейна в крайний исламский мир. Не местном уровне вышли две достойные представители тюркского народа – Махмуд Кашгари и Юсуф Баласагуни, творчество которых продолжали лучшие традиции таджикских и арабских мыслителей.

Исследователи особо отметили постепенное распространение элементов мусульманской культуры среди этой династии. Академик Бартольд отмечает в тюркской поэме «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни некоторые культурные элементы (слово «битикчи»- «писец», «чиновник») ¹. Другой современный исследователь видит в этом сочинении, означаемом «Благодатное знание», агитирующего за (саманидской) традиции восприятия «визиря в качестве единственной опоры правителя, а, следовательно, и общества. Да, есть знать, войско, религиозное право, но ничто из этого не обеспечивает обществу мир и безопасность. Только наличие опытного и энергичного визиря позволит хану эффективно править, а обществу процветать» ². Этому тюркскому мыслителю принадлежит поучительное изречение: «государство создается мечом, а поддерживается мудростью» ³, что среди прочего указывает на взаимоотношения грозного султана Маликшаха и его мудрого великого визиря Низам ул-Мулька. Данное изречение боле точно указывает на того «разделения труда» между тюркским и таджикским народами в обширной Азии, когда первые «ударом меча» создают новые государственные

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. - М.: Восточная литература, 1963, с. 374.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 314.

³ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 317.

образования и туда приходят таджики, которые с помощью «пера» обустроивают этого ново освоенного государства. История Востока до Нового времени дает нам десятки примеров такого сотрудничества.

Другой современный исследователь, подытоживая анализа сочинения («Лугат-ат-турк») следующего тюркского мыслителя эпохи Караханидов Махмуда Кашгари, где впервые отмечена в карте даже далекая Япония, отмечает: «труд аль-Кашгари предстает, во-первых, как политически мотивированное прославление всего тюркского, написанное для аудитории, состоящей из персов и арабов, только начинающих осознавать тот факт, что отныне ими управляют тюрки. Аль-Кашгари, опираясь на обширные полевые исследования и на собственное наследие, убеждал их, что все будет хорошо и что перед ними откроются новые возможности. Но они должны четко понимать новые реалии. Аль-Кашгари заявлял, будто Пророк указал на превосходство тюркской культуры и самих тюрков. Любой, кто будет настолько глуп, чтобы оспаривать это, «подвергнет себя обстрелу стрелами»¹. Если наш великий Пророк поистине указал в священном «Коране» тот факт, что «дети Салмона (иранца) найдут новое знание даже на Луне», то теперь просвещенный представитель тогдашнего тюркского мира, аргументирует превосходство своей культуры (опираясь на «копья», которого хорошо метет!), опираясь на силу политической власти.

Однако великолепные идеи этих двух тюркских мыслителей, выраженных на тюркском языке и литературе, смело входивших (даже «стрелой» на руке) в интеллектуальную среду Вароруда, Хафтруда и Тарима (всего Турана), к огромному сожалению, не нашли продолжения после них. Возмож-

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблицер, 2017, с.303.

но, этому препятствовало серий сокрушительных нашествий Турану из восточных окраин Великой степи.

Из всего перечня саманидской стратегии караханиды больше всего преуспели в заботе о стабильном функционировании великого шелкового пути, когда они стали повсеместно строить караван-сарай, включая в горных перевалах¹. Они также продолжали использовать таджикский язык языком делопроизводства государства, их титулатура (хан) была близка к светским исламским титулам- эмир/султан, чем религиозным титулам (имам), они приняли от саманидов ханафитский толк ислама, а также поддерживали таджикско-тюркский синтез, бывшие на вооружения у саманидских эмиров. Если саманидские эмиры в свою армию в больших количествах рекрутировали тюркских воинов, то теперь, Караханиды, выходцы из самой тюркской военной аристократии, в свою очередь, остро нуждались в таджикской гражданской бюрократии и торговцев. Специалисты также отмечают их приверженность к саманидской финансовой политике, когда они продолжали чекан известных тогдашнему миру саманидских (золотых и серебряных) дирхемов².

Как указывают специалисты, также в архитектуре Караханиды последовали саманидской традиции, когда мавзолеей Саманидов в Бухаре послужил образцов строительства мавзолеев для их правителей в Узгенде, одной из столиц караханидских ханов.

Необходимо отметить, что в постсаманидских государственных образованиях не только сохранилась традиция о высоком положении придворного поэта, а получила свое ло-

¹Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с.298-299.

²Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 299.

гическое продолжение. Султан Махмуд Газневи впервые ввел для своего главного придворного поэта Абукаси́ма Унсури звание «малик аш-шу'ара - «царь поэтов». Это звание, по мнению специалистов, не имело аналогов у арабов, было не просто почетным, но и должностным. «Царь поэтов» Абулкасим Унсури был руководителем тех больших работ, которые осуществлялись при газневидском дворе по собиранию преданий старины, их классификации и отделке¹. А позднее, при Сельджукидах, «малик аш-шу'ара» становится своего рода директором отдела поэзии двора. По сообщению специалистов, «малик аш-шу'ара» Му'иззи (1049-1125 гг.) при сельджукском султানে Малик-шахе выполнял роль цензора, редактора и консультанта, заказывающий и выправляющий стихи; через его руки проходили все произведения, прежде чем быть представленными султану. Он также связывающее звено между поэтами и меценатом, ведавший зачислением на службу и выдачей жалованья². Известный российский специалист таджикско-персидский литературы Е. Э. Бертельс полагал, что руководящая и редакторская роль «малик аш-шу'ара» была столь значительной, что сказывалась на выработке, единого, по тематике и стилю, литературного направления для всего подчиненного ему круга поэтов, что особенно характерно для до монгольского времени³.

А автор «Четырех бесед» Низами Арузи, утверждавший о важности наличия при дворе четырех профессий (писца, поэта, астролога и врача) перечисляет несколько почетных званий для придворных стихотворцев, где помимо «малик аш-шу'ара» были и «амир аш-шу'ара («князь поэтов»), «хваджа

¹ Ворожейкина Литературная служба при средневековых дворах.//Очерки культуры средневекового Ирана.-М.: «Наука», 1984 с. 142.

² Ворожейкина Литературная служба при средневековых дворах.//Очерки культуры средневекового Ирана.-М.: «Наука», 1984 с. 143.

³ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы.— Избранные труды. М.: «Наука», 1960,с.125

аш-шу'ара» («глава поэтов»), «сайид аш-шу'ара» («господин поэтов»). Сюда он, помимо состоящих на постоянной службе при дворах поэтов, перечислил сюда «приходящих и уходящих» стихотворцев¹.

О месте и роли поэта при дворе были изложены также в известных средневековых сочинениях как «Кабуснаме»² и «Сийасатнаме».

¹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы./Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной, ред. А. Н. Болдырев. М., 1963, с. 74-78.

² Кей Кабус. Кабус-наме./Пер. Бертельса. Гл. 35 «О правилах поэзии».

3.3. Сельджуки - прилежные ученики Саманидов.

Эмир Исмаил Саманид своим первым военным походом на север (до Тараза), на правый берег Сырдарьи, кроме других задач, также решил споры о расселении и пастбищах между кочевыми племенами- туркменами-огузами, кочевавших в среднем и нижнем течениях Сырдарьи и близлежащих степях, и карлуками, обитавших в верховьях этой реки и в Хафтруде.

Специалисты, опираясь на географические произведения средневековых авторов («Нузхат ал-муштак» Идриси и др.), определили пределы обитания огузских племен «в степной полосе Средней Азии (Центральной Азии- М.А.) от Южного Прибалхашья до низовий Волги. Кочевья огузов были разбросаны по Иргизу, Уралу, Эмбе, Уилу, по побережью озера Аралсор. Огузы населяли также Приаралье, долину Сырдарьи, предгорья Сырдарьинских Каратау, обитали в долину Чу, Таласском Алатау, низовьях реки Или»¹.

Этот автор допускает, что на этой обширной территории обитали не только огузские племена: «наиболее компактно они жили в Приаралье, Северном Прикаспии, в нижнем течении Сырдарьи. Отдельные группы огузов обитали в Семиречье, где в X в. среди местного тюркоязычного степного населения преобладали карлуки. Огузские племена, населявшие Южное Прибалхашье и побережье реки Чу, были независимыми и имели своих вождей»². В известном средневековом географическом произведении «Худуд ул-алам» неизвестного автора в перечне известных и подробно описываемых областей того времени отдельно приводятся, среди других областей, две области огузских племен- область «токузгузов и (та-

¹ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым», 1969,72.

² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым», 1969,72.

тар)» и область гуз (огузов)¹. Это обстоятельство также свидетельствует о том историческом факте, что в X в. огузские племена обитали в обширных территориях в пустынно-степной части современной Центральной Азии.

Несомненно, до распространения культурного влияния ислама Саманидами, эти племена имели собственные (различные) верования, поэтому первоначально эти территории соприкосновения между оседлым (исламским, преимущественно, таджикским) населением и кочевниками стали полем противоборства между ними. Как пишет Истахри: «все границы Мавераннахра (Вароруда-М.А.) место военных действий: от Хорезма до окрестностей Исфиджаба (совр. Шымкентская область Казахстана) с тюрками- огузами, от Исфиджаба до отдаленных мест Ферганы- с тюрками- карлуками»². Этот отрывок сообщения известного средневекового географа свидетельствует о том, что область Исфиджаб служила своеобразной границей между огузскими и карлукскими племенами. Именно через этих земель прошел со своим войском эмир Исмаил Саманид до Тараза (874г.), где местную церковь он превратил в соборную мечеть. Этот исторический факт можно расценить как начальный поступательный этап внедрения и расширения ислама и мусульманской культуры среди кочевых племен правобережья Сырдарьи. Несомненно, до этого через эти кочевья и города Хафттруда проходили торговые караваны с таджикскими (мусульманскими) купцами, а также отдельными миссионерами или их группами. Однако создание соборной мечети в узловом торговом городе (наряду с другими) северного маршрута шелкового пути выступает мощным катализатором постепенного перехода местного (как оседлого, так и кочевого) населения в новую религию-ислам.

¹Худуд-ул-олам, Ибни Ҳавқал. Сура-ул-арз, Муҳаммад Обиди Иршод. Чаҳорбоғи гулҳо.- Душанбе, «Адиб», 2008, с.50-57.

² Цит. по Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым», 1969,76.

Специалисты допускают, что туркменами именовались часть огузов и других тюрок, смешавшихся с потомками древнего индоевропейского населения (таджиками) региона. Самоназвание «туркмен» появляется главным образом в ареале расселения огузов, принявших ислам¹. Согласно версии академика Бартольда, термин «туркмен» впервые появляется в мусульманской литературе с второй половины X в. у географа Макдиси, который размещает их в пограничных полосах мусульманских владений в Средней (Центральной) Азии². Известный российский филолог В.А. Лившиц, на основе анализа согдийских (юридических) документов с горы Муг, допускал, что слово «туркмен», приведенного в один из этих документов, могло иметь согдийского корня³. Относительно мирное сосуществование предков таджикского и туркменского народов (наряду с другими тюркскими народами), когда их населенные пункты и кочевья чередовали друг друга, выступает, вероятнее всего, тем историческим фактом, что туркмены (как и ранее тюрки) получили свое название от согдийцев, населявших эти области с древних времен.

Верховная власть этих мест после саманидских походов, принадлежала им, которая на месте осуществлялась непосредственно владельцем Исфиджаба, который не платил никакой дани, а только отправлял в Бухару подарки, в качестве символичной (завуалированной) дани⁴. Данное обстоятельство, т.е. освобождение от оплаты дани этой приграничной области (Исфиджаб), скорее всего, исходило из того, что со-

¹ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым», 1969, с. 76.

² Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 548

³ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма./ Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: «Восточная литература», 1962, с. 177 прим.4.

⁴ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения.Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 548

бренные налоги и подати предназначались для содержания войска (состоящих из борцов за веру-газиев), фортификационных сооружений, а также караван-сараяев. Другими словами, дальновидные Саманиды, осознающие той потенциальной угрозы от иноверных кочевых племен для оседлых областей своей державы, освободили этой северной пограничной области от отправки податей в центр страны. Эта стратегическая задача об укреплении северной, традиционно уязвимой, части Вароруда со временем привело уменьшению грабительских набегов.

О наличии оживленной торговли между огузскими (туркменскими) племенами с их близкими и далекими соседями, а также с оседлым населением Хафтруда и Согда, отошедших к саманидским владениям, свидетельствуют как средневековые, так и современные авторы. Истахри сообщает о том, что «большая часть богатств хорезмийцев является результатом их торговли с окрестными тюрками. Гургандж был складочным пунктом огузских товаров. Торговые караваны направлялись оттуда в Хорасан, Гурган и Хазарию». А Макдиси указывает, что «площадь города Ургенча была местом большого, оживленного торга привозным скотом»¹.

Кроме обеспечения караванной торговли вьючным транспортом, выступающим также дополнительным источником доходов огузских и туркменских племен, проходящей по их обширной территории, они вели также работорговли. Основным источником работорговли, куда после создания централизованного халифата и последующего централизованного эмирата активно включились Аббасиды и Саманиды, были постоянные войны, набеги и захват пленных. Обращенных в рабов военнопленных продавали на обширных рынках от отдаленного Египта до Вароруда. Из большинства этих военнопленных, перешедших на службу в гвардии различных госу-

¹ Цит. по Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Бълым», 1969, с.100.

дарственных образований в последующие годы создавались мамлюкские государства- от Махмуда Газневи до государства мамлюков Египта. По сообщению В.В. Бартольда предок основателя государства Тулунидов в Египте был Тулун, происходивший из токузогузского племени, который попал в плен, вероятнее всего, во время набега этой племени в Вароруд (820-821 гг., Табари) к саманидскому эмиру Нуху, тогдашнему правителю Самарканда, отправившего его ко двору халифа Мамуна¹.

Специалисты сообщают о наличии практики положительной комплиментарности между огузами- кочевниками и таджикскими (мусульманскими) купцами. Между ними существовал своеобразный институт *куначества* (напоминающую античную греческую проксению), когда купцы, прибывавшие в огузские кочевья, считались почетными гостями. Каждый торговец останавливался у своего друга-«кунака», который ставил для него отдельную юрту (кибитку) и обеспечивал его провиантом во время его нахождения. Гость, в свою очередь, подносил гостю и его супруге различные подарки. Такая процедура повторялась, когда сам огуз приходил в гости к своему оседлому другу-«кунаку»². Поэтому как указывает В.В. Бартольд: «в китайской энциклопедии Тунь-дзянь VIII в. говорится, что страна Суи, или Судэ (Согд- М.А.), имевшая уже в V в.н.э. торговые и политические отношения с Китаем, называется также То-ку-монг»³. Здесь прослеживается наличие тесных разнообразных взаимоотношений между предками таджикского и туркменского народов, известных даже далеким от региона народам.

¹ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: Восточная литература, 1963, с. 555.

² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым», 1969, с.102.

³ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: Восточная литература, 1963, с. 550-551.

В «Диван лугат ат-тюрок» приводится следующий перечень огузских племен второй половины XI века: кынык (племя султана Санджара- М.А.), кайыг, баяндур, йива, салур, афшар, бектили, букдуз, баят, язгыр, эймур, кара-булак, алкабулак, игдыр, урегир, тутырка, ула-йондулуг, тюгер, джеби, печенег, джувалдур, джаруклуг¹.

Однако в отличие от легендарных сказаний о местном этногенезе огузских племен, историческая наука свидетельствует о их иммиграции от местности у границ Монголии и Таримского бассейна. Как сообщает академик Бартольд: «в сохранившихся в Монголии надписях слова *огуз* и *токуз-огуз* употреблялись в одном и том же значении; по терминологии арабских географов, *огуз* и *токуз огуз* были различными народами и жили в разных местностях: *огузы* были соседями мусульманских владений от восточного берега Каспийского моря до Исфиджаба, *токуз-огузы* жили в нынешнем Китайском Туркестане (Таримском бассейне- М. А.), от Кучи к востоку, причем центром их области была местность у Турфана. По словам историка XIII в. Ибн ал-Асира *огузы* некогда входили в состав *токуз-огузов* и отделились от них в эпоху халифа Махди (775-785)»².

В новом месте расселения (северная окраина Вароруда) огузы стали активно включились в политические перипетии региона, поддержав восстания Муканны против арабов, а вскоре также эти территории стали соприкасаться с границами владений таджикского государства Тахиридов³. Один из известных представителей дома Тахиридов- Абдулло (828-844гг.), будучи правителем Хорасана, отправляет своего сына

¹ Цит. по Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «БЫлым», 1969, с.102.

² Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 554.???

³ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «БЫлым», 1969, с.128.

в поход для усмирения новоявленных соседей и он «доходит до того места, куда до него никто не доходил», а также создает сеть оборонительных сооружений (рабатов), оберегающих местное население от внезапных набегов огузов¹.

Исследователи сообщают, что наряду с созданием укрепительных сооружений со стороны государства на границе между оседлыми и кочевыми народами, также шел процесс строительства со стороны купцов и мирных переселенцев-таджиков ряда городов во владениях огузов. В качестве примера они приводят строительство города - «Дехи нав» («Новое селение»), который в последствии принял тюркское название «Янгикент» с резиденцией сырдарьинских правителей (ябгу) огузов². Это исторический факт свидетельствует о том, что согдийская традиция и практика строительства новых поселений в Хафтруде в предыдущих временах, в этой эпохе была продолжена вдоль бассейна великой реки-Сырдарьи, теперь по западному направлению к ее нижнему течению.

Активное включение огузов в борьбе местного (таджикского) населения с арабами (восстания Муканны) и беспрепятственное строительство серий торговых городов переселенцами местного населения в пределах владения огузских протогосударств свидетельствует о том, что сложения согдийско-тюркского синтеза у алтайских гор (времен сложения тюркского этногенеза и Тюркского каганата), в новых условиях и новой местности переросшего в таджикско-тюркского синтеза, охватил также огузские племена. Они, перешедшие в ислам, получили, вероятнее всего, от согдийцев название «туркмен».

¹ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 561.

² Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 559-560.

Более подробно о сложении и возвышении сельджукских туркмен в среднем течении Сырдарьи сообщает нам Ибн ал-Асир: «прародитель сельджуков Тукак, его имя значит - «новый лук», он был очень способным, обладал мнением самостоятельным, был предусмотрителен и распорядителен. Он был предводителем тюрок-гузов, которые обращались к нему (по делам), не противоречили ему словом и не противодействовали делом. Случилось, что однажды царь тюрок, называемый Ябгу собрал свои войска и хотел итти в страну ислама. Тукак отговаривал его от этого. Переговоры между ними по этому поводу затянулись. Царь тюрок позволил себе грубость в отношении Тукака, а тот ударил его по щеке и разбил ему голову. Слуги царя тюрок окружили его и хотели взять (схватить). Он бился с ними и отбрасывал их от себя. К нему на помощь пришли приверженцы его и отстояли его, а те (люди Ябгу) отступили от него. Потом дело (это) между ними кончилось миром. Тукак остался у него (Ябгу), и у него родился (сын) Сельджук. Что касается Сельджука, то, когда он стал большим, в нем проявились признаки благородства и того, что он выдвинется вперед. Царь тюрок приблизил его к себе, выдвинул его и дал ему звание «сюбаши», что значит командующий войском. Жена царя, видя как (выдвигался) Сельджук, как предан и покорен ему народ, пугала им (мужа), уговаривала убить его, настаивая на этом. Про это услышал Сельджук и вместе со своим родом и теми, которые следовали за ним, отправился из страны неверных в страну ислама и осчастливил себя там принятием веры (ислама) и соседством с мусульманами. Положение его поднялось еще выше и дело его укрепилось увеличением покорности к нему. Он поселился в окрестностях Дженда и продолжал войну с тюрками - неверными, царь которых брал харадж с мусульман в тех об-

ластях. Сельджук изгнал его сборщиков оттуда и (те места) очистились для мусульман»¹.

Их обращение в ислам, будучи на территории Саманидской (мусульманской) державы, было продиктовано не только получением поддержки ее мусульманских подданных, но и получения пастбищ для своего многочисленного скота. А их упорная борьба в этой пограничной области (Дженд) с неверными тюрками, намеривавших собрать налог с мусульман и победа над ними возвысили их в глазах местного населения.

Несомненно, добровольное принятие ислама, а также защита местных подданных саманидской державы заложили прочную основу между ними и высшей власти государства, которая при возникновении опасности, пришла в движение.

Во время первого серьезного противостояния Саманидов и Караханидов, когда в 992 году Харун Бограхан захватил Бухару, тогда к саманидскому эмиру Нуху II пришли в помощь сельджуки из Дженда для изгнания их из Вароруда.

В происшествии несколько лет, когда последний из саманидских эмиров Исмаил II (Мунтасир) боролся за восстановления власть своей династии, то сельджуки выступили, в основном, его опорой в этой упорной борьбе. Ибн ал-Асир сообщает о присутствии у сельджуков «расположение к династии Саманидов. Чувство преданности привело их в движение; они соединились с ним, и он пошел вместе с ними против Илек-хана (Караханидов-М.А.)»².

Однако недостаточность этой «преданности» сельджукских предводителей, выраженных в соблазне об огромной военной добыче и потенциального выкупа от военачальников-пленников, выступило одним из факторов поражения эмира Исмаила II. А дележ Саманидской державы между Караханидами (Вароруд) и Газневидами (Хорасан), в свою очередь,

¹ Ибн ал-Асир. Издание Торнберга. 322.

² Ибн ал-Асир. Издание Торнберга. 111.

создал для сельджукидов неопределенной перспективы, так как они окончательно лишились своего могучего сюзерена.

Ко времени смены высшей власти в Вароруде сельджукские племена передвинулись из приграничного Дженда ближе к столице Бухары, переселившиеся у Нуратинских гор. Несомненно, нахождение беспокойных кочевников в близости от ключевого города важного удела Караханидов, мгновенно превращающих в мобильную кавалерию, не могли устраивать караханидских эмиров в Бухаре. Смена власти также привел к перетеку большего кочевого народа от Хафтруда и Таримского бассейна, что осложнило вопрос по их обеспечения, в том числе, пастбищами, которых успешно решались во время оседлых Саманидов.

Однако среди специалистов отсутствует точное время переселения сельджукских племен вблизи Бухары до восхождения в трон Караханидов или после из возвращения от службы у верховного караханидского Бограхана в Хафтруде (или Кашгаре)¹.

В это время сельджуки составляли двух самостоятельных групп- первая, возглавляемая старшим сыном Сельджуком- Израилом, носивший титул «байгу-арслан», который в свое время пришел к помощи саманидским эмирам, впоследствии поселившие около Нуратинских гор. Вторая группа, возглавляемая братьями- Мусой, Даудом (Чагрыбеком) и Мухаммедом (Тогрулбеком), после ряда откочевок, вновь вернулась в Дженд².

Вскоре вождь Израил, союзник бухарского караханидского наместника, стал жертвой вторжения Махмуда Газневида в Вароруд (1025 г.), пришедший туда по просьбе верховного караханидского Кадырхана Юсуфа против непокор-

¹ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Бълым», 1969, с.184-187.

² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Бълым», 1969, с.186-187.

ного местного (бухарского) эмира Али-тегина. Махмуд после побега караханида Али-тегина из Бухары, взял в плен его союзника Исраила и отправил его в Газну, затем в Индию, где он умер в заточении¹. Лишение вождя части сельджукских племен, несомненно, привело к ее распаду в мелкие части. Одна из этих частей сельджуков, насчитывающих 4 тыс. семей, обратилась к султану Махмуду с просьбой о предоставлении им убежище и пастбища в Хорасане, в обмен за уплаты налогов и несения военной повинности. Султан, вопреки недовольству своего наместника, распорядился их переправку через Амударьи и расселения в Серахсе, Абиверде и Фераве². Их предводители Ягмур, Бука, Кызыл и Кокташ, а также другие рассеянные племена вождя Исраила, из-за притязания и притеснения со стороны сородичей Тогрулбека и его братьев, ушли в Хорасан, то поступив на службу к армии султану, то создав султану и его наместникам и преемникам много хлопот, отдалилось от своих варорудских сородичей.

Тем временем, после разгрома сельджукской группировки вождя Исраила, взаимоотношения между второй их группировкой во главе с Чагрыбеком и Тогрулбеком с Али-тегином, восстановленным на троне Бухары и Самарканда, не улучшились, а наоборот, ухудшились. Даже попытка привлечь на службу Юсуфа, сына погибшего Мусы ибн Сельджука, со стороны караханида Али-тегина не мог внести раскол среди сельджукского племенного союза. А убийство этого сельджукского предводителя Юсуфа привело к кровопролитным столкновениям между сельджуками и караханидским эмиром Али-тегином. Под натиском регулярной армии Али-тегина и их традиционных противников в лице сырдарьин-

¹ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 569.

² Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 570.

ских ябгу сельджуки отступили боями в Хорезм. Здесь местный правитель Хорун ибн Алтунташ, решивший сбросить власть Масуда Газневида, преемника султана Махмуда, хотел использовать в своих целях новых союзников. Теперь с 1030 по 1034 года начался период лавирования сельджукских племен между правителями Вароруда и Хорезма, порой становясь в их руках как орудия в борьбе с газневидскими султанами¹.

После кончины двух их патронов- караханидского эмира Али-тегина (1034) и хорезмшаха Хоруна ибн Алтунташа (1035) и последующим им междоусобицы вынудили сельджукских предводителей сняться с пастбищ Вароруда и Хорезма и уйти в пределы Хорасана. При этом одним из факторов их откочевки стал опустошительный набег в их кочевья их бывших сородичей- врагов, сырдарьинских огузов во главе с Шахмаликом Барани². Здесь наблюдается наличия глубокой неприязни между двумя ветвями огузских племен- сырдарьинские огузы оставались верными своим кочевым традициям, а принявшие ислам их сородичи (сельджукские туркмены), выступая за защиту приграничного мусульманского населения Саманидской державы против их сборщиков налогов, решительно порвали с ними. Поэтому, будучи верными традициям степной вендетты, сырдарьинские огузы жестоко отомстили им за обиду 80 летней давности.

В Хорасане, находящийся в некоторой удаленности от политических центров Вароруда и Хорасана (Бухары и Газни), начинается новая эра правления сельджукских вождей, которые в своем большом переселении повлекли собой и других тюркских кочевых племен (кыпчаков и др.) и со-

¹ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Бълым», 1969, с.197-200.

² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Бълым», 1969, с.201.

единились здесь с теми огузскими племенами, переселенными султаном Махмудом из окрестностей Бухары десятилетней давности.

По сообщению В.В. Бартольда: «когда внуки Сельджука в 1035 году обратились к султану Мас'уду, сыну Махмуда, с просьбой уступить им области Неса и Феравы, то, между прочим, обещали «не допускать появления мятежников со стороны Балхана, Дихистана, пределов Хорезма и берегов Аму-Дарьи и прогнать туркмен иракских и хорезмийских»¹. Здесь прослеживается начала притязания сельджукских предводителей, входивших в пределы мусульманского мира в эпоху централизованной державы Саманидов и мечтавших о восстановлении такой мощной державы, и, уставших после ухода своих верных сюзеренов, от вынужденной политики лавирования между различными стремительно военно-политическими союзами. Теперь они предпринимали шаги для установления своей верховной власти уже не только над всеми огузскими (туркменскими) племенами, а также с обширными территориями с оседлым населением.

Поэтому мы наблюдаем стремительно восхождение сельджукских предводителей в политическом олимпе Хорасана и Ирана (включая Ирака) при ослаблении Газневидов и продолжении междоусобиц в Вароруде: вступления Тогрулбека в Нишапур (1037-1038) и объявления его султаном Хорасана и назначении им Чагрыбека и Мусы правителями Серакса и Мерва; создания чиновничьего аппарата во главе с визирями (подобия Саманидам); отправка посла аббасидскому халифу Каиму, тяготеющего власти шиитов Буидов (1038). Сюда относятся также сокрушительное поражение Мас'уду Газнеvidу при Данденакане и восшествие в трон Хорасана Тогрулбека сразу в поле боя (1040); военные походы на запад и восток и распространение власти от Балха до Ирака (1040-1060); раз-

¹ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 570.

гром своих упорных врагов сырдарьинских огузов во главе и Шахмаликом Барани в Кяте (Хорезме) в союзе и кыпчаками (1042-1043); вступление в Багдад и получения титула от халифа Тогрулбеком «правитель востока и запада» (1055); подавление мощного двукратного мятежа сильного полководца Ибрахима Инала (1050,1059)¹.

Исследователи более подробно описывают сражение в Данденакане, в поле боя которого рождалось сельджукидское государство: «Масуд прибыл на поле боя на огромном слоне и с 50 000 тяжеловооруженных пехотинцев. Сельджуки оставили свой обоз в двух днях пути и пришли лишь с 16 000 легковооруженных (но зато быстрых в маневре) конников. Войско султана было разбито, Масуд с приспешниками бежали в Индию, бросив на поле боя трон, который он возил с собой. Предводитель победителей Тогрул-бек сел на этот трон и провозгласил себя эмиром всего Хорасана»².

Примечательно напомнить здесь, когда Газневидский султан Масуд в 1035 году даровал сельджукским предводителям грамоту на обладания пастбищами на новых хорасанских территориях (Нисы и Феравы), то он давал им саманидских титулов «дихкан» (владельцев крупных земельных угодий). Эти «дихкане» по мере своего усиления стали называть себя древними таджикскими титулами «шахиншах», которых позднее заменили на саманидско-газневидский лад на титул «султан», а прежние царские ти-

¹ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 570-573; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым», 1969, с.211-219.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М .:Альпина Паблишер, 2017,с. 362-363.

тулы- «малик» (арабское слово) и «шах» (таджикское слово) стали вручать собственным вассалам¹.

А дальнейшее их подражания саманидским традициям явно прослеживается в долголетнем (30-летнем) правлении в огромной сельджукской державе выдающегося государственного деятеля и великого визиря Низам ал-Мулька («Порядок государства»), который был бессменным главным министром двух известных султанов- Алп-Арслана (1063-1072) и Маликшаха (1072-1092). Главная заслуга это выдающего визиря с государственным мышлением заключатся не только в том, что таджикский язык оставался в этой державе официальным языком и была восстановлена централизованная бюрократия (государственные диваны) во главе с великими визирем или сохранился господство ханафитского толка ислама или продолжался «таджикско-тюркский синтез». А, самое главное, великий визирь непосредственно управлял огромной страной централизованной гражданской бюрократией в относительной стабильности в течении треть столетия. Одним из решающих факторов упорядочивания государственных дел огромной и многонациональной сельджукской державы успешное внедрение тезиса, позднее сформулированного Елуй Чуцаем «Сидя на коне можно захватить страной, а сидя на коне нельзя управлять страной». Поэтому после захвата к упорядочению реальных повседневных дел и управлению этой огромной державы от Ближнего Востока до пределов Дальнего Востока пришла таджикская гражданская бюрократия во главе с этим гениальным государственным деятелем, продолжателем дел великих аббасидских и саманидских визирей- от Бармакидов до Балъамидов.

Низам уль-Мульк, по передаче Ибн ал-Асира, прекрасно понимал свою историческую миссию по обустройству и обеспечении обширной сельджукидской империи, прекрасно

¹ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения.Т. II. Ч. I. –М.: Восточная литература, 1963, с. 573.

описав ее посланцам от султана Меликшаха: «устойчивость той остроконечной шапки (короны его) связана с этой чернильницей и что в их единении упрочение всего, что является желанным, и причина всякого благосостояния и благоприобретения. И когда я закрою эту (чернильницу), то не станет и той (короны султана-М.А.)»¹.

Низам аль-Мульку с его огромным штатом гражданских чиновников удался не только полное восстановление саманидской традиции стабильного управления централизованной державы, но и успешно решить вопрос внедрения новшества тюркских правителей (сначала Караханидов и вслед за ними Сельджукидов) - феодального института-икта. По сообщению исследователей, данная практика была введена еще во время первого сельджукского султана- Тогрулбека (1040-1063), который раздавал целые области в икта своим воинам и вассальным владетелям. Караханиды, первыми внедрившие данную практику (икта) в Вароруде, в последующим, стали страдать от этой центробежной тенденции, вытекающими от нее, так как она стала фактором разобщения и междоусобицы между крупными феодалами и вождями различных племен. Сельджукиды, несмотря на полицентричного характера державы, в основном, смогли избежать ее децентрализованной тенденции благодаря мудрой политики Низам ул- Мулька. Как показала, караханидская практика по мере роста экономической мощи крупных иктадаров параллельно усилились их сепаратистских тенденций. Поэтому великий визирь стал предоставлять икту иктадару (его обладателю) не целиком в одной области, а разбросал в различные части огромной империи (от Балха до областей Малой Азии). Эта реформа, частично пересекая сепаратистских отношений, способствовала сохранению относительной стабильности сельджукской дер-

¹Ибн ал-Асир. Издание Торнберга, 139.

жавы¹. Великий визир при этом напоминал, что иктадар может претендовать на взимания определенной суммы от жителей и не имеет никаких прав на личность, имущество, семью (жен и детей) налогоплательщика².

Несомненно, не все саманидские традиции были утверждены в государственной системе Сельджукидской державы, несмотря на усилия такого гениального и последовательного великого визира, так как этнопсихология и образ жизни тюркских племен. Главное отличие находилось в том, что таджики высшую власть (шахиншаха, эмира, султана и т.д.) рассматривают как единодержавного правителя государства, а тюркские кочевники как собственность всего ханского рода.

Относительно демократично настроенные по отношению к своим подданным (и армии) сельджукские эмиры не нуждались в услугах должности «*сохиб-хараса*» («начальника гвардии» или полиции), эмир Алп-Арслан также отклонил предложение Низам ул-Мулька о внедрении должности «*сохиб-хабара*» («система лазутчиков»), который не мог устраивать храброго и великодушного воина-султана. А внедрения системы икты привело к снижению значения государственной должности «*векиля*» при сельджукидах, заботящего о государственных землях³.

Саманидская традиция покровительства над «людьми пера» была внедрена этим великим визирем также с существенным видоизменением, так как не султанский двор (султаны были заняты в военных походах), а специальные учебные заведения - «*медресе*» (впервые созданные в Вароруде) стали местом их сосредоточия и обмен мнениями между ни-

¹ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Билым», 1969, с.221-227.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения.Т.І. –М.: Восточная литература, 1963, с. 370.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения.Т.І. –М.: Восточная литература, 1963, с. 369- 370.

ми. Сеть этих медресе под названием своего вдохновителя и создателя (Низам ул-Мулька) стали известным во всем мире как «Низамия». Завоевание центрального Ирана и столицы халифата после более сто лет правления шиитских Буидов со стороны правоверных (суннитских) Сельджукидов, а также активность других правовых школ (ханбалитов, шафиитов, исмаилитов, мутазилитов, ашаритов и многих других) и религиозных миссионеров Фатимидского халифата (в Египте) несколько осложнило религиозной жизни в пределах этой империи. Порой богословские споры приводили к жестким кровавым конфессиональным противоборствам даже внутри отдельного конкретного города. Чтобы пересечь этих жарких богословских дискуссий, переходящих к разгрому кварталов оппозиционных религиозно-конфессиональных течений, было задумано создания этих сетей «Низамия». По мнению специалистов, новые школы Низамия определили три характерные черты: упор на внедрение и поддержание господствующих течений в образовании (а не на свободные дискуссии); скепсис ко всем формам научных изысканий и они были государственными учреждениями, функционирующие за счет сельджукидских султанов¹.

Для учреждения первых медресе Низамия в Багдаде и других крупных городах империи в 1065 году Низам-уль-Мульк вызвал известного преподавателя-богослова Абухамида аль-Газали. Низамия в Нишапуре и Багдаде, насчитывающие к 1090-м годам по 3000 учеников, были, согласно утверждениям исследователей, самыми крупными образовательными учреждениями в мире в тот период².

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 379..

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 379.

Однако преподавательская деятельность аль-Газали, лекции которого слушали сотни прилежных студентов, остается до сих пор горячих споров среди специалистов, так как его скепсис по отношению разума и рационализма с беспощадной критикой великих титанов «исламского (таджикского) ренессанса», дали мощное теоретическое идеологическое оружие традиционалистам, ставящих религиозных ритуалов и догм (шариат) выше, чем человеческих (рациональных) изысканий в исламском мире.

Благодаря функционированию сети медресе Низамия и особенно, его руководителя и яркого лектора- Абухамида аль-Газали, за которым стоял могущественный визирь Сельджукидов, суфизм проник в центр халифата. Это нетрадиционное течение в исламе, рожденное в Аравии, но получивший свой расцвет в Вароруде и Хорасане, получило здесь своей богословской легитимности.

К огромному сожалению, благодаря двум известным выходцам той эпохи из Хорасана (Низам-ул-Мулька и Абухамида ал-Газали), творивших в центре султаната (Исфахан) и халифата (Багдад), тот высокий полет мысли таджикских (центрально азиатских) мыслителей прошлых (в основном, саманидских) эпох был критическим пересмотрен и осмеян. Теперь всякое проявление вольнодумства и рациональный подход к решению повседневным проблемам стало предметом насмешек и даже преследований. Для великого визира высшим идеалом было не вольнодумство подданных империи, расшатывающих стабильных устоев общества, а «внешнее уважение к мусульманскому праву и догмам, а также солидарность общества, что определяется и регулируется богословами и имамами»¹.

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М .:Альпина Паблицер, 2017,с. 381.

А подопечный великого визиря богослов (ал-Газали), автор многих сочинений, критикующих свободомыслящих ученых, «утверждал, что наука сама по себе возвращает рационализм, ведущий к скептицизму и атеизму. Ни разум, ни логика не важны для реальных целей человечества, и все научные и философские изыскания и сама идея общества, ищущего новые знания, - для аль-Газали были пустым заблуждением»¹.

Продолжительная преподавательская деятельность ал-Газали при покровительстве великого визиря Сельджукидов, по мнению специалистов, нанес мощный удар для дальнейшего высокого полета мыслей «людей пера», за одно активизировав «людей чалмы», включая того крыла, которое «проповедовало развитие внутреннего духовного мира, сосредоточенность на внутреннем, а не внешнем, аскетизм, отрешенность от земных забот, прямое общение между каждым верующим и Богом»².

Несомненно, ал-Газали не был единственным представителем «людей пера», который получил покровительство высшей власти, согласно бармакидско-саманидским традициям, переходящим следующим поколениям просвещенных правителей или их великих визирей. Антипод к скепсису ал-Газали стал жизнерадостный выдающийся математик и великий поэт Омар Хайям (1048-1131), также получивший покровительство великого визиря.

На наш взгляд, не скептик ал-Газали, а оптимист Омар Хайям выступает главным титаном Сельджукидской эпохи. В отличие от первого Омар Хайям был приглашен не на работу в «Низамия», а на работу в обсерваторию в столице Сельджу-

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 360.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 381.

кидов-Исфахане. Великий визирь Низам ул-Мульк поручил ему провести исследование для введения нового солнечного календаря в 1079 году и напомнил, чтобы солнечный цикл начинался с национального праздника Навруз в день весеннего равноденствия¹. Он, как и другие титаны мысли был энциклопедистом, оставивший свои труды по математике, алгебре, механике, астрономии, географии, астрономии и философии. Однако, несмотря на свои передовые технические достижения, он известен всему миру, прежде всего, как поэт, автор жизнерадостного «Рубоиёт».

По мнению специалистов, он, рожденный в Нишапуре, первоначально обучался у ученого из Балха, продолжил свои изыскания в Самарканде, где написал знаменитый труд «О доказательстве задач алгебры и ал-мукабалы», сохранивший свою научную ценность по сей день; после временного пребывания в Бухаре вернулся в родной город, где его заметил визирь Низам аль-Мульк ставшего его покровителем (как визирь Балъами для великого Рудаки). При его поддержке он провел 18 плодотворных лет в Исфахане в качестве главного представителя местного сообщества ученых; после смерти визиря Низам аль-Мулька и султана Мелик-шаха он переехал в новую столицу - Мерв и поступил на службу к новому правителю - султану Санджару; в престарелые годы вернулся в родной Нишапур, где умер в возрасте 83 лет².

Во время астрономических исследований в Исфахане, по заказу Низам ул-Мулька, он создал новый солнечный календарь. Он выполнил свои вычисления солнечного года до 11-го десятичного знака: 365,24219858156 дня. Отличие в одну минуту между этой цифрой и современными

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 370.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 373.

вычислениями произошло, согласно исследователям, не по ошибке Омара Хайяма¹.

Примечательно отметить, что в это беспокойное время происходит жизнь и деятельность еще одного нашего выдающегося соотечественника - титана мысли Носири Хисрава Кубодиёни (1004-1088), наследия которого, на наш взгляд, не изучен досконально по сей день. Он, автор известного труда «Сафарнаме», интересен нам с точки зрения продолжателя географических традиций Саманидов, бравших своего начала от географических изысканий визиря Джайхони, термин которого «Дашти Кипчок» по отношению казахстанской части Великой степи, сохранился до начала XX века. Наряду с этим, он наиболее интересен как умеренный (миролюбивый) представитель исмаилизма и его философских доктрин.

Общеизвестно, что воинственные представители скрытого исмаилизма (батиниты), будучи разрозненными тайными (террористическо-экстремистскими) группировками, внесли страх даже таким могущественным правителям как Маликшаху, Санджару и Салахиддину Аюбиду, а также могущественному визирю Низам ул-мульку и другим. Их невидимые руки («ассасины») дошли до убийства этого легендарного визиря сельджукидов и тень зловещего горного замка Аламута, обители «горного старца Хасана ас-Сабаха», висел как «дамоклов меч» над («несправедливыми») правителями, до своего основательного разрушения монголами (в 1256 г.).

В этом деле особняком стоит личность и деяния Носири Хисрав, получивший прекрасного образования в области науки, медицины и рационалистической философии (Фараби и Ибн Сины) и служивший в ведомстве доходов наместника Сельджукидов в Мерве. Его ознакомления с исмаилизмом произошло не в одном из разбросанных труднодоступных

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 373-374.

исмаилитских замков, а в первом классе университета того времени - аль-Азхаре (в фатимидском Каире). Ровно в половине своего жизненного пути (42 года) ему приснился сон, призывающего его совершить паломничество. Он со своим братом и индийским слугой выходит в шестилетнее путешествие-паломничество. С того дня в обратном пути домой его основной целью стало распространение исмаилизма среди народов Варуруда и Хорасана. Он стал критиковать недостатки Сельджукидской империи. Благо, что он не был горячим сторонником дискуссий, а вдумчивым и великим поэтом. Даже без теоретического обоснования критики рационализма Ал-Газали вольнодумства и критика правителей уже стало небезопасным делом и вчерашние его коллеги-правоверные чиновники стали повсюду преследовать его. Поэтому он нашел свое конечное убежище в высокогорном Бадахшане (афганском Ямгане, вблизи Хоруга Таджикистана), где обучал своих учеников¹. Это высокогорье Варуруда в отличие от высокогорья Ирана и Ирака не демонстрировало примеры насилия и убийства.

Благодаря его стараниям вольнодумный и миролюбивый вид исмаилизма распространился в этих высокогорных территориях родного Таджикистана, которое временами испытывал все вызовы и лишения, в настоящее время превращается в один из креативных и перспективных центров науки и инноваций.

Мрачные мысли великого визиря Низам ул-Мулька о исмаилизме в конце XI века, изложенные в последних страницах его «Сиёсатнаме», благодаря миролюбивому творчеству Носири Хисрав и его последователей не претворились в жизнь.

Несомненно, культурная жизнь в Сельджукидской империи продолжалась и в других городах, в которых отсутствовали медресе «Низамия», но особенно, возвысился вновь во-

¹ Corbin H. Nasir-I Khisrau and Iranian Ismailism./ Cambridge History of Iran. Vol.IV.- Cambridge University Press, 2008,s.520-543;

сточный город- Мерв, превратившийся в столицу державы. Султан Санджар, как и Махмуд Газневи в свое время, послу обустройства своей новой столицы, позвал к себе двух величин науки (и богословия) того времени. Однако аль-Газали по дороге к нему передумал идти снова служить к «власти пре-держажих», а Омар Хайям после недолгой службы, оставил ее. Будучи неграмотным, султан Санджар остался, преимущественно, с поэтами с их панегирическими стихами¹.

Патронаж над великим шелковым путем и экономикой, имевшей давней согдийско-саманидской традиции, также нашел свое продолжение в сельджукидский период, так как исследователи данной тематики сообщают о строительства сети каравансараев и крупных мостов через реки, предназначенных для облегчения путевых трудностей торговцев и путников, а также улучшения условия для их отдыха и быта².

Однако как подчеркнул академик Бартольд: «совершенно уподобиться Саманидам и Газневидам Сельджукиды не могли уже потому, что до конца остались чужды всякому образованию; до нас дошло вполне достоверное известие, что даже последний из могущественных сельджукских султанов, Санджар, не умел ни читать, ни писать; нет основания полагать, что его предшественники были образованнее, хотя его отец Меликшах представляется обладающим более высоким культурным уровнем. Неграмотный государь, конечно, не мог следить за сложным бюрократическим управлением своих обширных владений, и эта обязанность лежали исключительно на везире; оттого мы в эпоху Сельджукидов видим таких могущественных везирей каких раньше не было Низам аль-

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 397-400.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.)— М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 395.

Мулк с полным правом мог называть себя соправителем своего государя»¹. В этом «соправительстве» грозного султана и его могущественного визиря еще раз олицетворяется «таджикско-тюркский синтез», когда лучшие их представители удачно дополняли друг друга, четко ограничив сферы своих деятельности во благо расцвета государства.

Одним из следующих специфик правления сельджукских султанов, вызывающей недовольства великого визиря, была практика участия жен (традиционно под титулом «хатун») в государственном управлении, что олицетворяет о относительно свободном положении женщин в огузском (вообще в тюркском) обществе². Это слово «хатун» согдийского происхождения («ханша», «госпожа»), широко распространенное среди тюрков и монголов³, стало сельджукском новшеством в государственном управлении того времени.

Этому мудрому визирю не удалось реализовать свою мечту, описанного в его знаменитом сочинении «Сиёсатнаме», выбор 1000 молодых туркмен, из-за их «заслуг за создания державы», и подготовить из них гражданских бюрократических чиновников (миссия таджиков)⁴.

Как сообщает академик Бартольд, султан по своему решил эту проблему, учитывая «тягость» туркмен земледельческого и городского населения Ирана и для государства, отправив их в пограничные с Византией и Грузией области для борьбы с иноверцами⁵. Данное обстоятельство привело к увеличению тюркского населения Анатолии, которое выступает

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. – М.: Восточная литература, 1963, с. 371.

² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, «Ылым», 1969, с.144.

³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Сочинения. Т. V. – М.: Восточная литература, 1968, с.43

⁴ Низам ул-Мульк. Сиёсатнаме. Изд. Шефера. текст 94.

⁵ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. – М.: Восточная литература, 1963, с. 580.

катализатором многих военно-политических процессов до наших дней.

Другими словами, сельджукские племена, создав мощной державы, продолжали свою миссию в борьбе с иноверцами, начатой в Вароруде (при Саманидах) против кочевников Великой степи. Однако в Малой Азии их борьба за веру приобрела поистине всемирный характер. Как сообщают специалисты туркмены-огузы не только ограничивались участием в сражениях в Малой Азии, а принимали участия во всех завоеваниях сельджукидов и их преемников: в египетском походе сирийского атабека Нураддина Махмуда (1164); в африканских походах известного противника крестоносцев Салахиддина Аюбида, правителя Сирии и Египта; некоторые предводители (эмиры) в своем племенном ополчении поступили на военную службу даже к алмохадскому эмиру Абуясуфу Я'кубу (1184-1199), владевшего Северной Африки и Южной Испании; одному из туркменским эмирам (Ша'бану) за военные заслуги было пожаловано в Испании большое имение, что свидетельствует об их высоком положении в этом государстве (Алмохадов)¹.

Однако самое известное сражение сельджукидов произошло, в 25 августа 1071 года, когда султан Алп-Арслан разгромил византийское войско при Манцикерте в Восточной Анатолии. Несмотря на то, что было заключено соглашение с пленным греческим императором Романом IV о сохранении статус-кво, победа тюркских и мусульманских сил при Манцикерте позднее привела к религиозному пробуждению всей Европы, ознаменованном организацией серий крестовых походов на Восток².

¹ Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. – М.: Восточная литература, 1963, с. 580-581.

² Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана (Пер. с англ.) - М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 363.

Не затрагивая сугубо военного аспекта крестовых походов, хотим подчеркнуть, что туркменские «борцы за веру», начав свой первоначальный путь из берегов великой реки Сырдарьи в славную эпоху Саманидов, и, глубоко веря в свою миссию защиты и распространения ислама, бережно переноса их к берегам Средиземноморья, всколыхнули «дремлющую» Европу. В жестком противостоянии с религиозным противником (исламом), христианская Европа ознакомилась с идеями и ценностями «мусульманского ренессанса», включая великим древнегреческим наследием, которое при ее пренебрежительном отношении, было возрождено и развито мусульманскими мыслителями, и, брав ее на вооружение, пошла вперед.

А мусульманская Азия отказом от рационализма и жесткой критикой высокого полета своих сыновей (Ал-Газали и суфии), среди которых большинства составляли народы Центральной Азии (в первую очередь, таджики), все больше и больше занялась схоластикой и последующим самобичеванием.

Один из авторов известного исторического сочинения (Кембриджская история Ирана) подчеркнул, что, несмотря на войн и связанных с ней невзгод эпохи сельджуков, «иранская цивилизация достигла высот религиозных и светских достижений, превзойти которых было нелегко. Такие люди, как Газали, Шахристани, Насафи, Низам аль-Мулк, Умар Хайям, Абу Саад б. Абил Хаир, Анвари и Муиззи жили в те годы. Важные технические новшества были сделаны в керамике и металлообработке. Ткачи достигли высокого технического мастерства; в архитектуру были введены новые элементы масштабности и пространственной композиции. Государство Сальджукидов было той организующей силой, которая создала условия, в которых процветало искусство, а таланты этих и многих других людей процветали»¹.

¹ Lambton A.K.S. The internal structure of the Saljuq Empire.// Cambridge History of Iran. VolumeV.- CambridgeUniversityPress, 2008,s. 203-204

Несомненно, огузы- сельджуки, приняв ислам, принимая новый этноним «туркмен» (от согдийцев), активно включились в общественно-политические процессы в последние годы саманидского правления. А после дележа саманидского наследия со стороны Караханидов и Газневидов и потеря своих прежних сюзеренов первоначально стали лавировать между ними. По мере ослабления этих государственных образований они стали возвышаться. По мере создания своего централизованной державы, доходящей до берегов Средиземноморья, они также нуждались на государственно образующей практики Саманидов. В этом поприще они выступили прилежными учениками своих бывших благодетелей, так как восприняли саманидской стратегии целиком. Во время их правления (и по их заказу) был создан «Сиясатнаме» великого таджикского визиря Низам уль-Мулька, вобравший в себе все лучшие примеры прошлого и настоящего в государственном управлении, где красной нитью проходит все аспекты и нюансы саманидской стратегии, вобравшей в себе все лучшее и из практики газневидских и сельджукидских (и прежних восточноиранских) ведения государственных дел.

3.4. Гуриды - «младшие партнеры» Саманидов по распространению стратегии «Открытый мир таджиков».

Необходимо отметить, что во время широкого распространения саманидской концепции «Открытый мир таджиков» со стороны тюркских династий, благосклонно относящиеся к ней, на политическом небосклоне востока исламского мира из «сердце» современного Афганистана вышла еще одна славная династия-династия Гуридов. Эта таджикская династия также внесла свой достойный вклад в этом процессе.

Если Сельджуки, возглавляемыми грозными султанами (Тогрул, Алп-Арслан, Маликшах, султан Санджар) и искусно направляемыми мудрым визирем Низам-ул-Мульком, в основном, распространили эту стратегию на запад, доходя до восточных берегов Средиземноморья, то таджикская династия Гуридов, как первое централизованное государство в центре современного Афганистана, больше всего преуспела в ее распространении в обширных территориях индийского субконтинента. Саманидская стратегия благодаря усилиям этих династий и их преемников впоследствии достигли берегов Бенгальского залива на востоке и Босфорского пролива на западе.

По мнению специалистов, Гуриды происходили из семьи Шансабони (Оли Шансабон), вероятно, происходившего от среднеперсидского имени Вишнасп. После возвышения Гуридов специалисты по генеалогии связали семью с легендарным иранским прошлым, проследив его до шахиншаха Заххака, чьи потомки, как предполагалось, поселились в Гуре после того, как Фаридун сверг его «тысячелетнюю тиранию»¹.

Вероятное происхождение предков Гуридов от Заххака, получивший, несмотря на его чужое происхождение, возжеланный «фарн» («божественное благословение на власть» по

¹Bosworth C.E. «Ghurids», Encyclopaedia Iranica, <https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения 15.12.2020

зороастрийской традиции), легитимизовал их власть в глазах ее традиционного населения.

Как сообщает «Шахнаме» великого Фирдоуси:

На поиски царя спешила рать.

Придя, Заххака стала прославлять...

Заххака власть над миром утвердилась,

Тысячелетье царствование длилось¹.

Если легендарная часть истории правителей Гура предположительно довели до правления иноземного шахиншаха Заххака, то семья Шансабон затем была включена в рамки исламской истории благодаря рассказу (Джузджани) о том, что ее вожди получили ислам из рук имама Али, впоследствии помогли восстанию Абу Муслима Хорасани против Омейядов и узаконив свою власть в Гуре, наделенного им халифом Харун ар-Рашидом².

Другими словами, как и предки Тахиридов и Саманидов, способствовавших возвышению первых Аббасидских халифов (Харун ар-Рашида и его второго сына Мамуна) и подавлении бунтов против них (Рафи ибн Лейса), так и предки Гуридов (из династии Шансабон), вероятное всего, впервые включились в военно-политические процессы на юго-востоке исламского мира в этот период. Однако изолированность области Гура, окруженной с трех сторон высокими горами, находящаяся, в том числе на второстепенных торговых путях, несколько задержали их консолидации и выхода на политическую арену исламского мира. Несмотря на эти факторы, появления вероятных дальних преемников пресловутого Заххака на политическом олимпе крайнего юго-востока ислама символично. Как стало известно выше (от отрывка великой поэмы «Шах-наме») древние иранцы (арьи), обеспокоенные богоборчеством великого легендарного шахиншаха Джам-

¹ Фирдоуси А. Шах-наме./ Перевод с фарси, с.41-42

²Bosworth С.Е. Ghurids, Encyclopaedia Iranica,
<https://iranicaonline.org/articles/ghurids>датаобращения 15.12.2020.

шеда, сами пригласили его в трон древней Арианы. Этому иноземному правителю (Заххаку) зороастрийская традиция приписывает строительство многих ирригационных сооружений в различных областях государства (богоугодное дело о всех земледельческих культур). В «Шах-наме» сообщается о заточении Заххака в теснине гор¹.

Теперь в историческое время вероятные преемники Заххака- Гуриды также с успехом продолжили традиции бармакидско-саманидских традиций распространения просвещения, в основном, в индийском направлении.

Как утверждает британский специалист: «вожди Гура получили прочное историческое упоминание только в начале XI веков с набегами Газневидов на их земли, когда Гур еще был языческим анклавом. Мы также ничего не знаем об этническом составе Гури, в целом и Шансабони в частности; мы можем только предполагать, что это были таджиками восточного Ирана»².

Ранние Газневиды совершили, по крайней мере, три набега на Гур во главе с султаном Махмудом и его сыном Масудом в первые десятилетия XI веков; они внедрили ислам и привели Гура в состояние свободного вассального подчинения султанам. Шансабони в то время были лишь одними из нескольких вождей, что они были небольшими правителями района Мандеш в верхнем Герируде, недалеко от современного Ахангарана³.

Анонимное сочинение X века «Худуд ул-Олам» дает следующую характеристику местности и ее традиционного хозяйствования: «Гур (Фӯр), провинция среди гор и суровой страны (шикастаги-хо). У него есть правитель по имени Гур-

¹ Фирдоуси А. Шах-наме./ Перевод с фарси, с.63.

²Bosworth С.Е. Ghurids, Encyclopaedia Iranica, <https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения 15.12.2020.

³Bosworth С.Е. Ghurids, Encyclopaedia Iranica, <https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения 15.12.2020.

шах. Он черпает свою силу из области Гузганон. В старину (население) этой провинции Гура был язычниками (кафир); в настоящее время большинство людей - мусульмане. Им принадлежат многочисленные города и деревни. Из этой провинции вывозят рабов, доспех (зиртк), кольчуг (джавшан) и хорошее оружие. Люди вспыльчивы, непослушны (но-созанда) и невежественны. Они белые и смуглые (асмар)»¹. Из этого средневекового источника стало известно, что буйный характер населения вкупе с производством и вывозом хорошего оружия и военного снаряжения послужили предпосылкой для создания позднее грозной армии горных таджиков.

Гур, выполняющей первоначальной роли буферной территории между землями Газневидов и Сельджукидов в горном и труднодоступном регионе южнее Хорасана, был вынужден лавировать между двумя этими мощными государствами. Султан Газни Ибрагим вошел в Гур по приглашению некоторых вождей и сверг Амира Аббаса б. Шиса местной линии Шансабони. Затем он назначил его сына Аббаса Мухаммеда маликом Гура (в 1060 г.), и он оставался до своей смерти верным вассалом Газни. Однако его внук малик Иззадин Хусейн, пришедший к власти в 1100 году, долго правил в Гуре как данник султана Санджара. Похоже, что в 1107-1108 годах Санджар совершил набег на Гур. Причина похода неизвестна, но вполне вероятно, что племена Гура, известные своим буйным нравом, совершали набеги на окраинные территории Сельджукидов в Бадгисе и Кухистане. Санджар захватил малика Хусейна, и теперь Гур, вероятнее всего, перешел в сферу влияния Сельджукидов. По словам историка Гуридов Джузджани, малик Хусейн ежегодно отправлял Санджару сухофрукты, оружие и доспехи, а также собак местной грозной породы из своей страны².

¹Minorsky V. Hudud al-Alam. E.J.W. Gibb Memorial Trust.-1982, p.110.

²Bosworth C.E. The political and dynastic History of Iranian World (A.D. 1000-1217)// Cambridge History of Iran. Volume V. - Cambridge University Press, 1968, s. 157-158.

Его сын и преемник малик Сайфиддин Сури преуспел в 1146 в Гуре, но поделился своими землями со своими братьями на основе племенной и родовой практики Сури. Вскоре к традиционной столице в Фирузкухе были добавлены Герат на западе и Газни на востоке. Эта традиция была не нова, прежде Буиды также практиковали полицентричность, когда империя была разделена на три части с резиденцией на трех столицах: верховная столица в Исфакане, вторая в Багдаде (для контроля над халифом) и третья в Рее (для нейтрализации натиска с востока). В последующим три брата из семьи Шансабони погибают в жестком противостоянии в газневидским султаном Бахрамшахом (старший брат малик Кутбиддин был отравлен султаном, а сам Сайфиддин Сури был пленен в сражении и казнен Бахрамшахом, а третий Бахоуддин-Сам умер по дороге в Газни). Это обстоятельство положило начало глубокой ненависти между двумя семьями.

Вместе с маликом Алауддином Хусейном (в 1149-61 гг.) Гуриды не только отомстили за смерть своих правителей – маликов, но и вырвались за пределы своей горной области, а также захватив наследию Газневидов, стали в конечном итоге одной из крупных держав на юго- восточных окраинах исламского мира. Малик привел свою армию из Фирузкуха в Заминдавар, где, несмотря на грозное множество слонов (ударная сила Газневидов, дошедших в свое время до северного Хорезма) выставленных Бахрамшахом, победил султана трех сражениях и преследовал его до Газни. Столица была предана ужасной семидневному пожару, грабежам и разрушению, которое принесло Алауддину прозвище «Джахансуз» («поджигатель мира»)¹.

Экспансионистская политика Алауддина Хусейна, провозгласивший себя теперь султаном, способствовала включению Гуридов в борьбу за наследство двух султаната (газевид-

¹ Bosworth C.E. The political and dynastic History of Iranian World (A.D. 1000-1217)// Cambridge History of Iran. Volume V. - Cambridge University Press, 1968, s. 160.

дов и Сельджукидов). В конце концов, он смог воспользоваться определенным вакуумом власти в восточно-исламском мире, возникшим в результате распада Газневидов и краха власти Сельджуков в Хорасане в результате поражения Санджара и его пленения огузами в 1153. Расширение территорий, контролируемых этой правящей семьей, способствовало политическому разделу правящего клана между его различными ветвями, так что отныне старшая ветвь управляла центральным регионом Гуром, из столицы Фирузкуха на верхнем Герируде и близлежащих районах.

Бахрамшах, бежавший в свои индийские владения, после ухода гуридской армии вернулся в Газну, но вскоре умер (в 1152). Его сын Хусравшах из-за гуридского давления вынужден был его удалиться в Лахор (Пенджаб), где он умер в 1160 г. Последний султан Газневидов, Хусрав малик, был, как и его отец, правителем только в Пенджабе. Пятнадцатилетняя оккупация Газни группой огузских племен из Хорасана, захватившего город после смерти султана Алауддина Хусейна (в 1161 г.), задержала продвижение Гуридов в Индию. Его племянник султан Гиясиддин Мухаммад напал и изгнал огузов из Газни, и к 1183-1184гг. осаждал Лахор. В 1186-1187 он, наконец, аннексировал Пенджаб, свергнув Хусравмалика и отправляя его в тюрьму в Гуре, тем самым окончательно наследовал Газневидам. Первоначальная столица Фирузкух расширился за счет строительной деятельности этого султана Гиясиддина Мухаммада, включая знаменитого минарета Джам, поблизости крепости Фирузкух. Другая ветвь Гуридов, возглавляемый Фахриддином, сыном Иззаддина Хусайна, установил свою власть в недавно завоеванном Бамиане и она распространилась на север Афганистана до Амударьи и переходя на правый берег в Чаганиан и Вахш¹.

¹ Bosworth C.E. The political and dynastic History of Iranian World (A.D. 1000-1217)// Cambridge History of Iran. Volume V. - Cambridge University Press, 1968, s. 161.

Гуридская держава достигла своего апогея в приемниках Алауддина Хусейна, во время правления султана Гиясиддина Мухаммада (в Гуре в 1163-1203 г.) и его младшего брата Муаззиддина Мухаммада (султана в Газни в 1173-1206). Партнерство и верность друг другу, будучи редким явлением для первых Шансабон, были приняты этими двумя братьями, которым предстоял не только преодолеть натиск мощных соседних государств, но и расширить свои владения далеко на запад, и, особенно, на восток. Сама военно-политическая реальность требовала от этих дальновидных султанов выбрать дуальный подход к решению возникших проблем. В Индии султан Муаззиддин провел кампанию в Пенджабе и долине Ганга, захватил Дели в 1193 г, а также отвоевал Мултан у местных исмаилитов в 1175-6 гг. и проник к берегам Синда и Гуджарата. Хотя в последнее время он стал заботиться защитой хорасанских владений, его тюркские военачальники как Кутбиддин Айбек и Ихтияриддин Мухаммад Хальджи продолжали его военные походы вглубь Индии, выходя до Бенгальского залива. Его необычная личность, харизма и покровительство было так велико, что его подчиненные, военачальники-тюрки, создатели собственных государственных образований в областях Индии гордо называли себя «Муиззи» («верные султану Муаззиддину») и размещали имя умершего султана на своих монетах в течение нескольких десятилетий даже после того, что династия Гуридов исчезла¹.

Общеизвестно, что в Индию раньше всего, еще в VIII в. был совершен мусульманский поход в ее область Синд, расположенной в низовьях реки Инд. Гораздо позже, с XI в. началось вторжение мусульман со стороны северо-западной области – Пенджаба (тадж.: «панч»-«пять» и «об»- «вода», Панчоб- «место соединения пять водных артерий»). К этому

¹ Bosworth C.E. The political and dynastic History of Iranian World (A.D. 1000-1217)// Cambridge History of Iran. Volume V. - Cambridge University Press, 1968, s. 162.

времени, после блестящего правления таджиков (саманидских эмиров), арабы окончательно утратили свое доминирующее положение в управлении Варорудом и Хорасаном, только ассимилированная таджиками их небольшая элитная верхушка (в качестве «саидзодагон» и «ходжагон», бравших свое начало с Великого Пророка ислама(с)) сохранила свое богословское положение при светском правлении. Они, будучи не у власти, порой могли бросать серьезный вызов светским правителям (пример: приглашение Караханидов в бухарский престол, казнь караханидского хана Ахмада богословским судом и многое другое).

Поэтому из города Газни, расположенного ближе всего к Пенджабу, султан Махмуд собрал всех газиев (таджиков и тюрков) и, примкнув их к своей наемной армии, начал свои регулярные набеги, через эту область, вглубь Индии. Здесь в качестве главного военного элемента выступили тюркские племена¹.

Со времен древнейшей миграции ведических ариев из Центральной Азии в индийский полуостров этим путем вторглись армии Александра Македонского и его непосредственных последователей, кушаншахов, саков. Теперь началась новая эра вторжения различных исламских правителей из тюркских и таджикских династий.

По сообщению историков, арабы не могли завоевать земли за Гиндикушом, а только взимали дань с кабул-шаха и других местных правителей. Эти владения были основательно присоединены к мусульманским землям только в IX веке эмиром Яъкубом, основателем династии Саффаридов. А после падения этой династии со стороны Саманидов в Газне и Кабуле были местные правители, вассалы Бухары. Во второй половине X века саманидский военачальник Алп-тегин, обиженный своими эмирами, перешел Гиндикуш и захватил Газ-

¹Бартольд В.В. Мусульманский мир. Сочинения. Т.VI.-М.: «Наука», 1966,с. 248.

ну и создал здесь свое государство¹. А потерянное позднее данное владение преемником Алп-тегина был восстановлен при поддержке саманидской армии. Только фактическому основателю Газневидского султаната Махмуду удалось не только утверждать свою крепкую власть на юге от Гиндукуша, но и расширить свое владение от южных берегов Амударьи до верховья реки Инд.

Город Газни, расположенного более обширной горной области под названием Сулеймановы горы (между бассейнами рек Инд и Хильменд), были населены с исторических времен иранскими племенами- *пуштун*, которые, по мнению специалистов, берут свое начало от «*пактии*» Геродота. А более позднее название народа *афгани*, встречается у историка Утби, сообщающего о военных походах султана Махмуда против этого народа у вышеназванной горы².

После усмирения афганских племен султан Махмуд вторгся в Пенджаб и твердо установил свою власть в главном городе области-Лахоре.

Здесь султан Махмуд, фактически выступает собирателем последней, самой юго-восточной части древних таджикских земель, указанных в священной «Авесте» как «*Нарта-Хинду*», которые остались вне контроля Саманидской державы. Это индийский «*Хафтруд*» (Семиречье) получило такое название по рекам Инд и Кабул, а также пяти рекам Пенджаба («*Пятиречье*»)- р. Чинаб с ее притоками Джелам и Рави и р. Сетледж и ее притоком Биас³.

В то время когда последний саманидский эмир Исмаил II (Мунтасир) вел борьбу за восстановления власти своей дина-

¹Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. Сочинения. Т.VII.-М.: «Наука», 1971, с. 93-94.

² Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. Сочинения. Т.VII.-М.: «Наука», 1971, с. 94.

³ Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор. Сочинения. Т.VII.-М.: «Наука», 1971, с. 230.

стии, первые газневидские султаны уже стали обратить свое внимание в Индию.

Первым серьезным препятствием для проникновения Газневидов в Индию через Пенджаб стал продолжающееся существование (хиндушахское) царство Вайхинд (на границе современного Афганистана и Пакистана) во главе с раджей Джайпал, с которым столкнулся еще Себук-тегин. В 1001 году султан Махмуд победил в бою и захватил раджу Джайпал близ Пешавара, впоследствии раджа покончил жизнь самоубийством. Его сын раджа Анандпал смог организовать большую коалицию индийских правителей северо-западной Индии, но и оно было разгромлено султаном в Вайхинде и Нагаркоте (в 1009 г.). Следующие правители (раджи) Трилочанпал и его сын Бхимпал также продолжили борьбу против султана Махмуда в союзе с такими правителями, как Ганда, раджа Калинджара, но постепенно были вытеснены на восток через Пенджаб. А со смертью Бхимпала в 1026 г. эта могущественная династия распалась и была открыта дорога вглубь Индии¹.

Большинство кампаний Махмуда в Индии было направлено против правителей индуистских раджпутов. Было предпринято две попытки проникнуть в Кашмир (в 1015 и 1021 гг.), но он задержался на обеих попытках у крепости Лохкот, и горные преграды доказали слишком сложности для военного похода крупной армии. Поэтому основные внимания Газневидов были направлены через Пенджаб к двуречья Ганга-Джамуна. Здесь лежали индийские города с богатыми храмами как храм Чарусами в Танесаре и храм в Матхуре, предполагаемое место рождения героя Кришны².

¹ Bosworth C.E. The early Ghaznavids. //Cambridge History of Iran. Volume IV.- Cambridge University Press, 2008, s.178

² Bosworth C.E. The early Ghaznavids. //Cambridge History of Iran. Volume IV.- Cambridge University Press, 2008, s.178-179.

Однако после сокрушительного поражения Газневидов в битве в Данденакане (1040 г.), государство Газневидов стало клониться к упадку, однако они твердо удерживали в своих руках ядро своего государства к югу от Гиндукуша и Пенджаб.

Город Лахор, впервые исторически описанный в «Худуд ул-Олам», как «город с множеством районов. Его правительство (султан) осуществляется от имени вождя (мира) Мултана. В нем есть рынки и храмы идолопоклонников. Все жители - идолопоклонники [и там нет мусульман]»¹, после завоевания султаном Махмудом превратился второй по значимости город в государстве Газневидов и столицу всей области (Пенджаб).

Если Газневиды обосновались в Пенджабе, для грабительских рейдов вглубь Индии, то Гуриды постепенно расширили свое государство на бассейн рек Джамуна-Ганг, заодно распространяя там саманидских традиций.

А на западе султан Гиясиддин, часто вместе со своим братом, распространил свой сюзеренитет на маликов Нимруза или Систана и даже на керманскую ветвь сельджукидов. Тюркские эмиры в Герате и Балхе были побеждены, но главный удар султана Гиясидина был нанесен на западный Хорасан, где Гуриды пришли в столкновения с Хорезмшахами при Алп -Арслане и Текеше. Хорезмшахи стремились захватить Хорасан, временами поддерживаемые своими временными сюзеренами, язычниками каракитаями, практикующие многоконфессиональность. Гуриды взяли на себя роль защитников суннизма в Вароруде и Хорасане. У них были теплые отношения с Аббасидами в Багдаде, они часто обменивались посольствами (отец Джузджани принимал участие в одном из последних посольств). Султан Гиясиддин получил фетву от халифа Насра, и халиф не раз призывал Гуридов

¹Minorsky V. Hudud al-Alam. E.J.W. Gibb Memorial Trust.-1982, p.89-90.

остановить продвижение хорезмшахов в западный Иран. Фактические боевые действия в Хорасане в то время велись в основном между Гуридами и братом Текеша Султаншахом, который лично создал для себя княжество в западном Хорасане, пока в 1190 году гуридские султаны Гиясиддин и Муаззиддин не одолели Султаншаха возле Мерва в 1192 г. взяв его в плен и захватив его территории. Когда хорезмшах Текеш умер в 1200 году, султан Гиясиддин смог захватить большую часть городов Хорасана на западе до Бесама в Куме¹.

В дополнение к своим территориям к северу от Амударьи, каракитаи укрепились и в Тохаристане, к югу от реки. Вытеснение отсюда неверных стало основной целью бамианских Гуридов, которые, как сторонники суннитского ислама, приветствовали эту возможность для джихада. В 1198 году Бахауддин Сам занял Балх после смерти его тюркского наместника, плативший дань каракитаем. Со своей стороны, хорезмшах Текеш, будучи вассалом каракитаев, обратился за помощью к ним, и они вместе они послали армию в Гузганон, угрожая Фирузкуху и требуя от бамианских Гуридов, что они заплатили дань за Балх. Сам Текеш выступил против Герата, но в битве на берегах Амударьи каракитаи были разбиты эмирами Гура².

В течение трех лет после смерти старшего брата и верховного султана Гуридов султана Гиясиддина Мухаммада султан Муаззиддин был верховным правителем, но на самом деле следовал прежней практике, отдавая уделы членам семьи. Однако в последние годы Муаззиддина характеризовались провалом на Западе. Правление Гуридов в Хорасане оказалось непопулярным, согласно Джувайни, султан Муаззид-

¹Bosworth C.E. Ghurids, Encyclopaedia Iranica, <https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения 15.12.2020

²Bosworth C.E. Ghurids, Encyclopaedia Iranica, <https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения 15.12.2020

дин потребовал принудительной продажи и конфискации для своей армии зерна, которое хранилось в святыне Имама Али Реза в священном для шиитов Мешхеде. Попытка преследования армии нового Хорезмшаха Алауддина Мухаммада до его столицы в Гургандже закончилась катастрофой для Гуридов, которые были остановлены наводнением Хорезмской сельской местности, а затем разбиты каракитаями в Андхое на Амударье¹.

После этого держава Гуридов быстро клонилась к упадку. Султаны Гиясиддин и Муаззиддин умело поддерживали единство империи и твердо контролировали различные элементы, из которых состояла многоэтническая армия Гуридов. После смерти двух выдающихся султанов Гура в семье Шансабони вспыхнули прежние разногласия, что передалось и военным группировкам. Военные отряды Сури поддерживали наследование султаната по линии семьи Бамиан, в то время как тюрки поддерживали Гиясиддина Махмуда, сына султана Гиясиддина Мухаммада, который в конце концов одержал победу при Фирузкухе. В Газне власть захватил тюркский полководец Таджиддин Йилдиз, прежний наместник Гуридов. Последние Гуриды стали марионетками у Хорезмшахов, пока в 1215 году хорезмшах Алауддин Мухаммад не сверг последнего султана в Фирузкухе; линия Бамиана также была подчинена, а эмир Йилдиз был изгнан из Газни. Таким образом, все земли Гуридов, за исключением земель в северной Индии, попали под контроль Хорезма².

Создание обширной таджикской державы Гуридов, выходцев из периферийной горной области, было их выдающимся достижением, так как после ухода из политического олимпа Саманидской державы, в двух ее крайних окраинах

¹Bosworth C.E. Ghurids, Encyclopaedia Iranica, <https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения 15.12.2020

²Bosworth C.E. Ghurids, Encyclopaedia Iranica, <https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения 15.12.2020

(Хорезме и Газни), началась упорная борьба за обладания ее централизаторских наследий. В первом этапе первенство было на стороне султанов Газни, которые располагавшихся в «ворот» Индии, привлекли к себя различные группы «борцов за веру». Им удалось включить в свой состав также и Хорезм, который из –за междоусобиц, проиграли первый этап борьбы за доминирования в Вароруда и Хорасана.

А Караханиды, политический центр которых находился за пределами Вароруда (в Хафтруде и Таримском бассейне) не играли ключевой роли в упорной борьбе за обладания просвещенной централизаторской идеи Саманидов. Внедрение ислама в областях Великой степи, а также защита северо-восточных окраин исламского мира, а также сложные отношения с сельджуками и вторгнувшимися каракитаями, скрывали их мощь и потенциал. А сельджуки, самые верные ученики Саманидов, находя удобные пастбища в Анатолии (современный восток Турции), также, в конечном счете (после смерти султана Санджара) выбили из борьбу за это наследия. А благодаря централизаторским стремлениям первых сельджуков, в составе, которого был включен Хорезм, когда их султаны расширили владения хорезмшахов, своих вассалов, они почувствовали новый прилив огромных людских ресурсов из Великой степи.

А военная мощь султанов Гура, основывалась как на местных горцах- сури, так и на хальджи из восточного Афганистана (мигрировавших сюда времен первых султанов Газни), а также на вербовке тюркских военных рабов. В решающем противостоянии этих двух до монгольских политических сил, окончательную победу одержала бывшая северно-западная окраина Саманидской державы (Хорезмшахи). Собственное производство оружия и военного снаряжения не способствовало доминированию Гуридов, а его собственный людской ресурс был недостаточен для решающей борьбы за великое наследие Саманидов.

Одновременно необходимо подчеркнуть, что их военные союзники Гуридов блестяще справились по распространению этих саманидских традиций до берегов Бенгальского залива. Их верные помощники- тюркско-хальджийская кавалерия, верная султану Муаззиддину, заложила основу Делийского и Бенгальского султанатов, выступая фактически преемниками державы Гуридов. Саманидская стратегия, усиленная газневидско-гуридской традицией, стала внедряться уже в первичном обустройстве этих султанатов (Дели и Бенгалии), с опорой на бюрократическое наследие первых.

Продолжая традиции Саманидов и Газневидов, Гуриды и их преемники в Индии были решительными сторонниками правоверной суннитской формы ислама. Вчерашние язычники династия Шансабони быстро учились и вскоре стали также правоверными мусульманами. Хотя и сюда проникли исмаилитские миссионеры из северного Ирана в годы правления Алауддина Хусайна и получили некоторую поддержку от султана. Как сын эмира Насра Нух искоренил карматства в саманидских владениях, то в Гуре сын султана Сайфиддин Мухаммад, по сообщению Джузджани, принял также решительные меры для его искоренения. А две ключевые султаны Гура Гиясиддин Мухаммад и его брат Муаззиддин Мохаммад перешли на сторону основных юридические школы ханафитов и поддерживали с багдадским халифом ровные отношения.

Следующим аспектом гуридского вклада в продвижении саманидской стратегии состоит в том, что если тюрки- сельджуки –вчерашние помощники Саманидов, основным направлением ее продвижения выбрали западное направление, то они, выступая как «младшие партнеры» Саманидов, своей целью выбрали индийский субконтинент.

Несмотря на многочисленные сражения и столкновений между различными династиями за установления и удержания своего контроля над конкретным регионом Центральной и

Южной Азией и Средним и Ближним Востоком, таджикско-тюркский синтез действовал безотказно. Тюркские династии, пришедшие на замену Саманидам, продолжали их замечательную стратегию- установления просвещенной монархии. Их заменили, в свою очередь, таджикские династии (Гуриды), одновременно, переняв эту просвещенную традицию.

Таджикская династия Гуридов, как и тюркская династия Газневидов и Сельджукидов, выступили верными продолжателями политику меценатства над «людми пера». Гуридские султаны из окраин блестящего Хорасана были также щедрыми покровителями персидских литературных традиций Хорасана и Вароруда.

Таджики-гуриды сыграли важную роль в качестве передатчиков саманидского наследия в недавно завоеванные земли северной Индии, заложив основы по сути таджикофонии, которая сохранилась в мусульманской Индии до середины XIX века.

Парадоксально, но исторический факт, что виновник большого пожара в Газне малик Алауддин Хусайн Джахансуз также был прекрасным поэтом; его стихи, от которых сохранилось лишь несколько строк, широко ценились в Афганистане и северной Индии¹.

К сожалению, в отличие от времен Газневидов, от которых сохранилось несколько довольно полных диванов их выдающихся поэтов, период Гуридов очень скупо к поэтическим и научным сочинениям.

Поэтому изучения жизни и деятельности известного мыслителя этой эпохи Низомии Арузии Самарканди свидетельствует о том, насколько расширился ареал таджикофонии, когда «люди пера», рожденные в одном регионе могли не только спокойно путешествовать и получить прекрасное

¹Lobāb, ed. Browne, I, pp. 38-39, ed. Nafīsī, pp. 39-40; Jūzjānī, pp. 343-45; afā, Adabīyāt II, pp. . 53-55

образование в других краях мусульманского мира, но и найти новое место вдали от дома для творческого занятия.

Низомии Арузи, рожденный в Самарканде (в одном из центров Вароруда), получивший образования в Балхе (в восточном центре Хорасане) до конца жизни служил во дворе таджикской династии Гуридов в Фирузкухе, где и похоронен. Будучи, далеко от Родины, он горячо защищал от нападков поэтическое наследие основоположника таджикской литературы от недоброжелателей (поэт Хакани), который писал:

Эй он кӣ таън кардӣ дар шеър Рудақӣ,
Ин таън кардани ту зи чахлу кӯдакист.
Он кас, ки шеър донад, донад, ки дар чахон
Сохибкирони шоирӣ устод Рудакист¹.

Его известное сочинение «Чохор мақола» («Четыре беседы»), где сообщается, что автор освоил многие науки своего времени и прочитал много книг, но, не удовольствовав этим, предпринял путешествия для знакомства с историческими личностями и представителями науки и литературы. В итоге было собрано достаточного материала, выступивший основой для этого известного сочинения. Согласно этому сочинению, он был в 1110-1111 годах в Самарканде и услышал от дехкана (местного вельможи) Абуризо известное путешествие Устода Рудаки с эмиром Насром II и их возвращения в Самарканд. А в 1112-1113 годах он посетил Балх, где встретился в Умаром Хайямом, впечатления от которого он изложил в нем. В 1116-1117 годах он совершил путешествие от Герата в военный лагерь султана Санджара в окрестностях города Тус. Здесь он встретился с придворным поэтом Муиззи и узнал о его автобиографии. В этом городе он посетил гробницу Абулкасима Фирдоуси и собирал рассказы о нем. В 1118-1123 годах, будучи в Нишопуре, он узнал от Муиззи рассказы о Фирдоуси и султани Махмуде.

¹Мирзозода Холик. Таърихи адабиёти тоҷик (Аз давраи қадим то асри XIII), с.126

В следующие годы (1135-1136) он, вторично побывав в Нишапуре, посетил гробницу Умара Хайям, с которым он встречался более двадцать лет ранее. В 1152-1153 годы во время войны султан Санджара с гуридским султаном Аллоуддином был совместно с гуридами в пустыне в окрестностях Герата. После поражения гуридов он некоторое время скрывался в этом городе от сторонников султана Санджара, преследовавших побежденных. После он вернулся в Фирузкух и в 1155-1156 года написал рассматриваемое сочинение. Это сочинение, по сложившим традициям, было посвящено местному эмиру Гура.

Как показывает итинерарий (лат. «описание маршрутов») этого варорудского мыслителя Низами Арузии Самарканди, как началу XII века между Варорудом и Хорасаном, несмотря на жесткое противостояние между различными государственными образованиями (Караханиды, Газневиды, Сельджукиды, каракитай, Гуриды), здесь благодаря саманидской традиции сложился обширный ареал творчества мусульманских мыслителей, абсолютное большинство которых составляли таджики. Несмотря на многочисленность этих государственных образований и их враждебность друг к другу доминирование таджикского языка и единой мусульманской культуры, благосклонная еще к наукам и созиданию, образовали благоприятный фон для творчества сотней мыслящих людей Центральной Азии.

Близкое ознакомление с сочинением этого мыслителя позволяет узнать, что он был многосторонне эрудированным человеком, беседовавшим с многими известными личностями того периода.

В этом сочинении, состоявшийся от четырех частей, каждый был посвящен анализу четырех наук, необходимых, согласно мнению его автора, для государственного управления:

делопроизводство (илми дабири), поэзия (илми шеър), астро-логия/ астрономия (илми нучум) и медицина (илми тиб)¹.

О высоком уровне культурной жизни последних Гуридов ярко иллюстрирует сообщение Ибн ал-Асир о поэте Фахриддине Муборакшахе (ум. 1206 г.), творивший при дворе султана Гияссидина. Этот поэт построил гостиницу, в которой были книги и шахматы и «ученые (посетившие гостиницу) читали книги, а невежды играли в шахматы. Таким образом, ученые находили для себя умственную пищу даже в гостиницах»².

Такое «умственное» оснащение гостиниц не только в средневековье, но и в современном мире не потеряла свою актуальность. А с другой стороны выступает еще одним доказательством достаточно высокого уровня общественной жизни стран и народов Вароруда и Хорасана в домонгольского периода.

¹Гафуров Б. Ф. Точикон. К.И. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна. -Душанбе, «Ирфон», 1998, с. 591.

² Цит. по Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М. :«Восточная литература», 1963, с.496.

3.5. Конийский и Бенгальский султанаты как два полюса ареала «Открытый мир таджиков».

Как было отмечено в предыдущем разделе (3.4. Гуриды) завоевание Индии и установление в ней гуридского правления стало началом поступательного распространения саманидской стратегии в этом густонаселенном субконтиненте. Султан Муиззидин (Мухаммад) Гури и его раб (мамлюк) Кутбиддин Айбак после некоторых военных походов в 1193 году захватили Дели. Этот город позднее превратился из центра гуридского наместничества в первую столицу мусульманского Делийского султаната. Гуридский султан, обративший свое внимание на Хорасан и Вароруд, оставил своего доверенного раба, опытного военачальника Айбака ответственным за объединение Северной Индии под началом Дели. Его тактика по широкому введению военного рабства (мамлюков), оказалось выгодным для умных, амбициозных молодых людей, которые быстро поднялись и вышли из своего статуса при рождении¹. Айбак, предположительно рожденный в одноименном районе (центра Самангана) в семье туркменской племени халадж, в детстве попавший в плен и проданный в рабства, был куплен нишапурским казием. Казий дал ему прекрасное образование, который также обучал основы управления, к стрельбе из лука и конному бою. А после смерти казия, его сыновья, снова продали Айбака, которого купил будущий гуридский султан Муиззидин. Благодарность гуридскому султану был безграничен у этого удачливого военачальника и его ближайших соратников, которые называли себя «муиззи» - «дети султана муиззидина» (Босворт). Поэтому этот султан объявил в Лахоре Айбека своим заместителем.

¹Slave Dynasty and the Beginning of the Delhi Sultanate.//<http://www.thenagain.info/WebChron/India/SlaveDelhi.html> дата обращения 14.02.2021.

лем в Индии и дав ему тронного имени Кутбиддин («Ось религии»).

Если в военной среде Саманидов возвысился будущий (тюркский) султан Махмуд Газневид, то из гуридской среды вышли уже две будущие (тюркские) султаны- основатель Делийского султаната Кутбиддин Айбак и основатель Бенгальского султаната Бахтиёр Хильджи. Они, после убийства своего господина- сюзерена Муиззидина Гурида (1206 г.) в борьбе с другими претендентами на трон, создали свое независимое государство. Однако остались до конца верными его стремлениям по распространению саманидской стратегии по индийскому субконтиненту. Султан Муиззидин Гури часто пророчески отмечал: «у меня много сыновей- тюркских рабов, они наследуют мои земли и продолжают хутбу на мое имя»¹.

Султан Кутбиддин Айбак, как свой сузерен - покровитель, был «до мозга костей» верным продолжателем саманидской стратегии. Его войско состояло из таджиков (Хорасана и Гура) и тюрков (и туркмен- хильджей). А верхушки созданного султаната составляли также представители этих народов: «тюрки чистой крови и таджики знатного происхождения»², т.е. успешно продолжалась традиции «таджикско-тюркского синтеза». Он наряду с военными походами также продолжил саманидско- гуридских традиций покровительства «людей пера», и заслужил почетное прозвище «Лакх-бахш» (дарящий лакхи- «сто тысяч монет»)Из всех исламских суннитских мазхабов в Индии широкое применение получил ханафитский мазхаб, широко распространенный на востоке огромного исламского мира благодаря Саманидам, чьи традиции успешно продолжили все их преемники, включая Де-

¹ Цит. по Ашрафян К.З. Делийский султанат в XIII в. //История Востока.Т.II.-М.: «Восточная литература», 1995, с.419

² Ашрафян К.З. Делийский султанат в XIII в. //История Востока. Т.II.-М.: «Восточная литература», 1995, с.419.

лийского и Бенгальского султанатов. А государственным языком этих султанатов был таджикский язык (дари-фарси)¹.

Необходимо подчеркнуть, что из Вароруда и Хорасана в Индию стал широко распространиться и суфизм. Отказ от богатства и добровольный аскетизм (связанный с ним осуждения имущественного неравенства), а также от активной социальной роли, проповедующий суфизмом нашел здесь своих многомиллионных последователей. Огромная потребность суфийских идей и ценностей в индийской почве привела к тому, что наряду с их варорудско-хорасанскими разновидностями со временем появляются местные разновидности (суфийских) орденов (сухравардия, чиштия, деобандия и др.). По сообщению специалистов, одним из первых суфийских проповедников в Индии был Дата Ганжбахш, прибывший в Лахор с газневидской армией в первой половине XI века. Вскоре суфийские ордена стали ориентироваться в специальные социальные слои средневековой Индии. Сухравардия стала ориентироваться на аристократические слои и ее духовный глава Бехауддин Захариа Мултани говорил, что «нет дела до простого народа», а чиштия, наоборот, пользовалась поддержкой простого народа, глава которого Ходжа Муиниддин прибыл в Дели из Систана (1192г.)². Индийские разновидности суфизма играли в последующей этапе духовной жизни огромного субконтинента немаловажную роль.

Правление основателя Делийского султаната Кутбиддина Айбака было недолгим из-за несчастного случая в игре конное поло и его зять Шамсиддин Илтутмиш (1211–1236), унаследовал его трон. Илтутмиш известен как выдающийся султан этой династии мамлюков (рабов). Во время своего правления он установил монархическую форму правления, усилил

¹ Ашрафян К.З. Делийский султанат в XIII в. //История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, с.420-421.

² Ашрафян К.З. Делийский султанат в XIII в. //История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, с.421.

армию и провел денежную реформу. Он также известен тем, что завершил строительство Кутби Минор, сооружения, олицетворяющего победу мусульманского правления. Он в 1225 году вторгся в Лакхнаути, тогдашней столицы Бенгальского султаната и принуждал их к уплате дани.

Султан Илтутмиш был признан летописцами и поэтами своего правления как очень религиозный и мудрый лидер. История правления этого способного султана и его преемников была подробно описана в одном из известных дворцовых летописей «Табакати Насири» известного историка Минхаджа Сироджиддина Джузджани. Перед смертью он назначил свою способную дочь Разию (1236-1239 гг.) своим преемником над сыновьями, которые, как он считал, были некомпетентными и неспособными править. Единственной слабостью Разии была то, что она была женщиной. Правление Разии ознаменовалось началом борьбы за власть между сторонниками монархии и тюркскими вождями-советниками. Назначение султаншей Разией, единственной женщины-правительницы в Делийском троне, африканца (темнокожего) на важную государственную должность, оскорбило ее советников. После этого вспыхнул мятеж, и она была убита. Гиясиддин Балбан (1266-1287 гг.), самый амбициозный из советников Разии, взошел на престол в качестве следующего султана. Балбан наиболее известен как создатель сильного централизованного правительства. Султан Балбан восхищал людей своей королевской пышностью и безжалостным, беспристрастным обращением к своему окружению. Со смертью Балбана в 1287 году династия мамлюков закончилась, хотя на самом деле династия просуществовала три года в междоусобицах¹.

Хотя тюркское правление уничтожило буддизм в Индии, большинство индусов не пострадали; некоторые даже при-

¹Ашрафян К.З. Делийский султанат в XIII в. //История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, с.424-426.

ветствовали своих новых завоевателей. Средние классы были особенно восприимчивы к новому правилу, поскольку им были назначены должности для руководства новой администрацией. В целом, индусы были благодарны Айбаку и последующим султанам этой династии, по крайней мере, по одной важной причине: их способность обороняться от монгольских захватчиков во главе с Чингисханом, сеявших бесчисленные бедствия и страдания соседним государствам. Эта защита, которая длилась более века, была очень ценной для Индии¹. Несомненно, в создании гражданской бюрократии в Делийском султанате, официальном языке которого был таджикский язык, ключевой роли играли таджики. Эти факторы способствовали на многие столетия методично распространять в обширном субконтиненте все составные части саманидской стратегии.

Относительная надежность Делийского султаната в противовес к многочисленным монгольским нашествиям оказало благоприятное влияние на относительно стабильное существование Бенгальского султаната- самой юго-восточной периферии ареала распространения саманидской стратегии. В то же время несколько усилилось миграционное движение из Вароруда и Хорасана в эти султанаты из-за монгольского нашествия и связанных с ним бесконечных бесчинств, набегов и грабежей. Эти вынужденные, но образованные мигранты были очень востребованы в гражданской бюрократическом аппарата этих султанатов и их вассальных территориях и многочисленных провинциях. Это миграционное движение охватило территории от города Бухары на Вароруде до провинции Бихара в северо-восточной Индии и сопредельных территорий.

¹Slave Dynasty and the Beginning of the Delhi Sultanate.//<http://www.thenagain.info/WebChron/India/SlaveDelhi.html>дата обращения 14.02.2021

Еще в 1203 году Бахтиёр Хальджи, военачальник Кутбиддина Айбека, заместителя султана Муиззидина Гурида, завоевал области Надию и Гауда, расположенных в бассейне реки Ганг на востоке Индии. Позже он распространил свои владения по всей Северной Бенгалии. Мусульманское правление Бенгалии изменило весь ход истории. Большая часть населения Бенгалии, особенно восточной Бенгалии, обратилась в ислам. Важность традиционного правящего слоя брахманов наряду с их языком санскрита постепенно затмевалась, и таджикский язык как официальный язык стал самым влиятельным языком как в Бенгалии, в частности, так и по северной Индии, в целостности.

Исламская система образования была введена в местах, где поселились последователи ислама. Распространение традиционных центров обучения, то есть мечетей, медресе и мактабов, создало благоприятную атмосферу для развития литературных произведений как на арабском, так и на таджикско-персидском языках. Помимо щедрого покровительства и поддержки писателей и поэтов, правящие монархи того времени сами принимали участие в интеллектуальных занятиях. Среди предполагаемых центров исследования были центры, расположенные в Гауре и Пандуа, Дарасбари, Рангпуре, Сонаргаоне, Дакке, Силхете, Богра и Читтагонге. Число медресе в Бенгалии в начале британского правления (1757 г.) достигло до почти 80000.

Более 630 лет (с 1206-1837 гг.) таджикский язык был государственным языком Бенгалии. За этот долгий период тысячи книг были написаны на таджикском языке, а сотни поэтов сочинили свои стихи на нем.

Самым ранним таджикским трудом, составленным в Бенгалии, был перевод «Амртакунды» (книга по йоге) с санскрита на таджикский, сделанный известным ханафитским юристом, суфием и казием Рукниддином Абухамидом из Самарканда.

Насириддин Махмуд Бограхан (1283-1291 гг.), старший сын султана Дели Гиясиддина Балбана, правитель Лакнаути, получил независимость после смерти своего отца¹. Он, согласно саманидско-гуридским традициям, выступал щедрым покровителем искусства и литературы, а его собрания были популярным местом встреч поэтов. Многие писатели, такие как Шамсуддин Дабир и Кази Асир, прибравшись в Бенгалию из Дели и под его патронажем сыграли значительную роль в развитии таджикско-персидской литературы в Бенгалии.

Шейх Шарафуддин Абу Таввама, учитель и тесть знаменитого святого Бихара, шейха Шарафуддина Яхья Муньяри, прибил в Сонаргаон между 1282-1287 гг. Он содержал за собственные финансовые ресурсы ведущие в то времени медресе и ханака (общежитие) для своих учеников. Его книга о мистицизме «Макамат» пользовалась огромной репутацией уже при жизни автора.

Во время правления Рукниддина Кайкавуса (1291-1301 гг.), сына и преемника султана Насириддина Бограхана, в Сонаргаоне, тогдашней столице Бенгалии, была написана книга по фикху (юриспруденции) в элегантно таджикско-персидской поэзии. Он состоит из 10 томов и содержит 180 стихотворений.

Во время правления султана Гиясиддина Аъзамшаха (1390-1409 гг.) Сонаргаон процветал как центр известных писателей и факихов (юристов), хорошо разбирающих в исламском праве. В этот период было написано так много образцов таджикско-персидской прозы и поэзии, что это время вполне можно назвать ее «золотым веком» в Бенгалии. О расцвете таджикского языка в регионе в этот период свидетельствует известный исторический случай: сам султан Бенгалии Гиясиддин Аъзамшах, следуя всеобщей

¹ Ашрафян К.З. Делийский султанат в XIII в. //История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, с.426.

традиции, попытался написать стихотворение, но смог завершить только первое полустишие:

Эй соки! Хадиси сарви гулу лола меравад
(Эй виночерпий, рассказ о кипарисе, розе и тюльпане идет).

Не сумев закончить стихотворение, он написал выдающему поэту Хафизу Шерози письмо, пригласив его в Бенгалию и попросив его закончить текст. Великий поэт завершил стихотворение, признав величие королевского двора и литературные качества персидских поэтов Бенгалии. Часть газели поэта, которая находится на его диване, гласит:

Шакар шиканд шаванд хамаи тутиёни хинд,
Зин канде форси ки ба Бангола меравад.

Двор Рукниддина Барбакшаха (1459–1474 гг.) был удостоен присутствием многочисленных ученых и поэтов как Амир Зайнуддин Харави, поэт-лауреат Амир Шихабуддин Хаким Кирмани, врач и составитель таджикско-персидской лексики Амир Шихабуддин Кирмани, а также такие поэты, как Мансур Ширази, Малик Юсуф бин Хамид, Сайид Джалал, Сайид Мухаммад Рукан и мн. др.

«Фарханги-Ибрахими», самый ранний и, возможно, самый важный персидский каталог на субконтиненте, был составлен Мавлоной Ибрагимом Каввамом Фаруки в этот период. Этот замечательный сборник знаменует собой значительный прогресс в развитии таджикско-персидских исследований в Бенгалии. Во время правления Алауддина Хусейншаха (1493-1519 гг.), использование таджикского и арабского языков в Бенгалии широко распространилось. В это время Мухаммад Будаи, более известный как Сайид Мир Алави, написал книгу по стрельбе из лука под названием «Хидайату-ур-Руми», содержащую двадцать семь глав. Таким образом, период султаната Бенгалии с 1203 по 1576 год, когда Бенгалия

находилась под властью доброжелательных и культурных султанов, заложила основу для дальнейшего развития таджикского языка и исследований на нем.

Как было рассмотрено выше (Сельджукиды...), Малая Азия (Анатолия) со второй половины XI века стала заселяться тюркскими племенами, которые приходили сюда из Приаралья Вароруда и Прикаспия Хорасана. Эта крупное переселение кочевых племен привело не только многочисленным крестовым походам со стороны европейских стран, но и образованию Конийского (Румского) султаната с последующей постоянной военной угрозы для Византии и всей Юго-Восточной Европы. Первоначально все местные княжества тяготели или подчинялись ко могущественной Сельджукидской державы, а после правления Султана Санджара (1118-1157 гг.), стало преобладать центробежные процессы.

Один из самых западных княжеств в Малой, сохранивших верность саманидско-сельджукидским традициям, стал Конийский (или Румский) султанат (на таджикском языке «Салчуқиёни Рум»). Здесь проявились многие традиции саманидской стратегии, как в ее самой восточной периферии (Бенгальского султаната), особенно, таджикский язык как язык делопроизводства, ханафитский толк ислама, меценатство над «людьми пера» и, конечно, «таджикско-тюркский синтез» и другие.

Возникнув в последней четверти XI века на отторгнутых у Византийской империи землях, этот султанат сыграл важную роль в истории региона, постепенно оттеснив и ассимилировав преобладавшее здесь до конца XI века христианское население. Общеизвестно, что к концу XI века сельджуки потеснили Византию в её границах, заняв практически всю Анатолию после победы над ними в решающей битве при Манцикерте в 1071 году. Реальным основателем Конийского султаната был сельджукский военачальник Сулейман ибн Кутулмиш, двоюродный брат известного сельджукского султана

Мелик-шаха. В 1075 году он захватил византийские города Никея и Никомедия. Два года спустя он объявил себя султаном независимого государства сельджуков, сделав его центром Никею¹.

К 1081 г. сельджуки завоевали все византийские города в Малой Азии (кроме Гераклии Понтийской) и вышли к проливам Босфор и Дарданеллы. Основатель Конийского султаната Сулейман был убит Тутушем I, наместником сельджукской державы в Сирии с центром в Антиохии в 1086 году, и его сын Кылыч-Арслан был брошен в тюрьму. После смерти последнего могущественного сельджукского султана Мелик-шаха (1092) сын основателя Конийского султаната Кылыч-Арслан был освобождён и утверждён во владениях своего отца. Но вскоре он был вытеснен крестоносцами первого крестового похода и отступил на юг центральной Анатолии, где воссоздал своё государство со столицей в Конье². К концу правления сына и преемника Кылыч-Арслана Масуда (1156 г.) султанат управлял почти всей центральной Анатолией. А сын-преемник Масуда, Кылыч-Арслан II в битве при Мириокефале в 1176 году также победил византийскую армию во главе с императором Мануилом I Комнином, нанеся главный удар по византийской власти в регионе. Несмотря на временную оккупацию Коньи в 1190 году участниками третьего Крестового похода, султанат быстро возвратил и консолидировал свою власть.

После фактического распада сельджукидов на рубеже XI-XII веков, когда Султан Санджар действовал на востоке, румские султаны стали единственными правящими представителями династии на западе. После падения Византии в 1204 году султан Кей-Хосров I захватил Конью у крестоносцев в

¹ Агаджанов С.Г. Сельджукское завоевание и государства Сельджукидов. // История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, с. 271.

²Большаков О.Г. Ближний Восток в эпоху крестовых походов. // История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, С.241

1205 году. При нём и двух его преемниках, Кей-Кавусе I и Кей-Кубаде I, власть сельджуков в Анатолии достигла своего апогея. Самым важным достижением Кей-Хосрова был захват гавани Атталия на средиземноморском побережье в 1207 году. А его сын султан Кей-Кавус I захватил Синоп и на некоторое время (1214) сделал своим вассалом Трапезундскую империю, но в 1218 году был вынужден сдать город Алеппо. Его преемник удачливый султан Кей-Кубад I продолжал приобретать земли вдоль средиземноморского побережья с 1221 до 1225 годы. В 1220-х годах он послал экспедиционные войска через Чёрное море в Крым.

Наибольшего расцвета Конийский султанат достиг при этом султани Алааддине Кей-Кубаде I (1219-1236), когда он в 1222 году захватил даже богатый портовый город Судак в Крыму¹. В это время сюда переехал по приглашению самого султана известный таджикский мыслитель Джалалиддин Балхи с отцом, принявших у тюрок-сельджуков высокий титул «Руми». Он внес решающую роль не только в создании гармонии между властью и религиозной общиной Конийского султаната, но и последующих государственных образований, включая могущественной Османской империи.

В это время прибыл с востока не только один из выдающихся мыслителей средневековья Джалалиддин Балхи/Руми, но и начались монгольские набеги на территорию султаната. В 1236 году монголы потребовали от султана Кей-Кубада I регулярных посольств с данью. Султан смог заключить с великим ханом Угэдэем мирный договор, и на некоторое время обеспечить безопасность своей стране.

В начале 1240-х годов при султани Кей-Хосрове II государство, ослабленное внутренними противоречиями, испытало также масштабное монгольское вторжение. В июне 1243 год монгольская армия разгромила армию Кей-Хосрова и его

¹ Агаджанов С.Г. Сельджукское завоевание и государства Сельджукидов. // История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, с. 282

союзников при Кёсе-даге. После захвата ряда городов султана Кей-Хосров II был вынужден отправить к монголам своего визиря. Этот визир-посол убедил Байджу нойона, монгольского военачальника, что дальнейшее завоевание страны будет трудным, поскольку в ней множество воинов и крепостей. По условиям мирного договора Кей-Хосров должен был ежегодно отправлять в Каракорум (ставка великого хана в Монголии) огромной дани. Султан оставался правителем той части государства, которая не была завоёвана. Это условие годом позже подтвердил своим ярлыком Бату, глава Улуса Джучи, чьим вассалом, по сути, и стал Кей-Хосров¹.

Поражение при Кёсе-даге стало переломным моментом в истории Конийского султаната, после которого процессы упадка в государстве заметно ускорились. Политический кризис усугубился после смерти Кей-Хосрова II в конце 1245 года.

К этому времени монгольская власть была утверждена в Иране и в регионе во главе с ханом Хулагу. Противоборствующие султаны Куньи Кей-Казус и Кылыч-Арслан прибыли в ставку Хулагу близ Тебриза, согласно Рашид ад-Дину, это произошло в августе 1258 года. Хулагу хан был крайне недоволен выступлением Кей-Кавуса против Байджу-нойона, но, по просьбе своей жены Докуз-хатун, простил его. Оба брата приняли участие в монгольской кампании в северной Сирии и вернулись к себе в Рум, когда Хулагу отступил на восток.

В результате внутренних распрей и вторжений монголов Конийский султанат к 1307 году распался на ряд бейликов, один из которых со временем превратился в Османскую империю.

В это время (XII-XIII вв.) Конийский султанат переживал культурный расцвет, отмеченный выдающимися работами зодчества. К ним относились большие гостиницы, караван-

¹ Агаджанов С.Г. Сельджукское завоевание и государства Сельджукидов. // История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, с. 282-283.

сарай, использовавшиеся в качестве перевалочных пунктов и торговых постов для караванов. При сельджуках было построено сотни этих строений, что также свидетельствует об их следования к еще одному из элементов саманидской стратегии- покровительства над шелковый путем. Главные города Конийского султаната - Конья, Кайсери, Сивас и другие - являлись одновременно центрами ремесла. Византийско-сельджукская торговля оживила экономику Малой Азии, оставалась значительной до конца XIII века. Несмотря на довольно хорошие межгосударственные отношения между высокопоставленными византийскими и сельджукскими правителями, попытки аккультурации сельджуков в целом завершились провалом для Византии из-за нескончаемым потоком миграции из Варуруда и Хорасана. Из этих традиционных регионов населения таджиков и тюрок на запад из-за монгольского нашествия стали постоянно стекать новые волны тюрко-мусульманских кочевников, а также оседлых таджикских семейств. Поэтому, в конечном счете, султанат оставался устойчивым сильного культурного влияния высококультурной Византии, когда с ней успешно конкурировала таджикская культура.

Особое отличие Конийского султаната от других состоит в том, что он окончательно избавился от зороастрийско-варурудского ограничителя «не входить в воду» и смог даже успешно снять военную экспедицию в другой (северный) берег Черного моря

3.6 Кочевые чингизиды под влиянием саманидской стратегии.

Если арабы- курейшиты, на основе авторитета священного Корана и хадисов Пророка Мухаммада (с), создав обширного халифата, несмотря на своей малочисленности, несколько столетий успешно руководили им, то монголы- чингизиды, на основе статуса *ясы* (степное право монголов), *биликов* (изречения) Чингисхана и его милитаризованного устройства государства, также несмотря на своей малочисленности, столетиями доминировали во Великой степи и сопредельных регионов Евразии. Это был период взаимопроникновения и жесткая конкуренция между священным Кораном и *ясы* Чингисхана, с причудливыми комбинациями и неожиданными (порой, уродливыми) поворотами.

Вероломство одного из наместников обширной державы Хорезмшахов, преемников державы Сельджуков, по отношению к мирному, но чрезвычайно богатому торговому каравану кочевников в процветающем городе Отраре, обратило гнев и жажду мщения правителя Великой степи и его воинственных военачальников (нойонов). Вскоре они, как саранча, хлынувших на владения этой обширной империи в «гнилых колоссах», опрокинули ее и вследствие попали также постепенно под обаяния стратегии Саманидов. Недолговечность государства Хорезмшахов состояла в том, что они игнорировали актуальность и важность стратегии Саманидов в государственном управлении. Как утверждал академик В.В. Бартольд: «восточно-мусульманский политический строй, созданный Аббасидами и получивший дальнейшее развитие в Тахиридах и Саманидах, теперь дошел до полного разложения. У бюрократии было отнято всякое значение; военное сословие, во главе которого стояла мать государя, находилось в открытой вражде с носителем верховной власти; духовенство

едва ли могло простить хорезмшаху убийство Меджаддина (ученика шейха Наджмиддина Кубра, основателя суфийского ордена кубравия- М.А.) и вынужденной фетвы против халифа; народ, освобожденный Мухаммедом (Хорезмшахом - М.А.) от ига неверных (каракитаев - М.А.), восстал против своих освободителей и был усмирен потоками крови. Итак Мухаммед не мог опираться ни на один элемент правительственной системы и ни на один класс населения»¹. Как стало очевидным, ни один из семи элементов стратегии Саманидов не соблюдался полностью со стороны хорезмшахов, а вероломное нападение на мирный торговый караван уподобил их с ненавистными всеми разбойниками на дорогах. Другими словами, Хорезмшахи, в отличие от других государственных образований Вароруда и Хорасана, пренебрегавших стратегией Саманидов, несмотря на обширность территории, с легкостью стали жертвой монгольского нашествия. С одной стороны *вероломное нападение* на мирный торговый караван со стороны высокопоставленных чиновников государства Хорезмшахов и *степная вендетта*, возведенный на ранг политики государства со стороны основателя обширной кочевой империи Чингисханом с другой, привели в начале XIII века бесчисленные бедствия, лишения и безвозвратных потерь как материальных, так и, особенно, духовно-культурных наследий таджикского народа. Ведущий специалист академик В.В. Бартольд дал точную характеристику этой личности: «мировоззрение Чингиз-хана было мировоззрение атамана разбойников, который ведет своих товарищей к победам и доставляет им добычу, делит с ними все труды, в дни несчастья готов отдать им все, даже свою одежду и своего коня, в дни счастья испытывает вместе с ними величайшее из

¹Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.-М.:«Восточная литература», 1963, с.444-445

наслаждений- ездить на коне убитых врагов и целовать их жен. Гениальный дикарь применял свои редкие организаторские способности все более широкому кругу лиц и не видел разницу между качествами, необходимыми для начальника отряда из десяти человек, и качествами для управления империей»¹. Теперь Вароруду и Хорасану, как и другим странам Евразии, предстояли превратиться, в основном, в «поле брани, когда победитель ездил на коне убитого врага и целовал его жену».

А ко времени вторжения в государства хорезмшахов Чингисхан и его окружения уже стали самостоятельно практиковать один из элементов саманидской стратегии- патруаж над великим шелковым путем. Об этом свидетельствует сообщение специалиста, узнав о богатстве Китая и нападения на него монголов хорезмшах отправляет к Чингизхану посольство во главе с Бахауддином Рази, который встречается с ханом в Пекине. Чингисхан, завоевав север богатого Китая, еще не думает о западном походе и изъявляет желания, чтобы «купцы свободно переезжали из одной страны в другую»². Во главе этого торгового каравана в Китай с послом хорезмшаха, по сообщению Джувейни, стояли трое купцов: Ахмад Худжанди, «сын эмира Хусейна» и Ахмада Балчич (возможно, Балхи ?), которые везли с собой шелковые и хлопчатобумажные ткани и известные ткани «зендани»³. В окружении Чингизхана в первые годы создания кочевого государства также находилось множества купцов из уйгуров, а также из Вароруда, Хорасана и Таримского бассейна (Уйгурии). Мон-

¹ Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т.П. Ч.П.-М.:«Наука»,1964, с.59.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.І.-М.:«Восточная литература»,1963, с.461.

³ Цит. по Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.І.-М.: «Восточная литература»,1963, с.463.

гольский хан, захватывая кочевых племен и их государств на западе, к началу XIII в. стал непосредственным соседом обширного владения хорезмшаха. Это способствовало интенсивному обмену торговых караванов между этими соседними странами, чем, в первую очередь, воспользовались предприимчивые купцы Вароруда и Хорасана. Из них 450 человек, состоящих все из мусульманских купцов, были отправлены ответным торговым караваном Чингизхана к хорезмшаху. Также снаряжалось и отдельное посольство во главе с Махмудом Хоразми (Яловач- тюрк.«посол»), Али ходжа Бухари и Юсуф Кенка из Отрара, которое, встретившись с Мухаммедом Хорезмшахом благополучно вернулось к Чингизхану. А торговому каравану, достигший приграничный город на северном маршруте шелкового пути (город Отрар) не повезло. Все купцы-мусульмане были перебиты со стороны его наместника, в основном, из-за его алчности, не устоявший перед чрезмерным богатством первого монгольского торгового каравана, снаряженный самым верховным ханом монголов. Спасшему от погрома погонщику верблюдов этого каравана удалось вернуться к Чингизхану и сообщить ему эту весть вероломства¹.

А миссия посольства монголов, отправленный к Мухаммеду Хорезмшаху, чтобы узнать мотив казни купцов и разграбления их товаров, и по возможности, привлечь к наказанию виновных, во главе с хорезмийцем Ибн Кефредж Богра, не увенчалась успехом, так как глава посольства был казнен, а его участники были выгнаны из страны с позором². Именно нарушения первого договора между соседними империями (о

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.464-466.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.466.

свободной торговле) стало одной из главных мотивов западного похода монголов.

В первые годы создания кочевого государства Чингисхан ввел первые десять придворных должностей:

1. «носители лука и стрел» в составе 4 ч-к (хорчи);
2. «заведующие пищей и питьем» в составе 3 ч-к (букаул или баурчи);
3. «заведующий паствою овец» (ахтачи);
4. «заведующий изготовлением кибиток (юртчи);
5. «управляющий домашними людьми» (чэрби);
6. «носители мечи» в составе 4 ч-к;
7. «заведующий выправкой коней» (ахтачи);
8. «заведующие паствою табунов» в составе 3 ч-к;
9. «дальние и ближние стрелы»(исполнители личных поручений хана) в составе 4 ч-к;
10. старейшины (главные советники хана) в составе 2 ч-к¹.

Эти десяти придворных должностей, введенных Чингизханом, никак не могут сравниться со знаменитыми государственными диванами Саманидов, а только могут подходить к некоторым полномочиям *векиля* во дворе эмира, естественно, с поправкой на кочевой образ жизни монголов.

А устройство военной службы, основа этой кочевой империи, могло сравниться с военным ведомством Саманидов (описанный Низам уль - Мульком в «Сиясатнаме»), а в организационно-дисциплинарном плане намного превзойти его, так как военные отряды были четко разделены на десятки, сотни и тысячи («тюмени»)². Ведущий специалист допускает, что в устройстве монгольской гвардии хана могли принять

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.-М.:«Восточная литература»,1963, с.447-448.

² Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 413.

участия представители более культурных народов в лице купцов¹.

Письменное делопроизводство у монголов появилось после объединения страны, когда уйгурский чиновник, перешедший к ним на службу (от найманов), стал использовать уйгурской письменности², которая в свое время, создавалась на основе согдийской письменности. Одним из первых результатов принятия уйгурской письменности стала кодификация монгольского обычного права (*ясы*), которые с изречением (*билик*) Чингизхана долго оставались для монгольских ханов высшим авторитетом³.

Анализ монгольского эпического произведения (составленного в 1240 г.) и известное под китайским названием *Юань-чао би-ши* со стороны ведущего специалиста показывает всю его примитивность, так как в них, в основном, говорится только о захвате и разделении добычи на войне или охоте этим определялась вся цель объединения народа под властью хана, все права и обязанности хана и его помощников⁴.

Одним из самых одиозных аспектов этого степного *ясы* было то, что приближенные хана или его наиболее заслуженные нойоны освобождались от наказания за девять преступлений (куда относились только самые серьезные преступления, связанные с убийством человека, а мелкие не брали в расчет)⁵. Поэтому, на наш взгляд, когда приближенные со-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.452.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.452.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.458.

⁴ Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II. Ч. II.-М.: «Наука», 1964, с.28.

⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.451.

временных глав государств постсоветского пространства не привлекаются за преступления (включая коррупционного характера) даже современными судами, тогда бросаются в глаза, именно сохранения рудиментов этого аспекта пресловутого архаичного степенного права, дошедшего до начала XXI века.

Главным хранителем ясы монголов стал второй сын Чингизхана, Чагатай, которому отошел Вароруд после раздела империй со стороны великого хана.

А слово *бахши*, первоначально относящееся к буддийским отшельникам, в монгольских государствах приобрело новое значение «*писец, чиновник*»¹.

Звание «*великого бахши*», т.е. главы гражданского управления в какой то конкретной области, обозначилось китайским названием *тайши*².

Несмотря на широкое привлечение представителей культурных народов Чингисхан, оставался до конца жизни шаманистом, поэтому устроив военное и гражданское управление новой кочевой империи, он сохранил должность *бики* (высший религиозный авторитет) среди монголов³.

С таким первоначальным устройством государственного управления монголы приблизились к Вароруду и Хорасану, где саманидские традиции, несмотря временного пренебрежения к ним со стороны хорезмшахов (что составляло их «ахиллесовой пяты»), имели неоспоримый статус.

Колоссальные бедствия и невозвратных потер высокого уровня как материальной, так и духовной жизни, связанных с

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с. 454.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с. 458.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с. 458.

разрушением многочисленных городов Вароруда и Хорасана и истребление их жителей или увод в рабства нанес непоправимый урон таджикскому народу и другим народам региона. Они, а также героическая защита таджикских городов, объективно описаны в известном труде академика Бободжон Гафурова «Таджики»¹.

Нахождение около второго сына Чингисхана Чагатая, которому должен был отходить Вароруд (кроме Хорезма) после завоевания страны, его визиря из числа мусульманских чиновников- таджика Кутбиддина Хабаш-Амида, свидетельствует о том, что монгольская верхушка уже в первых дней вторжения попало под обаяния таджикской бюрократии. Этому своему министру он уступил одну из двух плененных хорезмшахских царевен², что свидетельствует о том, что будущий правитель ставил должность визиря так высоко, почти равной самого правителя. Кроме всего женитьба на представительнице уходящей династии должна была символизировать преемственность власти.

Тем временем после смерти Чингисхана (1227 г.), по его завещанию в курултае (собрание военачальников и вождей племен) верховным ханом был избран его третий сын- Угэдей. При правлении этого хана приходилось обустройства великой кочевой империи с огромным количеством оседлого населения (Китай, Вароруд, Хорасан, Иран и т.д.). Здесь вновь обнаружилось тот родо- племенной подход к устройстве государства у кочевых империй (как у Караханидов и др.), когда в военные походы шли по одному царевичу из четырех улусов (четырёх стран, отошедших к сыновьям Чин-

¹ Гафуров Б.Г. Точикон. К.И. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна. -Душанбе, Ирфон, 1998, с. 600-616

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1.-М.:«Восточная литература»,1963, с.540.

гисхана). При гражданском управляющим Хорасана Чин-Темиром были представители всех этих четырех улусов¹.

Когда киданьскому советнику великого хана Елуй Чуцая не удалось воспрепятствовать распределению завоеванных стран между чингизидскими царевичами, он добился того, чтобы в каждую из этих стран направить чиновника великого хана, который должен был собирать дань для этих царевичей, которым запрещалось самостоятельно взимать подати². Это было очень оптимальное решение противоречий между хозяйственными укладами кочевых и оседлых народов и оптимальный механизм сохранения власти верховного хана во всех угольках обширной империи. Эти царевичи, преимущественно в Вароруде, стали принимать постепенно саманидские титулы эмиры (светские правители). Такая форма управления оседлых стран со стороны кочевой империи в первые годы показала свою эффективность, так как центростремительные процессы в обширной империи сохранились подольше. Различные роды кочевников, откочевавших из Монголии или из других степей в Вароруд, обитавших в различных степях, пустынях и склонах гор, выступали, главным образом, своей мобильной и хорошо вооруженной кавалерией, гарантом сохранения власти чингизидов. А управление оседлого населения кочевой империи была передана в руки местной (преимущественно, таджикской) бюрократии.

А одним из трех этих высших налоговых чиновников (монгол. «*таньмачи*») был известный Махмуд Яловач, который фактически управлял Варорудом от имени верховного хана с резиденцией в городе Худжанд. А когда брат великого хана Чагатай, номинальный правитель страны самовольно

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. - М.: «Восточная литература», 1963, с. 533.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. - М.: «Восточная литература», 1963, с. 534.

вызвал Махмуда в Карокоорум, то Угэдей не воспротивился ему, а отправил его в Китай в эту же должность. А в Вароруде, присоединенного во владения Чагатая¹ эту (отцовскую) должность занял Масьудбек, сын Махмуда. Необходимо отметить, что это известное семейство богатых торговцев (сартов) из Хорезма, обосновавшееся в Худжанде, играло одно из ключевых ролей в стабильном управлении Варорудом, несмотря на междоусобицы буйных чингизидов. Управление Варорудом, самым слабым монгольским улусом (страной), среди мощных соседей: Монголией и затем Китаем под управлением верховного хана, экспансионистской Золотой Орды и могущественной державы Хулагуидов (Ильханов), требовало незаурядных навыков компромисса и лавирования, которым обладали представители этого семейства. Во время управления страной (чагатайским улусом) Махмуду Яловачу (1221-1238 гг.), его сыну Масьудбеку (1238-1289 гг.) и его трех сыновей (1289-1303 гг.)², им удалось несколько раз спасти конкретные города от погромов, построить множества построек, включая медресе, а также провести денежных реформ, т.е. снова обустроить общественно-политической и финансово-экономической жизни страны.

Однако существует альтернативное мнение, что это семейство было только орудием в руках захватчиков, не желавших переход к оседлому (городскому) образу жизни, оставаясь верными кочевой образа жизни, при этом использовали существующей практики гражданской бюрократии для сбора завышенных податей³

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.535.

² Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.262.

³ Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана. / пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с.433.

Другими словами, монголы-завоеватели Вароруда, признавали преимущества саманидских традиций успешного управления страной над собственной архаической родоплеменной системой управления, поэтому в течение всего XIII века не стали непосредственно вмешиваться в нее, ограничившись только сбором податей.

«Сидя на коне», т.е. не порывая с кочевым образом жизни, монголы были вынуждены для управления обширных территорий с оседлым населением прибегать к его развитым практикам. В Китае, где монголы также были захватчиками, они не могли прибегнуть полностью к услугам китайских чиновников, поэтому массово привлекали уйгурских и таджикских чиновников. Махмуд Яловач, назначенный великим ханом Угэдеем губернатором Пекина с должности главного налогового чиновника в чагатайском улусе, свидетельствует о том факте, что услугам таджикских гражданских чиновников широко прибегли уже в первые годы насильственного присоединения Вароруда в состав монгольской империи. Данная практика получила широкое применение в годы правления великого хана Хубилая, вскоре превратившего в китайского императора, основателя монгольско-китайской династии Юань.

Переписка между чагатайским визирем Кутбиддином Хабаш-Амидом и известным суфием Сайфиддином Бахарзи свидетельствует о том историческом факте, что первый был сторонником светской власти, а второй религиозной власти, которой более сто лет ранее удалось предать религиозному суду одного из караханидских ханов (Ахмадхана). В словах второго «когда дворец становится *минбаром*, лучше, чтобы *минбара* не было совсем», кроется сильное недовольство духовенство установлением сугубо светского характера власти. Несмотря на то, что мусульманское духовенство, как и другие религиозные деятели, были освобождены от податей и по-

винностей, оно не смирилось потери своего авторитета и статуса в общественной жизни населения¹.

Другой случай жесткой конкуренции между светской бюрократией с сторонниками религиозного оккультизма, сообщает Хондамир. Ученый Абуюсуф Секкаки, знаток астрологии, через свои незаурядные способности становится одним из приближенных Чагатая. Однажды он, остановив его от выстрела против летавших журавлей, по выбору правителя Вароруда через заклинания (*афсун*) заставляет падать в землю некоторых из них. После чего Чагатай становится «его учеником и последователем и сидел перед ним на коленях вежливости». Это его возвышения не могло не привести его соперничества с визирем за внимания правителя и предсказывает, что «божественная благосклонность» покидает визиря и может вовлечь несчастья и на правителя. Взволнованный правитель освобождает Кутбиддина от должности визиря, а через год страну охватывает расстройство дел управления и финансов. Чагатай был вынужден вернуть Кутбиддина на должность визиря страны, который восстановившись в должности добивается того, чтобы его «хулигель» попал в темницу, где он и умер². Это было продолжение вечной конкуренции великих визирей с государственным мышлением с представителями реакционного духовенства, для достижения целей не брезгавших и оккультными мистериями, начавшейся со саманидских времен.

Как было рассмотрено в предыдущих разделах, монголы, правящих в оседлых странах согласно крылатого слова известного советника Чингизхана (Елуй Чуцай)- «сидя на коне

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.541-542.

² Цит. по Бартольду В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.543-544.

можно завоевать страной, а сидя на коне нельзя управлять страной», стали управлять ими при посредничестве способных представителей оседлых народов. Одним из способных управленцев показал себя вышеупомянутый Махмуд Яловач и его сын Масъудбек. Средневековый историк Джувейни сообщает о благодетельном управлении оседлыми народами Вароруда со стороны Махмуда Яловача, когда страна уже оправилась от нашествия и разграбления монголов¹. Несмотря на это сообщение, страну после двадцати лет завоевания монголами охватила одно из мощнейших народных восстаний во главе с ремесленником Махмудом Тараби. Ему удалось через обладания некоторыми сверхъестественными способностями и обманом привлечь к себе большого количества сторонников, которым удалось уничтожить в одном из сражений более 10 тыс. монголов. А когда, подоспевшие крупные силы монголов, подавив восстания, хотели разграбить город Бухары, где ранее была прочитана хутба на имени Махмуда Тараби, другому Махмуду (Ялавачу) стоило больше усилий чтобы предотвратить город от нового разграбления. При вмешательстве верховного хана Угэдея ему удалось добиться помилование городу (1239-1240 гг.)².

А после перевода Махмуда Яловача в управления Китаем, его сын Масъудбек стал управлять Варорудом и Таримским бассейном (включая Уйгурией) более полстолетия. Средневековый автор Джувейни хвалит Масъудбека за строительства медресе в Бухаре, когда одно из медресе (Ханийе) было построено за деньги супруги Тулуя (четвертого сына Чингисхана), а второе (Масъудийе) за собственные деньги

¹ Цит. по Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.538.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.545-547.

управляющего. Выделение крупной суммы для строительства медресе со стороны супруги одного из влиятельных сыновей Чингизхана, христианки по вероисповеданию, свидетельствует о том, что верхушка чингизидов благосклонно относились мусульманскому населению. В каждом из медресе было по 1000 студентов и эти здания были украшением тогдашней Бухары. Примечательно, что мударрисом в Ханийе был выше упомянутый Сайфиддин Бахарзи, состоявший в переписке с визирем Кутбиддином Хабаш-Амидом¹. Таким образом, один из элементов саманидской стратегии-меценатства над «людьми пера» при поддержке местного высшего чиновника (при финансовой поддержке представителей монголов) приобрел и институциональный характер, так как этом учебном заведении занимались творчеством десятки их представители.

После смерти Чагатая его супруга, его визирь Кутбиддин и приближенные возвели в престол Вароруда его внука (сына Мутугэна) Хара-Хулагу.

Вскоре после некоторого между царства после смерти верховного хана Угэдея его трон занял его сын Гуюк. В курултае чингизидских царевичей (1246 г.) были утверждены также наместники на три оседлых стран – в Китай, Вароруд и Иран, две из которых были таджиками – Махмуд Яловач, его сын Масъудбек и ойрат Аргун (в Иран). Гуюк при этом низложил правителя Вароруда Хара-Хулагу, с тем мотивом, что «при жизни сына внуку нельзя наследовать престол» и назначил сына Чагатая Есу-Мункэ правителем «чагатайского улуса». А визирем назначил сына ферганского шайх ул-ислама и воспитанника визиря Кутбиддина Бехауддина Маргинани².

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.549-550.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.549-550.

Если учесть, что новый правитель чагатайского улуса отличился большой страстью к пьянству, то государственное управление было в руках его супруги и визиря государства. Историк Джувейни, непосредственно встречавший с Бехаудином, сообщает о том, что дом визиря превратился в средоточия оставшихся в живых выдающихся ученых и наука при нем вернула свое значение¹. Это сообщение свидетельствует о том факте, что после опустошительного нашествия монголов в Вароруд и Хорасан, традиция меценатства над «людьми пера» не исчезла, а возродилась при первом благоприятном условии.

Непродолжительное правление хана Гуюка (1246-1251 гг.), в основном, не было благоприятным мусульманам кочевой империи, где он предпочтения отдавал христианам². Согласно курултая 1251 года великим ханом был избран один из сыновей Тулуя Мункэ, известный своей веротерпимостью, а главой чагатайского улуса была назначена Эргэнэ-хатун (вдова эмира Хара-Хулагу) вместо малолетнего сына Муборак-шаха, первый из чингизидов принявший ислам. Это назначение означало возвращения к власти визиря Кутбидина Хабаш-Амида и его сына Насириддина. Он не простил своему воспитаннику Бехауддину Маргинани, занявший его должность при предыдущем правителе и жестоко казнил его³. Добавление к имени властвующей вдовы титула «хатун» (первоначально согдийский титул «ханша», рассмотренного у Караханидах и Сельджукидах) и мусульманское имя малолетнего принца с древне таджикским титулом «шах» свиде-

¹ Цит по Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.556.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.556.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.560-561.

тельствует о том, что уже через одно поколения правления монголами в Вароруде они попали под обаяния местных таджикско-мусульманских ценностей и традиций¹.

А фактическим правителем страны оставался Масъудбек, действовавший от имени верховного хана Мункэ и Батухана (главы улуса Джучи, с резиденцией на берегу Волги), который осени 1255 года дал угощение идущий в поход на Багдад Хулагу с большим войском². Данное обстоятельство свидетельствует не о триумвирате власти (власть верховного хана; его представителя в оседлой стране и главы мощного улуса), а о признании со стороны монголов преимущества саманидской традиции управления, когда гражданская бюрократия в союзе улемами традиционного ханафитского толка суннитского ислама управляли обширной страной.

Во время правления хана Мункэ Батухан также распространял свою власть в Вароруд, так как Мункэ не воспротивился создавшемуся дуализму власти. Данное обстоятельство благоприятствовало распространению со стороны таджикских богословов распространить суннитско-ханафитского толка ислама не только среди подданных улуса Золотой Орды в Поволжье, но и среди его правителей. После смерти Батухана в 1255 году и кратковременного правления его сыновей Сартака (уменьшительное имя «таджика» со стороны монголов) и Улакчи, к власти в одном из обширных западных стран монголов пришел его брат мусульманин хан Барака. Согласно сообщению средневекового автора Джужжани будущий хан учил Корану в таджикском городе Худжанде³, который еще при жизни Батухана был мусульманином, в ставке которого

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.565-566.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.566.

³ Цит. по Бартольду В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.568.

соблюдались мусульманские обряды (включая запрет на свинину). После восшествия в престол Золотой Орды он посетил город Бухару, чтобы высказать почет и уважение его выдающимся улемам¹. Этот хан Золотой Орды, будучи мусульманином, выступил защитником мусульман в «сердце» ислама (Ирак и Иран) против Хулагу, основателя государства Ильханов-христианина, притеснявшего свое преимущественно мусульманских подданных².

Это сообщение средневековых и современных авторов свидетельствует о том, что по прошествии жизни одного поколения после завоевания Вароруда суннитский толк ислама, вознесенный в ранг государственной религии со стороны Саманидов и соблюдаемых последующими государственными образованиями, не только возродился, но и стал распространяться среди населения Поволжье (включая среди кочевых татар, башкир и др.). Если в распространения ислама и мусульманской культуры среди народов и племен Поволжья (превратившийся в улус Джучи) ключевой роли играли торговые караваны таджикских купцов Вароруда и Хорасана, то среди его правящей верхушки основную роль играли таджикские улемы. Распространение ислама и мусульманской культуры на север (в Поволжье) не прямо из Багдада (через Кавказ), а из Вароруда ярко свидетельствует тот исторический факт, что халифское посольство в Волжскую Булгарию в 921-922 годов, подробно описанный Ибн Фадланом, снаряженный в Багдаде, не шел прямо на север (через Кавказ), а через Бухару и Хорезм³. Если в Саманидский период распространения ислама и мусульманской культуры на север (совр. Россию)

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.569.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.576.

³ Бартольд В.В. История Туркестана. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.124.

препятствовал Хазарский каганат, исповедующий иудаизм, то в монгольское время Багдадский халифат был уничтожен и созданный в его обломках государство Хулагуидов был в жестком противоборстве с улусом Джучи, поэтому Вароруд оставался основным каналом распространения и поддержания ислама и мусульманской культуры на север, северо-запад и северо-восток (на Великую степь, Кавказ, Россию, Монголию, Китай).

После смерти верховного хана Мункэ во время похода в Китай (1259 г.) вновь разгорелась жестокая борьба между претендентами на престол (между сыновьями Тулуя Хубилаем и Арик-Букой), военные представители которых действовали также и в Вароруде. В эти годы в Вароруде появился внук Чагатая Алгуй, которому присоединился сын визиря Кутбиддина Сафарбек в качестве гражданского чиновника¹. Этот новый правитель Вароруда после удачного обстоятельства дел и признания поражения младшего брата Арик Буки женился на Эргэне-хатун, там самым узаконил свое правление. Он назначил опытного управляющего Масъудбека правителем Самарканда и Бухары². Хан Арик Бука умер в 1264 году и Эргэнэ-хатун при согласия своих эмиров и визирей возвел на престол своего сына Муборак-шаха. Этим решением не согласился верховный хан Хубилай, который отправил к нему в качестве соправителя двоюродного брата Муборак-шаха Борака, который узнав твердые позиции первого сначала удалился в Чаганиан. Он оттуда, набрав силы, захватил затем престол чагатайского улуса³. Этот новый хан Вароруда

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.574.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.576.

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.579-580.

стал распространять свою власть и в Таримский бассейн, который ранее относился к владениям великого хана. По мере превращения великого хана Хубилая в китайского императора, Вароруд в качестве чагатайского улуса стал возвышаться, превращаясь на самостоятельное государство.

Верховный хан Хубилай, сторонник модернизации монгольских традиций, после победы над сторонником сугубо монгольских кочевых традиций Арик Букой, развернул активную деятельность над привлечением представителей различных народов в управлении своей империи. В этом процессе особое место занимали таджикские гражданские чиновники и ученые, привлеченные из бывшей столицы (Каро-корума) и Вароруда в свою новую столицу. В подражания ханам чагатайского улуса он назначил своим визирем Ахмеда, который, согласно мнению современных исследователей, имел во дворе верховного хана такое высокое положение в течение двадцати лет, каковое имел при Маликшахе Сельджукиде великий визирь Низам уль-Мулк¹. Другим ярким представителем таджикской гражданской бюрократии был Саид Шамсиддин Умар, из аристократии Бухары, сдавшегося Чингисхану, который также сделал головокругительной карьеры, будучи назначенный наместником в самой южной провинции Китая- Юньнань². Сюда он приехал в окружении многочисленных сопровождавших таджикских богословов, перешедших в гражданскую службу, из состава которых в последующей династии вышел легендарный китайско-таджикский адмирал Чжень Хэ. Этот адмирал династии Мин

¹ Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с.419.

² Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с.419.

задолго до европейских мореплавателей достиг юго-восточной Африки из далекого Китая¹.

Тем временем в политическом небосклоне Вароруда появился новый претендент на чагатайский улус в лице царевича Хайду, внука Угэдея. Он при военной поддержке улуса Джучи, бросил вызов хану Бораку и в конечном итоге добился уступки с его стороны. В курултае 1269 году в Таласской равнине, в котором, главенствовал Хайду, произошел раздел чагатайского улуса (Вароруда), две трети которого отошел Боракухану, остальная часть Хайду и главе улуса Джучи (Менгу-Тимуру). Как в прошлом царевичи обещали жить в горах и степях, не подходить к городам и садам, а управление оседлого населения по традиции был возложен на Масъудбека². Этот курултай без участия верховного хана демонстрировал, что теперь Вароруд с сопредельными областями (Таримский бассейн, часть Хорасана и др.) будет иметь самостоятельной политической жизни. При этом сохранилась отдельная жизнь кочевников от оседлого населения, когда первые были заинтересованы в регулярном поступлении и подати от вторых, установленной при великого хана Угэдее, чтобы победители- кочевники не вмешивались в повседневной жизни сельского и городского населения завоеванных стран.

В новой жизни, когда внешние силы не стали часто вторгаться в повседневной жизни жителей Вароруда, Масъудбеку удалось провести денежную реформу, приведшей к оживлению торгово-экономической жизни страны³.

К концу XIII века относится строительство нового города Андижана со стороны ханов Хайду и Тувы, который через

1

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.582.

³ Гафуров Б. Точикон. Китоби I. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна.-Душанбе, Ирфон, 1998, с.617

одно столетия затмил старый центр Узгенд, превратившись в главный город Ферганы.¹ Строительство относительно крупного города в Вароруде в конце того века в начале которого были опустошены множества его городов, среди прочего, свидетельствует о том, что беспорядки постепенно стали уступать в пользу централизации страны.

Через полстолетия после Таласского курултая мы обнаруживаем нарушения традиции о раздельной жизни между кочевниками и оседлым населением Вароруда, когда сын хана Тувы Кебекхан (1318-1326 гг.), который решил построить себе в Кашкадарьинской долине дворец (монгол. «Карши»), вокруг которого образовался одноименный город. Этот поступок чагатайского хана означал порывать с традициями кочевой жизни, прежде всего с *ясой* Чингизхана. Он также провел денежной реформы, выпустив серебряные монеты со своим именем (динары и дирхемы), которые, пережив его, долго назвались «кебекскими». Ислам принял его преемник и брат Гармаширин (1326-1334 гг.), резкий разрыв с кочевыми традициями привели к восстанию монгольских эмиров, в результате которого хан был свергнут и казнен. Снова местом пребывания стало бассейн реки Или (на юго-востоке Казахстана)².

В начале XIV века наблюдаются две параллельные процессы-оседания отуреченных монгольских родов в долинах Вароруда: барласы осели в Кашкадарьинской долине, джалаиры вблизи Худжанда (ворота Ферганской долины), арлаты на левом берегу Амударьи. С другой стороны тяга ханов к постройке своих постоянных резиденций (дворцов) и переход

¹ Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II. Ч. II.-М.: «Наука», 1964, с.32.

² Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II. Ч. II.-М.: «Наука», 1964, с.32-33.

также к оседлой жизни. В начале 40-х годов этого столетия новый хан Казана, который также построил собственный дворец вблизи Карши. Его попытка установить центральную власть также была пересечена недовольством и бунтом этих родовых вождей, один из которых Казаган, который в 1346-1347 гг. победил и казнил его. После этого власть в Вароруде перешел Казагану, которого и последующих правителей оседлое населения называл эмирами (саманидская традиция), которые для легитимизация своей власти стали возводить в престол действительных или мнимых ханов чингизидов. Эту традицию приняли также дуглатские эмиры Таримского бассейна. Вскоре между Варорудом и Таримским бассейном, которого таджики называли «Мугулистон», произошло культурное разграничение: жители первого называли населения второго «джете» («разбойники»), а они в ответ их «караунасамы» («метисами»)¹.

Правление этого эмира Казагана, продолженного до 1358 год, проходил в полном соответствии с кочевой традицией, летом он кочевал вокруг Бальджувана (Таджикистан) и зимой отходил на юг (Пяндж, Таджикистана) и без противостояния с «джете». После его смерти ему унаследовал его сын Абдулла, который уже долго жил в Самарканде, куда и хотел перевести свою столицу, которому противились эмиры-сторонники кочевой образ жизни. В этой борьбе «степи и города» и погиб эмир Вароруда и стран вновь погрузилась в годы междоусобиц и внешних вторжений со стороны (Могулистана). Остро стоял вопрос об установления стабильности и централизации власти в Вароруде, с которым блестящее справился великий Тамерлан.

¹ Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т.П.Ч. II.-М.: «Наука», 1964, с.35-36.

Как стало известно, что в Вароруде традиции кочевой империи стали постепенно утрачивать свои позиции мусульманской культуре, в общем, и саманидским традициям, в частности. Но этот переход, берущий свое непосредственное начало от внуков Чингисхана, проходил очень болезненно, с множествами военно-политических катаклизмов и в отчаянном сопротивлении сторонников кочевой традиции. Степная кочевая традиция монголов дольше сопротивлялась в Вароруде, где ханы чингизидов, несмотря на отдельных их представителей, тяготеющих к городскому образу жизни, не могли полностью порывать с ней. В итоге многочисленные города Хафтруда, разбогатевших благодаря оживленному северному маршруту шелкового пути в прошлом, превратившиеся в монгольский период в пограничную полосу между тремя монгольскими улусами и, соответственно полем откочевков, брани и междоусобиц, пришли в упадок.

Эта была эпоха упорной борьбы стратегии Саманидов с *ясой* грозного Чингисхана, в которой первая вышла победителем, а вторая оставила «рубцы» в общественном сознании народов региона до нового времени.

Достижение современной науки дает возможность по новому взглянуть на некоторые моменты средневековой истории, особенно, состояния науки в эпоху Чингисхана и его преемников. Ранее исследователи обратили особое внимание на разрушение Багдада после мучительной казни последнего халифа (для получения информации о его баснословной казне) и осады и разрушения «непреступной» крепости исмаилитов Аламута. В настоящее время появились исследования, посвященные вопросам обустройства городов и отношения к различным наукам, после опустошительных завоеваний монголов, от Дальнего до Среднего Востока. Теперь мы можем рассмотреть деятельность двух ханов из чингизова дома, основателя государства Ильханов Хулагу и монгольско-

китайского императора Хубилая, в качестве покровителей двух выдающихся таджикских ученых- хорасанца Насириддина Туси и бухарца Джамаладдина.

Выдающийся таджикский ученый Насириддин Туси (1201-1274 гг.), как многие из выдающихся поэтов, ученых и государственных деятелей (Фирдоуси, Низам уль-Мулк и многие другие) был выходцем из известного селения Туса. Он, воспитанный в исмаилитской семье, уже до завоевания Вароруда и Хорасана монголами уже овладел множествами (химия, биология, математика и логика). По мере приближения монголов в Нишапур он перебрался в один из исмаилитских замков в горной (прикаспийской) части Ирана, созданных и действующих со времен их оппозиции к официальной власти. А последние годы занимался науками в неприступной крепости Аламут с ее большой библиотекой и обсерваторией. Здесь он после осады крепости монгольскими воинами во главе с ханом Хулагу попал в плен. Этот хан, как и Арузи Самарканди, считавший астрологии/астрономии одним из столпов государственного управления, освободил этого уже получивший широкой известность ученого астронома. Он также поручил ему астрономические наблюдения и контроль религиозных вопросов, при этом выделив необходимых финансовых ресурсов. На эти деньги была построена в местечке Мараги, вблизи города Тебриз, превращенного в столицу новой монгольской державы Ильханов, новая каменная обсерватория, куда была перенесена аламутская библиотека (40 тыс. книг) и укомплектована научный персонал¹.

Вскоре эта обсерватория в Мараге, куда привлекалось множества известных ученых, благодаря научным изыскани-

¹ Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 426-427.

ям Туси и его учеников –преемников, среди которого особо выделяется Садр аль-Шариа аль-Бухари (ум. 1347). По сообщению специалиста, именно он достиг осязутих успехов по усовершенствованию системы небесных тел Птолемея, превзойдя его в ней¹.

Таким образом, Насиридин Туси и его ученики по «ма-рагской школе», внесли, как и другие школы «таджикско-исламского ренессанса», свой вклад по сохранению, усовершенствованию античной научной мысли и их передачи в Европу, где вскоре началась научно-технический прогресс.

Если в Среднем Востоке плодотворно творил Насиридин Туси, то в столице Хубилай научные изыскания проводил Джамаладдин из Бухары. Ему, по сообщению специалистов, хан поручил основать Исламский астрономический институт, который должен был функционировать наряду с традиционным китайским, что создало среду конкуренции между ними. Ученый астроном, до этого работавший в Монголии, прибыл в новую столицу Хубилай с детальным планом астрономических приборов: совершенная астролябия, глобус звездного неба, глобус Земли и другие, которые конструирования китайским мастером, были представлены хану. Сферический глобус Джамаладдина отображал реки, океаны и даже протяженность дорог, который был сконструирован по гурганджскому образцу глобуса Абурайхона Бируни².

Это специалист сообщает, что «еще в течение века Исламский астрономический институт и его обсерватория продолжали привлекать светил из Центральной Азии в Пекин. Обсерватория сохранилась и по сей день. В 1360-х годах не-

1

² Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 420-421.

скольких переводчиков из Кундуза (Афганистан), служивших Шамс ад-Дину, наняли для выполнения переводов на китайский язык греческих и арабских астрономических трудов, в том числе Евклида и Птолемея, а также «Хронологии древних народов» Бируни и относительно новые работы Насира аль-Дина из Туса. В те же годы еще один выходец из Самарканда, Абу Мухаммед Ата ибн Ахмад Ходжа ас-Санджужфини, подготовил астрономические таблицы и предсказания затмений для монгольского наместника в Тибете»¹.

Если ряд наук поддерживались чингизидскими ханами, то таджикская литература, благодаря расширению ареала саманидской стратегии в предыдущих периодах, стала давать обильный урожай, особенно вне Вароруда и Хорасана. Трагическая встреча великого поэта-суфия Фаридаддина Аттора (1145-1221) с монгольским воином, занятого обычным грабежом в захваченном городе (Нишапуре) демонстрирует несовместимость двух этих миров. Великий поэт-мистик Атор, высший идеал которого было самоотрицание себя и духовное соединение с творцом (вахдати вучуд), был настолько разочарован тем, что монгольский воин-простак назначил на его голову мизерную цену. Поэтому он несколько раз отклонил предложения выкупа со стороны земляков, что обескураженный воин, видя, что с его рук ускользает материальная выгода (а не гений созерцания), с отчаяния и обиды, разрубил его мечом².

Если монгольское нашествие привело к прекращению высокого полета мысли одного из гениальных мистиков таджикского народа, то второму гению мысли- Джалолиддину

¹ Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 421.

² Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 430.

Балхи/Руми (1207-1272 гг.) пришлось продолжить свои литературно- богословские изыскания вне пределов их власти. Выходец из одного из долин современного Таджикистана (Вахш) Джалолиддин, после получения начального образования в Вароруде (Вахш, Самарканд), накануне монгольского нашествия вместе с семьей покинул его¹. После странствий в городах Нишапур, Багдад, Хиджас, Дамаск, Алеппо и Мекки, где Джалалиддин продолжил также свое образование (под руководством своего отца), он вместе со своей семьей остановился в городе Конье². Здесь после распада сельджукидской державы, были образованы различные огузские (туркменские) княжества (бейлики), чтивших, среди прочего, «таджико-тюркский синтез».

Легенда гласит, что в городе Нишапур молодой Джаладдин встретился с великим суфием Фариаддином Аттормом, который, среди прочего, оставил неизгладимый след в его богословской философии. Он не только продолжил суфийских традиций своего великого предшественника (в одном из стихотворений он называет себя его последователем), но и творчески развил их дальше:

Аттор рӯҳ буду Санои ду чашми ӯ,
Мо аз паи Саноию Аттор омадем³

(Румӣ)

(Аттор был духом, а (суфий) Санои две его глаза,
Мы пришли по стопам Санои и Аттора)

¹ Старр Ф. Потерянное просвещение. Золотой век Центральной Азии от арабов до Тамерлана./ пер. с англ. яз.-М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 424.

² Гафуров Б. Толькон. Китоби И. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна.-Душанбе, Ирфон, 1998, с.635.

³ Мирзозода Холик. Таърихи адабиёти тоҷик (Аз давраи кадим то асри XIII), с.126

Вскоре он после создания местного суфийского ордена (мавлавия, от «Мавлоно Руми») передал преподавательской деятельности и непосредственного руководства орденом своим ученикам (мюридам), а сам непосредственно занялся разработкой основ этого ордена (знаменитое произведение «Маснави маънавӣ») и дивана газелей, оба на родном таджикском языке¹. Творчество Джалалиддина, начатое в Вароруде (Балхе) и продолженное в Малой Азии (Руме), в конечном счете, расширил горизонты саманидской стратегии, особенно таджикофонии и ханафитского толка суннитского ислама до берегов Босфорского пролива и укрепил их для последующих столетий.

Другой яркий представитель этой вынужденной миграции был Амир Хусрав Дехлави (1253-1325 гг.), отец которого будучи выходцем из города Кеша (Вароруда), во время монгольского нашествия выбрал иного, индийского направления переселения. Рожденный в одном из городов северной Индии, после получения образования он выбрал город Дели, столицу одноименного мусульманского султаната, в дворе которого начал свое творчество (поэтому выбрал псевдоним-«Дехлави»). Он продолжил начавшую традицию великих таджикских (и таджикоязычных) поэтов по написанию «Хамсы» (поэтический диван, состоящий из пяти отдельных частей), берущую свое начало от Низами Ганджеви, творивший на южном Кавказе. Его любовно-героические поэмы, из местного (индийского) материала, позволили закрепления таджикофонии на древней индийской земле².

Сюда относится и творчество автора поэтического произведения (тазкира), дошедшей до наших времен «Лубоб-ул-

¹ Гафуров Б. Точикон. Китоби I. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна.-Душанбе, Ирфон,1998, с.636.

²Гафуров Б. Тольикон. Китоби I. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна.-Душанбе, Ирфон,1998, с.637.

албоб» («Сердцевина сердцевины») Мухаммада Авфи, уроженца Мерва, воспитанного в Бухаре, при нашествии монголов, будучи в Гуре (совр. Афганистан), остался там, на постоянное жительство. Он посвятил это свое произведение визирю местного султана (в 1221 г.). Позднее, переселившись в Индию, написал новое произведение «Чавоме-ул-хикоёт ва лавоме-ур-ривоёт» («Собрание рассказов»), которого посвятил визирю делийского султана Ильтутмишу Низамулмулку Джунайди. Оно изобилует также описанием ценных исторических событий до 1230 годов¹.

Несмотря на катаклизмы времен монгольского владычества, традиция таджикско-мусульманской историографии не прервалась, а продолжала успешно развиваться. Сюда можно относит три яркие образцы.

Одной из важных источников того периода можно перечислить «Табақоти Носири», написанный в 1260 году Абуумаром Джузджани, описывающий о истории правителей Газни, Индии и монгольского владычества. Оно является одной из лучших исторических произведений области Гур средневекового периода². Две другие были сочинены в Иране: первое «Таърихи Чахонкушо» («Открыватель мира») Алауддина Джувайни (ум. 1283г.) и «Чомеъ-ут-таворих» («Сборник летописей») Фазлулаха Рашидадина (год смерти-1318 г.)³

Таким образом, необходимо отметить, что противопоставление созерцания (интуиции) наукам, начавшегося со времен суфийского богослова Газали, который при поддержке трона, начал свои нападки против рационалистов и всех

¹ Гафуров Б. Тоъикон. Китоби И. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна.-Душанбе, Ирфон,1998, с.637.

² Гафуров Б. Тоъикон. Китоби И. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна.-Душанбе, Ирфон,1998, с.637-638.

³ Гафуров Б. Тоъикон. Китоби И. Таърихи кадимтарин, кадим ва асри миёна.-Душанбе, Ирфон,1998, с.638.

«людей пера», стал набирать обороты. Классический баланс между «людьми пера» и «людей чалмы», созданный благодаря великими визириями дома Бармакидов и возведенный в ранг государственной политики со стороны славных Саманидов в последующих государственных образованиях стал терять постепенно свой статус и популярность. С одной стороны «люди чалмы» (в последующем, в союзе с отшельниками-суфиями), и многочисленные поэты-панегирики, с другой, стали нарушить союз трона с «людьми пера». Как показала жизнь Насириддина Туси, его основное (до монгольское) творчество уже прошло в оппозиционной к центральной власти крепостях с богатой библиотекой.

Формирование четырех суфийских орденов суннитского ислама (яссавия, кубравия, мавлавия и накшбандия) с варорудско-хорасанскими (и таджикско-тюркскими) корнями до монгольского и монгольского времен ярко свидетельствует о том, что асоциальное созерцание (взамен гражданскому активизму и пытливым научным изысканиям) уже твердо занял свое место в повседневной общественной жизни народов Вароруда и Хорасана.

Во время брожения умов для выбора между суфийским созерцанием (выбор сердцем) и активным научным занятием (выбор умом) в регион как «голодная саранча» ворвалось монгольское иго, которое еще больше осложнило этот общественный выбор. Монголы стали шадить только умелых ремесленников, необходимых для строительства фортификационных сооружений или иных инженерных или военно-технических оборудований для дальнейшего продвижения их мобильной армии. Они также стали беречь лояльной для новой власти части традиционного духовенства и богатых торговцев, среди которых стали рекрутировать гражданского чиновничества для своевременного сбора подати. Их мировоззрения, ограниченное степным шаманиз-

мом, не могло вместить туда астрономических и иных глубоких научных познаний.

В итоге начавшая дискуссия между знаниями Ибн Сина («я знаю!») и созерцанием хорасанского шейха (?) («я вижу!») в регионе за двести лет до монгольского нашествия, усложненная преподавательской деятельностью Газали (при непосредственной поддержке великого визиря Низам уль-Мулка), в «темные времена» монголов при их грабежах, насилиях и междоусобицах, «люди чалмы» взяли вверх над «людьми пера».

Вскоре была отчаянная попытка возрождения активной деятельности темуридских султанов (Улугбека и Хусейна Бойкара), однако они были последними «искрами» перед долгим «тлением» и мучительным «угасанием».

3.7. Тимур и тимуриды как просвещенные продолжатели стратегии Саманидов.

Если извечная мечта античных мыслителей (философов), чтобы у высшей власти государства встал ученый правитель, была воплощена на Западе (в Европе) в лице римского императора Марка Аврелия, то она на Востоке (в Вароруде) воплотилась в лице ученого- эмира, внука основателя государства (Темуридов), Улугбека.

Известное изречение «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей»¹, относящийся к основателю последней империи Вароруда эмиру Тимуру, ярко демонстрирует то, кому была возложена историческая миссия возрождения стратегия Саманидов в новом блеске. Вторичная централизация власти, после первой централизации власти в Вароруде и Хорасане при Саманидах, среди прочего, обеспечил интенсивный обмен мнениями, идеями и инновациями в обширном регионе в центре Евразии, куда стали стекаться не только с сопредельных регионов, но и из далекой и возрождающейся Европы.

После полутора столетия вхождения Вароруда в составе обширной кочевой империи Чингизхана и чингизидов и нахождения кочевников под сильным воздействием мусульманской культуры, в общем, и влиянием саманидской стратегии, в частности, не могла не происходить кардинальной трансформации в нем. Мощная саманидская стратегия, которая давно перешагнула пределы Вароруда и Хорасана, не только доходив на юго-востоке до Бенгальского залива и на юго-западе до Босфорского пролива, но и в столицу монгольско-китайской империи Юань, не могла не возродиться в своей исторической родине.

¹Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.159.

Парадоксально, но факт, что в этой роли выступил не представитель таджикского или одного из тюркских народов, а отуреченный монгол (из племени барлас) грозный Тимур, более известный в мировой истории полубогатырем Тамерланом (таджик.«Тимури Ланг»- «хромой Тимур»). На наш взгляд, этот монгольский род (барлас), в процессе отуречивания, одновременно принял один из его главных постулатов мирного сосуществования таджикского и тюркского народов- «таджикско-тюркский синтез», имевший уже 800 летнюю историю. Другими словами в процессе оседания и ассимиляции монгольских родов в Вароруде и Хорасане они частично или полностью восприняли местные традиции, где особняком стояли саманидские традиции. Этот был период взаимопроникновения и жесткой конкуренции стратегий Саманидов с *ясой* грозного Чингизхана, которые давали порой невероятные результаты.

Как стало известно с предыдущего раздела, Вароруд и Таримский бассейн из-за массовой ассимиляции тюркских и монгольских племен и народов мусульманской культурой стали отделяться друг от друга в культурно-цивилизационном плане. Таримский бассейн, бравший новое название со стороны таджикско-мусульманских авторов *Моголистан* и его населения из-за склонности к постоянным набегам и грабежам *джете* (разбойники) стали противостоять оседлым и кочевым народам Вароруда, известного тогдашнему миру как *Чагатайский улус*, населенные в монгольском восприятии «*караунасами*» («*метисами*»). Эти культурные отличия стали также поводом многочисленным вторжением ханов Моголистана в Вароруд и грабежа его городов и населения, из-за разобщенности и междоусобиц его ханов, эмиров и племенных вождей. Требовался новый лидер как эмир Исмаил Саманид, который мог бы централизовать власть над целым регионом Вароруд и сопредельными областями, тем самым прекратить

разобщенности и междоусобиц, и обеспечить стабильность и дальнейшее его развитие.

Эту историческую миссию с успехом выполнили новички-пришельцы с востока- род барлас, который во времена чагатайских ханов, откочевали с монгольских степей и выбрали правый берег среднего течения Амударьи для своего нового места обитания.

Десятилетняя деятельность яркого представителя этого рода Тимура с 1360 по 1370 годов не только ярко демонстрирует уровень хаоса и междоусобицы, но и маргинализации степных идей и ценностей под влиянием мусульманской культуры в Вароруде: бунт не только против чагатайских ханов, но и против улусных эмиров; строительство дворцов вместо продолжения регулярных откочевок; возвращение резиденции правителя в Самарканд; почитание исламских богословов и много другое¹.

Новый эмир Тимур, первый создатель нового государства не из чагатайцев, а из удачливых представителей улусных эмиров, легитимизовавший своей власти посредством брачной дипломатии (женитьба на представителях чагатайского рода-дочери хана Казана и др.) не мог полностью порвать с *ясой* Чингисхана. За полутора столетия правления чингизидов в обширной территории Евразии эти *ясы* приобрели непререкаемый авторитет не только в Великой степи, но и в покоренных странах, где довольно успешно конкурировали с местными политико-культурными традициями. Поэтому новый *эмир* (саманидский титул), принял также новый степной титул *гурган* («зять»)², чтобы продемонстрировать свою близость к дому Чингисхана (среди многочисленных других претендентов за власть). Другим инструментом узаконива-

¹ Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т.П.Ч.І.-М.: «Восточная литература», 1963, с.157-158.

² Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т.П.Ч.І.-М.: «Восточная литература», 1963, с.157.

ния своей власти со стороны Тимура и его последователей была практика возведения на престол марионеточных ханов-чингизидов. Теперь подставные ханы заменяли аббасидских халифов для настоящих основателей государственных образований.

А самым действенным инструментом создания обширной державы, как и в саманидские времена, оставались следующие инструменты как *сабля* и *хутба*, когда основатель государства благодаря своей вооруженной силы, обладая серией городов, приходил в их соборной мечети, где прочитались в его пользы хутбы. Эти обстоятельства, как и пятьсот лет тому назад, означали смены власти и утверждения новой династии.

Здесь мы не можем согласиться с мнением ведущего специалиста, утверждавшего, что у эмира Тимура мусульманская (включая саманидской) традиция уступала монгольским традициям¹, так как имеются ряд примеров о преобладании второго:

- принятого самым Тимуром (мусульманско-саманидского) титула *эмира*, а не *хана* или *гурхана* (степных титулов);

- продолжение традиции мусульманских ханов-предшественников строить *дворцы*, вопреки отчаянного сопротивления хранителей степных традиций, предпочитающих *откочевок*;

- строительство на границе со степью (кроме Шахрисабза и Самарканда) величественного мавзолея в честь знаменитого среди степняков святого Ахмеда Ясави (близ Туркестана Казахстана), а также советы архитекторам и строителям в процессе планировке и строительства своих грандиозных сооружений;

- публичные дискуссии по религиозным темам с ведущими богословами (ханафитского толка суннитского ислама)

¹ Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т. II. Ч. I. - М.: «Восточная литература», 1963, с. 158.

своей державы и почитание известных их представителей, сохранение мечетей и иных мусульманских сооружений при осаде и завоеваний городов и стран;

-сохранение и широкое использование таджикского языка в делопроизводстве и гражданской (таджикской) бюрократии его державы;

-привлечение в столицу державы (Самарканд) ученых и поэтов из завоеванных стран и городов, беседа с ними в исторические и иные темы, игра в шахматы;

-максимальное расширение контроля над сухопутными маршрутами шелкового пути и т. д.¹.

Один из примечательных аспектов многосторонней деятельности эмира Тамерлана состоит в том, что он восполнил пробел в градостроения в Вароруде. Общеизвестно, что монголы после завоевания Вароруда и Хорасана массово казнили населения многих его городов, делая исключения только для религиозной верхушки, изъявивших лояльность новым завоевателям, а также ремесленникам. Эти многотысячные ремесленники были вогнаны на сооружение различных фортификационных или иных инженерных сооружений во время осадных дел или строительства новой столицы (Каракорума) в Монголии и (Ханбалыка) в Китае. Поэтому ощущалась нехватка ремесленников в Вароруде и Хорасане, имеющих тысячелетней непрерывной традиций, которого восполнил эмир Тамерлан, которой продолжил традиции угона ремесленников, на этот раз в Центральную Азию. Строительство «победных сооружений», начавшийся при Караханидах, приобрело при эмире Тамерлана и его преемников грандиозных масштабов. Блеск и величие таких монументальных сооружений как Гури Эмир, Биби-ханум, Шохи Зинда, и несомненно, медресе Улугбек (как первая часть комплекса Регистон) в наши дни свидетельствует об их строительном гении. Многие смежные

¹ Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т. II. Ч. I. - М.: «Восточная литература», 1963, с.157-160.

отрасли, связанные с градостроительством, как скульптура, живопись, керамика, работа по дереву, металлу и стеклу возродились в новом величии. При этом современный американский исследователь допускает, что этот «завоеватель мира», отличился от своих предшественников, был больше заинтересован не в поиске «идей», а в «вещах», поэтому не жалел денег на архитектуру¹.

А экономическую мощь новой централизованной державы Тимуридов составляла еще одна саманидская традиция-патронаж над Великим шелковым путем. Тамерлан достиг его с двумя путями:

-во-первых, переносом столицы своей державы с периферийного города Карши (Шахрисабз) в Самарканд, ключевого города Вароруда;

-во-вторых, ликвидацией всех своих конкурентов-государств в сухопутных маршрутах и узловых пунктах шелкового пути от северной Индии до Золотой Орды в южнорусских степях и прибрежных портов восточного Средиземноморья.

После этих титанических усилий он хотел завоевать и самой страны-изготовителя шелка-Китая, в начале похода против которого он и скончался.

Дальнейшее возрождение саманидских традиций происходило после смерти основателя державы великого эмира Тамерлана, когда верховная власть в его государстве перешел к его сыну Шахруху со столицей в Герате, а Вароруд стал уделом его сына-преемника Улугбека со столицей в Самарканде. Если во время саманидской эпохи среди множества процветающих городов Вароруда и Хорасана особенно выделялись Бухара и Самарканд, оба находящиеся в первом, то в эпоху тимуридов на первый план вышли Герат и Самарканд,

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблшер, 2017, с. 446.

по одному городу в двух исконно таджикских областях Центральной Азии. При этом Герат, принявший статус главного города Хорасана от Нишапура и Балха, как центр международной торговли, был более ориентирован на Индию, а Самарканд на традиционный Китай.

Новый эмир Шахрух (1405-1447 гг.), больше чем его отец, был пропитан мусульманской культурой и благочестивыми традициями, который окончательно порвал со степными традициями. Он не стал практиковать традицию своего отца по выдвижению марионеточных ханов в лице представителей чингизидского рода. Двое его сыновей – Улугбек и Бойсункар, а позднее последний просвещенный султан (Хусейн), внесли весомый вклад в возрождении подлинного «золотого века» в Вароруде и Хорасане, как пятьсот лет назад (славная эпоха Саманидов). Их талант был раскрыт, не в подражании завоевательных походах грозного деда и ни в политике, а в научно-культурной деятельности.

По сообщению специалистов, сам эмир Шохрух гордился тем, что у него были две одаренные сыновья, один из которых помогал ему в обеспечении величия державы в самой столице (Герате), а Улугбек в столице Вароруда (в Самарканде), который среди прочего, удерживал восточные периферии державы от набегов и нашествий беспокойных соседей.

Младший сын эмира Шохруха Бойсункар Мирзо и его властная мать Гавхаршод Бегим выступили его верными соратниками в превращении Герата в величественный город всей державы. В столице среди множества мечетей и медресе было построено также медресе для девочек (Мусалла)¹, что является редким явлением для общества с доминированием ортодоксального суннитского духовенства.

¹ Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2017, с. 450.

Бойсункар Мирзо более известен своей деятельности по созданию книгохранилище (китобхона)

Саманидская стратегия, несмотря на натиск Великой степи, почти полностью возродилась в Вароруде во время продолжительного правления сына Шахруха эмира Улугбека (1409-1449 гг.). Некоторые отклонения от классических проявлений некоторых элементов стратегии Саманидов, были с лихвой компенсированы тем обстоятельством, что сам эмир непосредственно занимался высокими науками. Ученый эмир Улугбек возродил традиции приглашения «людей пера» ко двору, финансировал и руководил строительства медресе (в том числе медресе Улугбек в знаменитом Регистане) и обсерватории. В этой обсерватории он сам руководил астрономические наблюдения своих коллег и учеников, зафиксировав их в научных трудах¹. Величие этой последней эпохи высокого полета мысли в Вароруде проявилось даже в том, что сын этого ученого эмира, спровоцировавшего убийства своего отца, Абдулатиф также занимался астрономией, поэзией и историей и покровительствовал ученым².

Эти четыре десятилетия высокого полета научной мысли во главе с единственным ученым эмиром Вароруда, как в саманидской эпохе, в последующем было заменено окончательным доминированием реакционного духовенства во главе с Ходжа Ахрором. Этот предводитель той части духовенства, отрицающий место и роли науки в повседневной жизни мусульман, как бухарские садры саманидской эпохи, играл ключевой роли в отречении от власти этого ученого правителя и замены его власти интеллектуально ограниченным и послушным эмиром-темуридом Абусаидом³. Теперь этот «де-

¹ Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.157-161.

² Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II. Ч. II.-М.: «Наука», 1964, с.157-146

³ Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.157-161.

ревенский шейх»¹ со своими экзальтированными сторонниками, выигравший борьбу против ученого эмира и сторонников городской культуры в лице местного книжного богословия и ученых, стали доминировать в повседневной общественно-политической и культурно-экономической жизни народов региона. Теперь местное ограниченное (или реакционное) духовенство и степная конница, вместо гражданской бюрократии и «людей пера», стали опорой трона, которые не могли не превратить великую страну (Вароруд) в поле брани, междоусобиц, религиозных войн и бесконечных дворцовых переворотов.

Необходимо отметить также, что со времен начала правления Тимура Таримский бассейн (совр. СУАР Китая), всегда тяготеющий к Вароруду, начал отделяться от него в политическом плане. Этому искусному полководцу, завоевавших многих регионов, как Иран, Афганистан, Кавказ, Золотую Орду, не удалось закрепиться в этом регионе, сохранивший верность монгольским традициям.

Постепенное усиление России, гонявших различных остатков чингизидского наследия в Великую степь и Вароруд, а также превращение шиизма (в противовес к суннизму) в государственную религию Ирана, не могли не усугубить еще больше положения дел в этой древней стране, испытывающей давления, как с севера, так и с запада.

Утонченная светская власть просвещенного эмира и городская культура была окончательно заменена реакционным (религиозным) мракобесием, продолженного до конца XIX века. Теперь не просвещенные эмиры и султаны, занимающие науками или покровительствующие им, а их представители отличающиеся только мусульманским благочестием, но интеллектуально ограниченные, превратились раз и навсегда в послужных мюридов реакционных шейхов («пиров»).

¹ Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т. II. Ч. I.-М.: «Восточная литература», 1963, с.267

Необходимо отметить, что эстафету просвещенной монархии с саманидскими традициями через некоторое время после убийства ученого эмира Улугбека, захватила гератская ветвь тимуридов. Султан Хусейн (1469-1506 гг.) на следующие четыре десятилетия при деятельном участии своего просвещенного визиря Мир Алишера Навои и предводителя городского духовенства (тариката Накшбанди) великого таджикского поэта Абдурахмана Джами превратил Хорасан с его центром – городом Герат в последний раз в большое средоточие «людей пера»¹.

Несомненное превосходство этого вида просвещенного государства (в Хорасане) над государством с ограниченным правителем, опирающегося на реакционного духовенства (в Вароруде) мы видим в просьбе тяжело больного Ходжа Ахрора, главы варорудских накшбандиев, ярый противник науки, к просвещенному визиру Алишеру Навои, о присылке врача (в 1490 г.)². Этот ярый враг науки и всякого прогресса, лечивший людей заклинаниями, в предсмертном одре обратился к науке, к медицине, представители которой благодаря его стараниям и его рьяных учеников, массового покинули Вароруд и нашли убежище в последний раз в новом центре Хорасана. Вот как описывает время правления Султана Хусейна другой представитель поздних тимуридов, создатель собственной, не менее славной державы, Бабур: «Другого подобного города, как Герат, не во всем населенном мире; во время Султана Хусейна, благодаря его управлению и его заботливости, блеск и красота увеличилось в 10, даже в 20 раз»³.

Одной из выдающихся особенностей этой последней просвещенной эпохи является посылка книг (наряду с tradi-

¹ Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения. Т.П.Ч.І.-М.: «Восточная литература», 1963, с.157-161.

² Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т.П.Ч.ІІ.-М.: «Наука», 1964, с.229.

³ Цит. по Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Сочинения. Т.П.Ч.ІІ.-М.: «Наука», 1964, с.231. ???

ционными подарками в виде шелковых и ювелирных изделий, скакунов и многое другое) в составе посольства в соседние государства Центральной Азии. Ведущий российский специалист сообщает об отправке варорудского правителя к своему хорасанскому соседу, а этого правителя к следующему соседу книг в виде астрономических таблиц (Улугбека) и собрания сочинений стихов (Джами)¹. Другими словами, пять столетий высокого полета мыслей в Вароруде и Хорасане, книга нашла свое достойное место во внешней политике стран региона.

Из всех элементов саманидской стратегии в этом периоде явно доминировал «таджикско-тюркский синтез». Уже в второй половине XIII века средневековый автор сообщает о поэтических способностях известного в то время местного богослова Хусамиддина ал-Асими Барчынлыги (из Барченда на Сыр-Дарье), который писал стихи на трех языках, когда его арабские стихи были красноречивыми, таджикские- остроумными и тюркские- правдоподобными². Как было рассмотрено выше, уже во времена халифа Мамуна (813-833 гг.) уже стали сочинять таджикские стихи наряду с арабскими, когда первые отличились красноречием, а вторые с идейной насыщенностью. Теперь к ним окончательно присоединились тюркские стихи, в первую очередь, своей непосредственностью. Здесь мы наблюдаем историческую заслугу выдающего ученика великого таджикского мыслителя Абдурахмана Джами Алишер Навои (1441-1501 гг.), которому, в отличие от тюркских авторов караханидского периода (Юсуфа Баласагуни и Махмуда Кашгари), не только удался создать литературные шедевры, но и найти многочисленных поклонников и последователей.

¹ Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Сочинения. Т.П.Ч.П.-М.: «Наука», 1964, с.236.

² Цит. по Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Сочинения. Т.П.Ч.П.-М.: «Наука», 1964, с.204.

Меценатство Алишера Навои был подобен меценатству саманидского визиря Балъами (покровителя Рудаки), от которого получили большую пользу такие известные историки как Мирхонд (ум.в 1498 г.) и Хондамир (1475-1535 гг.), а также известный художник Бехзод и многие другие¹.

Уход из политической жизни последних Тимуридов имеет как сходство, так и отличие от ухода поздних Саманидов. Сходство в том, что внешняя угроза и в этот раз пришла со севера со стороны Великой степи, от кочевых узбекских племен под руководством Мухаммада Шейбани. А отличие в том, если поздние Саманиды страдали от реакционной части духовенства и сепаратизма удельных вассалов и вельмож, призвавшего в свою родину чужеземных захватчиков, то продолжительное правление Султана Хусейна привело к недовольству этим обстоятельством его сыновей и внуков, стремящих к самостоятельности и раздела обширной империи. Дело дошло до того, что после смерти этого просвещенного Султана Хусейна, его окружения поставило во главе государства два его сына - конкурента Бадиуззамона и Музаффар-Хусейна, которые и должны были одновременно возглавить войска Темуридов против вторгнувшиеся в страну Шайбанидов. Эта недалновидная политика привела к тому, что уже в 1507 году Мухаммад Шейбани был в Герате, где была закончена с славной эпохой просвещенных Темуридов.

Теперь в Вароруде и Хорасане, по словам уточненного Бабура, воцарился «не выдавший света деревенщина»², власть которых, к сожалению, продолжалась до нового времени.

Классическое просвещение Вароруда и Хорасана, под натиском Великой степи постепенно переместилось в Индию

¹Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Сочинения. Т.П.Ч.П.-М.: «Наука», 1964, с.257.

² Цит. по Бартольд В.В. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Сочинения. Т.П.Ч.П.-М.: «Наука», 1964, с.260.;

и Средний Восток, где дало выдающиеся ростки, которые ждут своего скрупулезного исследователя.

Реалии и перипетии этого перехода красочно описан в «Бабур-наме» («Записки Бабура») последнего талантливой представителя дома Тимуридов Захирридина Бабура, создавшего после упорной борьбы с кочевыми Шайбанидами в Вароруде и Хорасане, централизованной и просвещенной державы в Индии¹. Созданный им и его преемниками централизованной державы, как Саманидская и Тимуридская держава, вместо множества мелких и враждовавших между собой княжеств, обеспечивала, среди прочего, идеальную среду для начала или продолжения для множества талантливых людей из Вароруда, Хорасана, а также, несомненно, из Индии и сопредельных регионов.

¹ Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме. Ташкент. Главная редакция энциклопедий, 1992, 312 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тщательное рассмотрение объективно исторических предпосылок подготовки почвы для разработки Стратегии Саманидов, сам процесс разработки и реализации данной стратегии, а также вклад постсаманидских государств - преемников этой славной династии по распространению по всему миру этой просвещенной практики ярко демонстрирует того исторического пути, какой проходил таджикский народ в самом начале своего этногенеза.

Складывание единого таджикского народа в «сердце» Азии и его плодотворное сотрудничество с соседними народами, в первую очередь, с различными тюркскими племенами и народами в лоно мусульманской культуры дало небывалый урожай для человеческой цивилизации.

Предки таджикского народа, обитавших в обширных землях в бассейне двух великих рек-Амударья и Сырдарья (Окс и Яксарт в древности и Джейхун и Сайхун в средневековья) были вовлечены со стороны арабов к исламскому миру в качестве рабов-клиентов (араб. «мавали»). Эти мавали, будучи носителями великих традиций создания и управления великих империй прошлого, не могли быть сторонним наблюдателем попыткой арабов создания централизованных государственных образований. Арабы, не обладавшие собственной традицией и практикой создания обширных государственных образований, не были способны к управлению все разраставшейся мусульманской уммы, которой была так необходима «государственная оболочка». Даже широкое приглашение представителей побежденных народов (иранцев, сирийцев, египтян, византийцев и др.) со стороны первых «праведных халифов» и Омейядских халифов не могло исправить положение дел.

В создавшем положении дел перед быстро формирующего мусульманского суперэтноса остро стоял две первичные стратегические задачи:

1. Создание структуры мусульманской державы, позволяющей управления разно племенного народа, разбросанного от иберийского полуострова Европы на западе до окраин Великой степи на востоке;

2. Формирование политико-идеологического базиса этой обширной мусульманской державы.

Эти две актуальные стратегические задачи мусульманского суперэтноса были решены благодаря активном участии предков таджикского народа с тесном сотрудничестве с представителями других народов (в первую очередь, самими арабами).

Хорасанским воинам харизматического военного лидера Абу Муслима удалось отобрать власти у непопулярных Омейядов, опирающих на узкий арабский национализм и передать ее Аббасидской династии. Новая династия (бравший свое название от дяди пророка Аббаса, не будучи мусульманином) не могла уже игнорировать того исторического вклада неарабских народов (в первую очередь, хорасанцев). Теперь ислам вышел из своего «арабского обличения» и стал наднациональной мировой религией. Новая столица новой династии (Багдад) была создана вблизи Ктесифона, бывшей столицы великой Парфии, созданной предками таджикского народа (дахами-массагетами) и для непосредственное управление обширной империей была приглашена лучшие представители великой плеяды визирей Бармакидов из буддийского Навбахора близи древнетаджикского города Балха. Они, в свою очередь, максимально усовершенствовали деятельность государственных диванов, один из древнейших образцов государственного

управления в иранском мире, разветвленная сеть, которой охватили все области обширного халифата. Первые аббасидские халифы, будучи верными традициям «джихада», свое большое время проводили в военных походах, поэтому Бармакидский род великих визирей выступили воистину в роли реальных строителей первой мировой мусульманской державы.

Бармакиды не только выступили реальными строителями власти, но и заложили твердый фундамент в формировании «исламского ренессанса», путем возрождения сасанидской интеллектуальной традиции «Гунде-шапура», когда великая античная (греческая) мысль в виде произведений Аристотеля, Платона и многих других были переведены на арабский язык. Этим научным занятием они перехватили интеллектуальное первенство у христианской Византии, так как она прямая наследница древней Греции, в первую очередь, должна была заботиться о преемственности научной мысли своих предков. Для этого в Багдад были приглашены лучшие умы халифата, среди которых явно доминировали хорасанцы и варорудцы, выходцы из древних таджикских земель.

Вторая задача политико-идеологического базиса новой обширной теократической империи также была решена при активном участии предков таджикского народа - великих имамов Абу Ханифы, Мухаммада Бухари и Абуисы ат-Тирмизи и десятки других, которые скрупулезно («до последней крупинки») изучили изречения, поступки великого Пророка ислама (с) и кодифицировали их. Данная кодификация и систематизация хадисов великого Пророка ислама (с) со стороны лучших представителей таджикского богословия создал тот базис-шариат (кодекс предписаний для

каждого мусульманина) для Аббасидского халифата и последующих этнодинастийных государств.

Вскоре один из амбициозных аббасидских халифов-Мамун, сын Хоруна ар-Рашида, еще будучи хорасанским наместником своего отца и старшего брата, превратил свою резиденцию (Мерв) в интеллектуальную столицу всего халифата, отобрав первенства у Багдада. Он, приходя к власти при военной поддержке таджикских аристократических домов, будучи еще в Мерве, хотел сделать ее новой столицей всего халифата. После десяти лет правления всей обширной державой, доходящей на западе до юга Франции с таджикского города Мерва, опасаясь потери западных областей халифата вынужден был вернуться в прежнюю столицу (Багдад).

Все вклады представителей таджикского народа у укреплении и развитии Аббасидского халифата не были оценены и награждены со стороны верховной власти мусульманского мира, а, наоборот, они в большинстве случаев стали жертвами репрессивной политики арабских халифов по отношению к ним. Поэтому лучшие умы таджикского народа в лице дальновидных эмиров дома Тахира-опоры арабского халифата стали подумывать о политическом суверенитете (при духовной власти халифов) и они, впервые в истории халифата, объявили себя политической независимости.

Эту традицию перехватили и другие таджикские правящие дома - Саффарида Систана и Саманида Вароруда, которые наперекор приказам багдадских халифов, стали заложить возвышения своих этнодинастийных таджикских государственных образований. В этом объективном противостоянии двух древних таджикских областей (Согдианы и

Систана) одержала вверх первая, расположенная в центре всех исторических областей таджикского народа.

Эмиру Исмаилу, фактическому основателю Саманидской державы, удалось не только укрепить первое таджикское централизованное государственное образование, но и начать разработать семь элементов Стратегии Саманидов: таджикский язык как официальный язык государства; предпочтение светского характера государственного устройства (эмирата/султаната) в противовес имамату (религиозной формы); закрепление статуса великого визиря и государственных диванов государственном управлении; распространение ханафитского толка суннитского ислама в стране и за его пределами; продвижение «таджикско-тюркского синтеза»; повсеместное расширение меценатства над «людьми пера» и продолжение патронажа над великим шелковым путем.

Все остальные девять славные эмиры Саманидов наряду с великими визирями и всей государственной бюрократией державы, поддержанные на местах просвещенными наместниками и вассалами стали усердствовать в дальнейшей разработке и практической реализации этой стратегии в непосредственной жизни. Эта стратегия стала уже ввремя правления последующих саманидских эмиров приобрела масштабной популярности, что из всех уголков исламского мира и за его пределами спешили в Бухару и другие города Вароруда и Хорасана чтобы приобщиться к ее живительному благу.

Вскоре и соседние государства стали соперничать между собой, чтобы претендовать за обладания этой просвещенной стратегией. После ухода с политической сцены Саманидской державы, в основном, из-за внутреннего саботажа реакционного духовенства («людей чалмы»), рев-

ниво относящееся меценатству высокопросвещенных саманидских эмиров «людям пера», это соперничество ужесточилось.

Все последующие государственные образования Варо-руда и Хорасана, постепенно расширяющиеся далеко за их пределами, стали бережно относиться к этой саманидской стратегии «Открытый мир таджиков». В итоге из берегов Бенгальского залива до Босфорского пролива стала распространяться эта высококультурная стратегия, к которой тянулись все народы, расположенных вдоль маршруту ее продвижения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

литература на таджикском языке

1. Гафуров Б.Г. Точикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. К.І. –Душанбе, «Ирфон», 1998, -704 с.
2. Мирзозода Холик. Таърихи адабиёти тоҷик (Аз давраи қадим то асри XIII), -422 с.
3. Низомулмулк Сиёсатнома (Ба чоп тайёркунанда А. Девонакулов).— Душанбе: «Адиб», 1989, -200 с.
4. Худуд-ул-олам, Ибни Ҳавқал. Сурат-ул-арз, Муҳаммад Обиди Иршод. Чаҳорбоғи гулҳо.- Душанбе, «Адиб», 2008, -192 с.

литература на русском языке

5. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов// Древний Восток и античный мир. –М. МГУ., 1972., с.26-36
6. Абаева Г.Г. К вопросу о главенстве Бадхшана на «шелковой дороге» в раннем и позднем средневековье // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». –М. 1991.
7. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, «Ылым»,1969, -297 с.
8. Агаджанов С.Г. Сельджукское завоевание и государства Сельджукидов. // История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, -716 с.
9. Агаджанов С.Г. Торговля в среднеазиатской трассе шелкового пути в XI-XII вв. // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов», Тезисы докладов. –М. Т. II. 1991.
10. Акишев К.А. Курган Иссык, Искусство саков Казахстана. – М.: «Искусство», 1978, - 142 с. ил.
11. Акишев К. А. Общество и письмо у саков Казахстана.// Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические

- и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов. -Алма-Ата. 1976, с. 11-13.
12. Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. — 400 с.
 13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространения национализма./ Пер.с англ.В. Николаева.-М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001, -288с.
 14. Антонова Е. В. Сельское хозяйство. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.- М. Вост. лит., 1995, с. 103-107.
 15. Артамонов М. И. История хазар. –Л. Изд. Гос. Эрмитажа. 1962. -521с.
 16. Артемов И.В. Средняя Азия в III-XIII вв.// История Востока. Т.II.-М.:«Вост. лит.», 1995, с. 261-268.
 17. Ашрафян К.З. Делийский султанат в XIII в. //История Востока. ТII.-М.: «Восточная литература», 1995, с.419.
 18. Ашрафян К.З. Тимур и Тимуриды в Средней Азии.// История Востока. Т.II.-М., Вост. лит., 1995, с. 443- 451.
 19. Бабур Захир ад-Дин. Бабур-наме. Ташкент. Главная редакция энциклопедий, 1993,-464 с.
 20. Бартольд В.В. Сочинение. Т.I.- М.: Из-во Восточной литературы, 1963, -763 с.
 21. Бартольд В.В. Сочинение. Т.II.Ч.I- М.: Из-во Восточной литературы, -1016 с.
 22. Бартольд В.В. Сочинение. Т.II.Ч.II- М.: Наука, 1964, - 658 с.
 23. Бартольд В.В. Сочинение. Т.III- М.: Из-во Восточной литературы, 1965, -706с.
 24. Бартольд В.В. Сочинение. Т.IV- М.: Из-во Восточной литературы, 1966,-772 с.
 25. Бартольд В.В. Сочинение. Т.V- М.: Наука, 1968, -750 с.
 26. Бартольд В.В. Сочинение. Т.VI- М.: Наука, 1966, -772с.
 27. Бартольд В.В. Сочинение. Т.VII- М.: Из-во Восточной литературы,1971,-668 с.

28. Бартольд В.В. Сочинение. Т. VIII- М.: Наука, 1966, -719 с.
29. Бартольд В.В. Сочинение. Т. IX- М.: Наука, 1962,-962 с.
30. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана //Вестник древней истории. 1947 № 2, с.51-71.
31. Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме//Вестник древней истории. 1947 № 2, с.134-138.
32. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы.— Избранные труды. М.: «Наука», 1960, -556 с.
33. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I.- М.; - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. -471с.
34. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II.- М.; - Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. -302 с.
35. Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа. – М. «Наука», 1962, -192 с.
36. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи.-М.: «Наука», 1988, -303 с.
37. Бокщанин А.А. Китай в конце VI- начале X в. // История Востока. Т. II. -М.: Вост. лит., 1995, с. 157-174.
38. Бокщанин А. А. Китай в X-XIII вв. (Империя Сун. Государства Ляо и Цзинь) // История Востока. Т. II. -М.: Вост. лит., 1995, с. 298-320.
39. Бокщанин А. А. Китай во второй половине XIV-XV в. // История Востока. Т. II. -М.: Вост. лит., 1995, с.528- 546.
40. Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.)// Страны и народы Востока. Вып. XXII. -М.: 1980. с. 132-135
41. Большаков О.Г. Арабские завоевания. Халифаты Умайядов и Аббасидов. Роспространение ислама.// История Востока. Т.2. Восток в средние века.- М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995, с. 125.

42. Большаков О.Г. Ближний Восток в эпоху крестовых походов. // История Востока. Т II.-М.: «Восточная литература», 1995, С.241.
43. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история.- СПб,: Алетейя, 2001.-224 с.
44. Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II –I веках до н.э. – М. ИВ РАН. 2001,-368 с.
45. Бураев Д. И. Религия бон. Проблемы происхождения и роли в становлении тибетского государства VII-IX веков. Улан Удэ. 1998. -157 с.
46. Васильев Л.С. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти.- М.: «Наука», -392 с.
47. Васильев Л.С. История религий Востока. Учебное пособие для вузов.-4-е изд.-М.: «Книжный дом Университет», 1999, -425 с.
48. Васильев Л. С. Древний Китай. Т.1. –М.: Вост. лит, 1995, -378 с.
49. Вельгус В.А. Средневековый Китай. -М.: «Наука», 1987, -204с.
50. Вельгус В.А. Известия о странах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов. – М. 1976,-273 с.
51. Велльхаузен Юлиус. Арабский халифат. Золотой век ислама./ Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.- М.: Центрполиграф, 2018, -351с.
52. Воробьева- Десятковская М. И. Хотано- саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.2. –М.: «Наука», 1992, с. 41.
53. Ворожейкина З. Н. Литературная служба при средневековых дворах.//Очерки культуры средневекового Ирана.-М.: «Наука», 1984 с. 142. ?
54. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.1.Очерки, истории. –М. «Наука», 1988, -452 с.

55. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.2. Этнос, языки, религии. –М.: «Наука», 1992, - 682 с.
56. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.3.Хозяйство, материальная культура. –М.: Вост. лит., 1995, - 523 с.
57. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Т.4. Архитектура, Искусство. Костюм. –М. Вост. Лит., 2000, - 584с.
58. Всеобщая история искусств. Том II. Искусство Средних веков. Книга II. Авторы: Б.В. Веймарн, Т.П. Каптерева, А.Г. Подольский; под общей редакцией Б.В. Веймарна и Ю.Д. Колпинского.- М.: «Искусство», 1961. -946 с.
59. Гафуров Б.Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. 1972. с. 61-71.
60. Герценберг Л. Г.Фрагменты хотаносакской Сангхата-сутры.// Осетинская филология. - Орджоникидзе, 1981. - Вып. 2. - С. 22-26.
61. Гиршман Р. Кушаны и Иран// Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М. 1972. с. 139-145.
62. Гойтейн С. Изменения на Ближнем Востоке (950-1150) в свете документов каирской генизы// Мусульманский мир (950-1150).- М.: «Наука», 1981,-312 с.
63. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между Цзинь и Сун (1127-1142). – М., «Наука», 1986. – 291 с.
64. Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. –М.: «Восточная литература» 1998,-343 с.
65. Грумм- Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. – М. 1948.
66. Гумилев Л.Н. Подвиг Бахрама Чубины. Л., Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962,-40 с.
67. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. –М.: 1992, -232 с.

68. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. -М.: Экопрос, 1993.-544с
69. Гумилев Л.Н. Величие и падение древнего Тибета // Страны и народы Востока. Вып. 8.- М. «Наука», 1969, с. 153-154.
70. Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956.
71. Зелинский А.Н. Древние пути Памира// Страны и народы Востока. Вып. III.-М.: «Наука», 1964, с. 99-108.
72. Ибн ал-Асир. Издание Торнберга. (Лейден и Упсала, 1851-1871,).
73. Иванов И.А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы// Восток 1994 №4, с. 5-18.
74. Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог выставки.- Л.Эрмитаж, 1992, -28 с.
75. «История» ат-Табари. Избранные отрывки. Перевод с арабского В.И. Беляева с дополнениями О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. II, 1146.
76. История Востока. Т.1. Восток в древности.- М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1997.-688с.: карты.
77. История Востока. Т. II. Восток в средние века. -М. Вост. лит. 1995.-716 с.: карты.
78. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй /Под ред. Седова А.В.- М. 2004.- 711с.
79. Кабус-наме. Перевод, статья и прим. Бертельс Е.Э.- М.: Изд-во АН СССР, 1953,-278 с.
80. Карпов С.П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города //Византийский Временник, Т. 44. -М.: «Наука», 1986, с. 81-87.
81. Карпов С.П. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV –XV вв.

- //Византийский Временник, Т. 50. -М., «Наука,1989 с. 36- 46.
82. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.- М.: Изд-во АН СССР, 1951, -642 с.
 83. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники – М.: «Наука»,1964, -214 с.
 84. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб, «Петербургское востоковедение» 2004, -432 с.
 85. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. //Страны и народы Востока, т. X. 1971. С. 121-146.
 86. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке – Л., Изд. АН СССР, 1932, -99 с.
 87. Кравцова М. Е. «Жизнеописание Сына неба Му». Вопросы и ответы. // Петербургское востоковедение. Вып. 2, 1992. С. 354-384.
 88. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток.2001 № 5, с. 21- 31.
 89. Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. (История религии бон).-СПб. Изд-во «Евразия», 1998, с. 206-222.
 90. Кузнецов Б.И. Кто основал религию бон?// Центральная Азия и Тибет..Т.1. История и культура востока Азии.- Новосибирск: Наука,1972, с.132-134.
 91. Кузнецов Б.И. Культурные связи Памира с Тибетом // Страны и народы Востока. Вып. 16.- М. «Наука», 1975, с. 298-300.
 92. Кычанов Е. И., Савицкий Л.С., Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. –М.,1975, -319 с.
 93. Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. –М., Восточная лит. 2005. -351с.

94. Кычанов Е.И. История Тангутского государства. –СПб, СПбГ У, 2008, -767 с.
95. Кычанов Е.И., Завоевательные войны Чингиз-хана. // История Востока. Т. 2. –М.: Вост. лит. 1995. С. 375-384.
96. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. - 1978. - № 4. с. 84-98.
97. Любо- Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Вопросы истории. 1985. № 9. с. 88-100.
98. Любо- Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. -М.: «Наука», 1994, с. 212
99. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. -М. 2010.- 664 с.
100. Майтарчиян. М.Б. Погребальные обряды зороастрийцев. -М.; СПб.: Институт востоковедения РАН: Летний сад, 2001,с. 160.
101. Малькольм А.Р. Колледж. Парфяне. Последователи пророка Заратуштры.- М.: Центрполиграф, 2004, -190 с.
102. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск, «Наука», 1983,-297с.
103. Мамадазимов А.М. Новый Таджикистан: вопросы становления суверенитета. –Душанбе. «Дониш», 1996. -176 с.
104. Мамадазимов А.М. Политическая история таджикского народа. –Душанбе. «Дониш», 2000. -360 с.
105. Мамадазимов А. Великий шелковый путь. История становления, расцвета и распада. -Душанбе, «Сино», 2014 - 380с.
106. Мамадазимов А. Выход на мировую арену согдийской дипломатии во времена Тюркского каганата (VI-VII вв.)//Вестник ТГУБП, №3 (59)-Худжанд, 2014, с.157-163
107. Мамадазимов А.М. Второй поход Чжан Цяна на запад как начало распространения китайской дипломатии в

мире.// Вестник ТНУ, сер. гуманитарные науки, 2014, № 3/7 (148), с.149-153.

108. Мамадазимов А.М. Первая Таласская битва.// Вестник ТНУ, сер. гуманитарные науки, 2014, № 3/8 (150), с.134-137.
109. Мамадазимов А.М. Ареал обитания иранских кочевых племен до формирования шелкового пути (глазами специалистов- скифологов).// Учёные записки ХГУ. Гуманитарные науки. -2014. -№3 (40). – с.183-191.
110. Мамадазимов А.М. Выход на мировую арену согдийской дипломатии.// Вестник ТГУ права, бизнеса и политики. – 2014.- № 3 (59). –С.157-165.
111. Мамадазимов А.М. Формирование государственной идеологии древнего Китая.// Вестник университета (РТСУ). – 2014.- № 3 (46). –С.196-202.
112. Мамадазимов А.М. Распространение сельскохозяйственных культур, инвентаря и технологий по шелковому пути.// Теоретический и научно-практический журнал Кишоварз (Земледелец) Таджикского Аграрного Университета. -2014. -№3.
113. Мамадазимов А. Расцвет шелкового пути во времена Танской империи и государства Саманидов.// Вестник Таджикского Технического Университета.-2014.-№ 4 (28). С. 140-145.
114. Мамадазимов А.М. Вопросы взаимодействия торговли и соперничества народов и стран в восточной части формирующегося Шелкового пути.// Вестник ТГУПБП, серия общественных наук. – 2015.- № 1 (1). –С.139-143.
115. Мамадазимов А.М. Может ли вторично заблестеть «Шелковый путь» (на кит.яз.).// Научный журнал «Исследования рынка Восточной Европы и Центральной Азии». –Пекин, 1998, № 4, 3 с.
116. Марко Поло. Книга о разнообразии мира. - М.: «Мысль», 1997,-93с.

117. Мейер М.С. Османская империя в XIV-XV вв. // История Востока. Т. II.-М., Вост. лит., 1995, с. 493- 505.
118. Митин В.В. Елуй Чуцай и его роль в системе управления монгольской империи.//Псковский военно-исторический вестник. История и археология. Вып.2.- Псков, 2016, с. 102.
119. Мукашев Р.Р. К вопросу о торговом пути, проходившем по территории Средней Азии в древности// Древний Восток и античный мир. -М. МГУ, 1972, с. 12-20.
120. Мусульманский мир. 950-1150. Сборник. М.: Издательство «Наука».1981.-312с.
121. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы./Пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной, ред. А. Н. Болдырев. М., 1963,-78 с.
122. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. -М.: Изд-во Восточной литературы, 1960, -489 с.
123. Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия . -М.: Наука,1977,-123 с.
124. Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // Византийский Временник, Т. I (XXVI),-М., . Изд. АН СССР, 1947, с.184-214.
125. Пигулевская Н. В. Производство шелка в Византии и Ирана в IV в. // Византийский Временник, Т. X. -М., . Изд. АН СССР,1956 с. 3-8.
126. Пигулевская Н. В. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии // Византийский Временник, Т. IV. -М., . Изд. АН СССР,1951 с.84-90.
127. Пьянков И. В. Зороастр в истории Средней Азии. Проблема места и времени.// Вестник древней истории.1996, №6, с.11-16.
128. Пьянков И. В. Великий шелковый путь от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) по Птолемею.// Восточный Туркестан в древности и раннем средневеко-

- вье. Т.1.Очерки, истории. –М. «Наука», 1988, с 212-222.
129. Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. - СПб- М.:1998,-552 с.
 130. Рамазонов М. Абулкасим Хаким Самарканди и древний персидско-таджикский перевод произведения «Ас-Савод-ул-аъзам»// Вестник ТНУ. Серия филологических наук. № 4-7 (2017) –Душанбе, 2016, с. 254-257.
 131. Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // Вестник древней истории. – М.: 1997. – № 3. – С. 3 – 10.
 132. Смирнова О.И. Двугорбый верблюд на согдийских монетах.// Страны и народы Востока. Вып. XXV.-М.: «Наука», 1987. С. 142-148.
 133. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение. Перевод и комментарии В.А. Лившица.-М.: Изд-во Восточной литературы, 1962, -222 с.
 134. Ставиский Б.Я. О северных границах Кушанского государства // Вестник древней истории. 1961 № 1, с.108-114.
 135. Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. - Пер. с англ. - М.: Альпина Паблишер, 2017. - 574 с.
 136. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. – М.: Вост. лит., 2002. -510 с.
 137. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.IX. – М.: Вост. лит., 2010.- 623 с.
 138. Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великого Тан (Да Тан си юй цзи). –М. “Восточная литература”, 2012, -447 с.
 139. Успенский Ф.И. История Византийской империи.VI-IX вв. Т.II– М. 1999, -1071 с.

140. Успенский Ф.И. Движение народов из Центральной Азии в Европу// Византийский временник. Т. 1 (XXVI). – М. Изд. АН СССР, 1947, с. 9-28.
141. Успенский Ф.И. Морское и сухопутное движение народов из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII-XIV вв.// Византийский временник. Т. II (XXVII). – М. Изд. АН СССР, 1949, с. 267-275.
142. Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. - М. «Вост. лит.», 1981. -607 с.
143. Хуршудян Э.Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана.-Алматы: изд-во «Институт Азиатских исследований», 2015, -229 с.
144. Фрагнер, Берт Г. «Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. [пер. с нем.Э. Н. Сагетдинова; науч. ред. П.В. Башарин]. — М.: Фонд Марджани, 2018. — 136 с.
145. Фрай Р.Н. Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры. –М.: Центрполиграф, 2016, -223 с.
146. Фирдоуси А. Шах-наме. Перевод с фарси.-Техрон, 1379, с. 33
147. Фрейман А. А., Хорезмийский язык, [ч.] 1, М. — Л., Изд-во Академии наук СССР, 1951, -118 с;
148. Шумовский Т.А. Арабское мореплавание в пору ислама// Страны и народы Востока. Вып. 1959, с. 142-163.
149. Яценко И. В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы// Народы Азии и Африки, 1980 № 5, с. 102-130.

литература на английском языке

150. Bosworth С.Е. The political and dynastic History of Iranian World (A.D. 1000-1217). // Gambridge History of Iran. Volume V. - Cambridge University Press, 1968, s. 1-203.

151. Corbin H. Nasir-I Khisrau and Iranian Ismailism./ Cambridge History of Iran. Vol. IV.- Cambridge University Press, 2008, s.520-543;
152. R.N. Frye The Tahirids and Saffarids./ The Cambridge History of Iran. Vol.IV., 1999, s. 90-135
153. Fray R.N. The Samanids.// The Cambridge History of Iran. Vol. IV. The Cambridge University Press, 1999, s.136-161.
154. Lambton A.K.S. The internal structure of the Saljuq Empire.// Cambridge History of Iran. Volume V.- Cambridge University Press, 2008, s. 203-282.
155. Lasard G. The Rise of New Persian language.// The Cambridge History of Iran. Vol.IV. -Cambridge University press, 2008, S. 595-632.
156. Lobāb, ed. Browne, I, pp. 38-39, ed. Nafīsī, pp. 39-40; Jūzjānī, pp. 343-45; afā, Adabīyāt II, s. 53-55.
157. Madelung W. The minor dynasties of northern Iran.// Cambridge History of Iran. Vol. IV.- Cambridge University Press, 2008, s. 198-249.
158. Mamadazimov A. Revival of Silk Road.// Marco Polo Magazine. –Venice, 1998, № 2.
159. Minorsky V. Hudud al-Alam. E.J.W. Gibb Memorial Trust.- 1982, p.110.
160. The Silk Road: a History/ by Irene M. Franck and David M. Brownstone. 1986.

литература на немецком языке

161. Kremer von Alfred. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. B.I – Wien, Wilhelm Braumuller, 1875.-416.
162. Haussig H.W. Byzantinische Quellen über Mittelasien in ihrer historischen Aussage // Prolegomena to the sources on the history of pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979. S. 55-56.

163. Mamadazimov A.M. Die Entwicklung der tadschkisch-chinesen beziehungen bis in die Gegenwart/ Zentralasien. Der Blick nach Aussen. Internationale Politik aus zentral-asiatischen Sicht.- Bischkek, 2009.

интернет ресурсы

164. Абдаллах аль-Хаким ат-Термези. [//https://arboblar.uz/ru/people/abdallakh-al-khakim-at-termezi](https://arboblar.uz/ru/people/abdallakh-al-khakim-at-termezi) дата обращения 15.09.2020.
165. Алаев Л.Б. Азиатский способ производства. // Большая российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2004-2017. https://bigenc.ru/world_history/text/1803582 дата обращения 20.07.2020.
166. Герценберг Л. Г.Фрагменты хотаносакской Сангхата-сутры.// Осетинская филология. - Орджоникидзе, 1981. - Вып. 2. - С. 22-26. [//http://kvkz.ru/history/3480-fragmenty-hotanosakskoy-sanghata-sutry.html](http://kvkz.ru/history/3480-fragmenty-hotanosakskoy-sanghata-sutry.html) дата обращения 24.07.2020
167. Зендавеста. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [/https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%97%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%97%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0) дата обращения 05.10.2020.
168. Ибн-эль-Мокаффа//Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. - СПб. 1890-1907.// <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%98%D0%B1%D0%BD-%D1%8D%D0%BB%D1%8C-%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%84%D1%84%D0%B0> дата обращения 05.10.2020.

169. Кей-Кавус «Кабус-наме»/ перевод Е. Бертельса.
<https://booksee.org/book/599932> дата обращения
20.12.2020 ?
170. Матуриди. Электронная библиотека ИФ РАН. // https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/НА_SH01daff7ec1742c7c8a9ed5da дата обращения
19.09.2020.
171. Меценат.// Энциклопедический словарь Брокгауза и
Ефрона : в 86 т. — СПб. 1890—1907.//
<https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9C%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9C%D0%B5%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%82> дата обращения
05.10.2020.
172. Низамул-мулк. Сиасет-наме. (пер. Б.Н. Заходера). -М.:
АН СССР, 1949.//
http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Siaset_name/frametext2.htm дата обращения 27.09.2020
173. http://totalarch.ru/art_history/middleages/arab/arabia_syria_palestine_iraq дата обращения 12.08.2020.
174. Суфизм. Энциклопедия Кругосвет.//
<https://www.krugosvet.ru/enc/religiya/sufizm>. дата обращения 19.09.2020.
175. Тишков В.И. Примордиализм. // Полупроводники - Пу-
стыня. - М.: Большая российская энциклопедия, т. 27,
2015. - С. 498—499.
<https://bigenc.ru/ethnology/text/3167314> дата обращения
20.07.2020.
176. Хутба. Ислам. Энциклопедический словарь.
177. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/881/%D0%A5%D1%83%D1%82%D0%B1%D0%B0> дата обращения
30.12.2020
178. Bosworth С.Е. «Ghurids», Encyclopaedia Iranica,
<https://iranicaonline.org/articles/ghurids> дата обращения
15.12.2020

179. Brown Jonatan. The Canonization of Al-Bukhari and Muslim. BRILL, 2007.// https://books.google.com.tj/books?id=O-WvCQAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=The+Canonization+of+AlBukhari+and+Muslim&hl=ru&source=gbs_book_similarbooks#v=onepage&q=The%20Canonization%20of%20Al-Bukhari%20and%20Muslim&f=false дата обращения 15.09.2020.
180. Slave Dynasty and the Beginning of the Delhi Sultanate.//<http://www.thenagain.info/WebChron/India/SlaveDelhi.html> дата обращение 14.02.2021.
181. The Sogdian Ancient Letters. Translated by Prof. Nicholas Sims-Williams. School of Oriental and African Studies University of London // <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/sogdlet.html> дата обращения_06.01.2021.

АБДУГАНИ МАМАДАЗИМОВ

**ОТКРЫТИЙ МИР ТАДЖИКОВ. КНИГА I.
СТРАТЕГИЯ САМАНИДОВ**

Редактор	Носир Назарзода, д.ю.н.
Технический редактор	Шероз Курбонов
Дизайнер	Парвина Назарова

Сдано в печать 09.07.2021.

Разрешено в печать 12.07.2021.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Объем 23 п.л. Бумага офсетная.

Тираж 200 экз. Заказ №6

Отпечатанно в типографии ООО «Илм»

<https://ravshanfikir.tj/>

<https://ravshanfikir.tj/>